

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ АН СССР

РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

новая сила
в мировой политике
и экономике

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Ответственный редактор
И. Д. ИВАНОВ

Авторский коллектив

Введение — И. Д. ИВАНОВ,
Глава первая — И. Н. ЗОРИНА, Э. М. ФЕДОТОВА,
Глава вторая — И. Н. ЗОРИНА, И. Д. ИВАНОВ,
Глава третья — И. Д. ИВАНОВ, А. С. СОЛОНИЦКИЙ,
Глава четвертая — Я. Я. ЭТИНГЕР,
Глава пятая — И. А. ЕГОРОВ,
Глава шестая — Г. И. МИРСКИЙ,
Я. Я. ЭТИНГЕР, Л. В. ВИНОГРАДОВА,
Глава седьмая — И. Д. ИВАНОВ,
Глава восьмая — Р. Н. АНДРЕАСЯН,
Глава девятая — И. Д. ИВАНОВ,
Глава десятая — В. П. ЛУКИН, В. А. КРЕМЕНЮК,
Глава одиннадцатая — И. В. АЛЕШИНА.

Ученый секретарь
М. К. ПЕРОВА

В книге анализируются новая роль и место развивающихся стран в современном мировом хозяйстве и международных отношениях, рассматриваются особенности превращения этих стран в самостоятельные субъекты мировой политики, успехи и проблемы экономической деколонизации, борьбы развивающихся стран за новый мировой экономический порядок. Отдельные главы посвящены анализу попыток приспособления империализма к изменениям в развивающемся мире.

Р 0604030000-058
013(02)-84 7-83

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

Процессы внутреннего, формационного развития освободившихся стран, рассмотренные в ранее вышедшей книге данной серии («Развивающиеся страны в современном мире: общность и многообразие». М., 1983), проходят на фоне и в тесной взаимосвязи с кардинальными историческими переменами на мировой арене. В условиях соревнования двух систем и краха колониализма эти страны уже превратились в новую, самостоятельную силу в мировой экономике и политике и, как и предвидел В. И. Ленин, все более активно участвуют «в решении судеб всего мира» [38, с. 328].

Темп и масштабы перемен, происходящих ныне в бывших колониальных и зависимых странах, не идут ни в какое сравнение с их прежними «исторической бездеятельностью» и «историческим сном» [50, с. 30]. Ныне здесь широким фронтом разворачивается движение за равноправие в мировой политике, за экономическую деколонизацию и перестройку международных хозяйственных отношений. Родились формы коллективных действий развивающихся стран в защиту своих интересов, в том числе в ООН.

Все эти процессы, как подчеркивалось на XXVI съезде КПСС, исторически закономерны (см. [54, с. 15]). Но в своих конкретных формах они далеко не однозначны и не просты. Внешняя политика каждой из развивающихся стран определяется сложным и неустойчивым соотношением внутренних социальных сил. За пределами общих целей их коллективную дипломатию осложняют междоусобные конфликты, процессы дифференциации. Сохраняется и воспроизводится на новых основах зависимость этих стран от империалистических центров. Налицо многочисленные ловушки, расставляемые колонизаторами. Вследствие этого ход событий в развивающихся районах мира требует постоянного внимания, научной оценки и анализа на базе марксистско-ленинской теории и методологии.

Такой анализ продолжает данная книга. В первой своей части она посвящена рассмотрению последствий краха колониализма и нового места развивающихся стран в политической структуре современного мира и в мировой капиталистической системе хозяйства. Во второй части анализируются методы, программы и противоречия борьбы развивающихся стран за экономическую деколонизацию и укрепление политической независимости, включая программу «нового международного экономического порядка» (НМЭП) и деятельность движения неприсоединения, а также осо-

бенности взаимоотношений между самими развивающимися странами. В третьей части внимание концентрируется на политике империализма и, наоборот, социализма в отношении развивающегося мира, их влиянии на происходящие в нем события и процессы. Заключает том критический анализ теорий развития и идейной борьбы в этой области.

При подходе к изучению этих проблем авторский коллектив, как и в первой книге, руководствовался совокупностью определенных концептуальных положений, пронизывающих структуру, материал и выводы данной монографии.

Прежде всего это посылка о том, что даже при примате внутренних факторов в процессах формационного развития освободившихся стран чрезвычайно сильное и модифицирующее воздействие на ход и перспективы этого развития в современных условиях оказывает окружающая мировая среда. Это связано в первую очередь с соревнованием двух систем, обострением общего кризиса капитализма, глубокой и безальтернативной втянутостью экономики развивающихся государств в мирохозяйственные связи. В чисто экономическом плане эта окружающая среда во многом предопределяет в них характер общественного разделения труда, пропорций и цикла воспроизводства, уровень развития, структуру и эффективность внешней торговли. В политическом плане она приобщает развивающиеся страны к важнейшим проблемам современной глобальной политики, заметно влияет на становление их суверенитета, государственности, дипломатии, взаимных отношений. Наконец, в социальном плане она резко ускоряет ход общественного развития, которое идет даже с опережением прогресса производительных сил, а главное, кристаллизует альтернативы при выборе его путей, ибо, вопреки надуманной и эклектической концепции «богатый Север — бедный Юг», эта внешняя среда ныне предстает для развивающихся стран в виде двух противостоящих полюсов: лагеря империализма и социалистического содружества.

В свою очередь, подобная полярность, отражая переходный характер современной эпохи, превращает сам развивающийся мир в один из плацдармов в соревновании двух систем. Это форсирует процесс социально-экономического расслоения массива развивающихся стран. Существенно меняется положение и тех освободившихся государств, которые продолжают находиться в рамках капиталистической системы хозяйства, во «втором эшелоне» вторичной макроформации, формируя ее зависимую и эксплуатируемую часть.

Как стремились показать авторы, судьба этой группы стран в стратегии империализма весьма незавидна, ибо сама эта стратегия является продолжением его коренных признаков и свойств. Она направлена на сохранение их в качестве хозяйственной периферии империализма с двуединой целью: как резерва в соревновании двух систем и как той «подпочвы», которая насущно необходима для самого функционирования монополий и финансовой олигархии. Действительно, *«империализм»*, — подчеркивал В. И. Ленин, —

есть надстройка над капитализмом» [37, с. 155], хотя бы уже потому, что монопольная прибыль требует для своего формирования массовой перекачки прибавочной стоимости извне, из немонополизированных секторов хозяйства. В развитых капиталистических странах такие секторы (прежде всего мелкий и средний бизнес и земледелие) уже существенно сужены и обескровлены процессами концентрации и централизации, сопровождавшимися волной банкротств, и потому уже не могут, как прежде, обеспечивать прибавочную стоимость в массе, необходимой для процесса ее крупномасштабного монополистического перераспределения. Тем настойчивее стремление монополистической буржуазии раздвинуть границы этой питательной прослойки вширь, путем капиталистической ассимиляции общественных структур развивающихся стран, ибо «чистый империализм без основной базы капитализма никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет» [37, с. 151]. Естественно, что это тоже открывает определенные возможности для роста товарного производства и буржуазии на местах, в развивающихся странах, но роста строго дозированного, не выходящего за рамки сохранения их зависимого положения от империалистических центров.

Иные цели при хозяйственном сближении с развивающимися странами преследует социализм. Строго придерживаясь принципа, что выбор пути развития является внутренним делом каждого из народов, он тем не менее активно внедряет в хозяйственную ткань капиталистической периферии внешнеэкономические связи неэксплуататорского типа, «дающие возможность всем угнетенным народам избавиться от империалистического гнета» [45, с. 107]. Живой пример социализма, сковывание им агрессивных сил империалистического лагеря, превращение социалистического содружества в альтернативный источник средств и технологии для развития подрывают хозяйственную и политическую монополию империализма, ограничивают возможности проведения им политики диктата и неоколониализма в этом районе мира. Вкупе с повышением роли самих развивающихся стран в решении ряда глобальных проблем человечества, в первую очередь сырьевой и энергетической, это придает им в мировых делах вес, превышающий их хозяйственный потенциал или уровень развития, позволяет выдвигать и отстаивать далеко идущие программы борьбы за свои права. В итоге на широкий простор выходит борьба за перестройку международных экономических отношений, истоки которой ведут к Октябрю, а само движение за такую перестройку приобретает необратимый характер.

Таким образом, лейтмотивом книги является тезис, что в современном мире существуют не только две противоположные общественно-экономические системы, но и два противоположных подхода к проблемам развивающихся стран. Это сказывается, в частности, в поддержке социалистическими странами, в противовес обструкционистской позиции западной дипломатии, прогрессивных положений программы нового международного экономического порядка, позитивной оценке ими деятельности движения неприсоеди-

нения. Вместе с тем авторы считали своим долгом дать также и углубленную, аналитическую оценку программы НМЭП и этого движения, показать непоследовательность, противоречивость и ограниченность отдельных их положений и мероприятий, разнородность стоящих за ними политических и классовых сил, сложность выработки развивающимися странами общих, коллективных позиций в условиях растущей дифференциации в их рядах. Соответственно в томе излагается социалистическая концепция перестройки международных экономических отношений на справедливых, демократических началах.

Вместе с тем, выявляя ключевые тенденции в объекте анализа, которые в совокупности своей внушают исторический оптимизм, авторы были далеки от иллюзий, что эти прогрессивные процессы будут идти по какому-то хронологически предопределенному расписанию при одностороннем отступлении империализма по всему фронту. В свое время В. И. Ленин специально предупреждал, что, пока сопротивление эксплуататоров не сломлено окончательно, у них «неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта надежда превращается в попытки реставрации» [36, с. 264].

Такие попытки ныне явно налицо и в сфере международных экономических отношений. Понеся серьезный урон в ходе борьбы развивающихся стран за возврат суверенитета над природными ресурсами и экономической деятельностью и за исключение из торгово-экономических отношений наиболее одиозных форм эксплуатации, империализм все же смог во многом перегруппировать свои силы, скорректировать механизм неоколониализма, используя свои материально-технические преимущества и факторы, находящиеся вне контроля освободившихся стран. Широко применяется и старая политика «разделяй и властвуй», которая базируется на сложностях становления в развивающихся странах собственной государственности, посеянных здесь семенах милитаризма и конфликтов, политической деятельности ТНК.

Находясь в капиталистической системе хозяйства, развивающиеся страны вынуждены болеть ее болезнями, на них перекадываются последствия кризиса, инфляции, расстройства капиталистической валютно-кредитной системы. Особенно наглядно это сказалось в ходе кризиса 1980—1983 гг. «Имея свой эпицентр в главных капиталистических странах, — подчеркивал Ф. Кастро в своем докладе на VII конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Дели, — кризис наиболее жестоко поразил слаборазвитые государства, которые в результате испытывают наиболее острое расстройство своей экономики за весь послевоенный период» [207, с. 11]. В решениях конференции специально отмечалось, что причинами этого были не столько циклические явления, сколько глубокие структурные диспропорции в мировом капиталистическом хозяйстве, «растущие неравновесие и неравенство в нем в ущерб экономическим перспективам развивающихся стран» [116, с. 1].

Налицо, наконец, попытки укрепления «смычки» между моно-

полистической буржуазией бывших метрополий и набирающей силу буржуазией развивающихся стран. Идет развернутое идейно-теоретическое наступление на развивающиеся страны и в области идеологии.

Такое контрнаступление империализма требует для своего отражения постоянной, упорной и целенаправленной борьбы, естественного союза национально-освободительного движения с мировым социализмом, органической взаимосвязи разрядки и развития, перерастания антиколониальной борьбы в социальную. Соответственно именно в этих направлениях пролегают ныне реальные пути борьбы за перестройку международных отношений на справедливых, демократических основах, закрепление новой роли освободившихся стран в мировой экономике и политике.

СТАНОВЛЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РОЛИ
ОСВОБОДИВШИХСЯ ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ

Исторический материализм рассматривает любые системы международных отношений как конкретно-исторические явления, сущность и хронологические рамки которых определяются эволюцией способов общественного производства и степенью развития общения между нациями (см. [11, с. 45; 3, с. 736]). В этом проявляется демонстрация *«единства и связи, взаимозависимости и цельности мирового процесса»* [29, с. 135]. Наглядной иллюстрацией этих исходных положений является и история колониальной системы, ныне пришедшей к своему концу. Будучи обусловлена специфическим проявлением законов капиталистической формации на ее хозяйственно-географической периферии, эта система начала складываться еще на заре развития капитализма, связанной с Великими географическими открытиями, и приобрела свой законченный вид на его высшей стадии — империализме, где она выступала как один из его характерных признаков. Но тем показательнее и закономернее ее крах в рамках общего кризиса капитализма, перед лицом возникновения и обострения глобальных проблем развития современных производительных сил и перехода инициативы в историческом процессе к социализму.

Глава первая

КРАХ КОЛОНИАЛИЗМА: ЗАКОНОМЕРНОСТЬ И УРОКИ

В советской научной литературе дан достаточно подробный анализ основных особенностей колониализма вплоть до его краха и появления в мире большой группы освободившихся стран с их специфическими проблемами развития. Однако это направление научного поиска отнюдь не представляется исчерпанным, ибо прошлое здесь неразрывно связано с настоящим. Эпоха колониализма и присущие ей особенности служат и ныне отправной точкой при оценке степени завершенности деколонизации, сочетания наследственности и изменчивости в современной политике империализма в этом районе мира, в выявлении конкретной роли стран с различными экономическими и социальными системами в новейшей истории Азии, Африки и Латинской Америки. По всем этим вопросам ведется активная научная полемика и идеологическая борьба.

Внутренние причины краха колониальных империй

Колонизализм, основывавшийся на насильственном захвате чужих территорий, означал политическое подчинение колоний администрации метрополий, опиравшейся на военную силу, лишение колонизованных народов их национального суверенитета и государственности. В хозяйственном отношении нормой общения метрополий и колоний было внеэкономическое принуждение, сочетавшееся с различными другими формами эксплуатации, регулярная перекачка части национального продукта колоний в распоряжение буржуазии метрополий. Наконец, случайности колониальных захватов имели следствием нарушение этнических и племенных границ, что препятствовало формированию в колониальном мире наций и национальных хозяйств и культур. В особом положении в этом смысле находилось большинство стран Латинской Америки, завоевавших политическую независимость еще в начале XIX в. Однако и здесь буржуазия империалистических государств, прежде всего США, находила способы косвенного обеспечения своего экономического и политического господства, что приводило к определенной общности исторических судеб и проблем этого континента с «классическими» колониями.

Все это делало колонии пассивными объектами империалистической политики, обуславливало разрыв в уровнях экономического и социального развития империалистического центра и его хозяйственной периферии, который не преодолен и в наши дни. Именно империализм и колониализм несут полную и единоличную ответственность за отсталость Азии, Африки и Латинской Америки. Однако вопреки логике и фактам колониальное прошлое все еще находит на Западе своих апологетов, стремящихся доказать «правомерность» колониальных захватов и «решающий вклад» метрополий в развитие производительных сил колоний.

В частности, выдвигается концепция, что объектами колониальных захватов были «ничьи земли», народы которых в своем общественном развитии находились на общинно-племенном уровне, а следовательно, и колонизация означала для них лишь шаг вперед, к объединению и зачаткам собственной государственности. Подобную точку зрения в западной историографии отстаивали английские ученые М. Перем и М. Хейли (см. [293, с. 12—15; 239, с. 25—26, 109]).

Действительно, в ряде случаев колонизация имела своим объектом незаселенные земли или территории, где обитали разрозненные племена. Но и эти племена, как правило, имели какие-то институты власти, пусть непохожие на европейские, равно как и признанные границы своего расселения, пусть недемаркированные и условные. Главное же в том, что совершенно неправомерно возведение отдельных исключений в историческое правило, ибо в основном колонизаторы в своей экспансии сталкивались с уже сложившимися государствами, которым они силой навязывали свою власть и порядки. Так было в Мексике и Перу, в Северной Африке, Ин-

дии, Индокитае, чего не отрицает сама же буржуазная историография. Сходные процессы имели место в бассейне Нигера, на территории нынешних Замбии и Зимбабве, о чем свидетельствует воссоздаваемая ныне доколониальная история Африки. Другими словами, империи колонизаторов создавались не в «бессуверенном» пространстве, а прежде всего путем насильственного слома государственности поработаемых народов, уничтожения или подчинения своей власти их общественных институтов. Соответственно и сама эта концепция направлена на то, чтобы перечеркнуть доколониальный этап развития целой группы внесвропейских человеческих цивилизаций, лишить покоренные народы их истории, а следовательно, и корней их национальной самостоятельности и самобытности¹.

Еще большее распространение получили теории «решающего вклада» колонизаторов в развитие захваченных ими территорий. Вслед за Р. Киплингом, поэтизировавшим «бремя белого человека», современные буржуазные пропагандисты, уже на языке экономики и социологии, записывают в кредит метрополиям практически весь имевший место прогресс производительных сил в колониях, равно как исторические изменения в их социальной структуре и образе жизни.

Разумеется, верно то, что колонизация способствовала разложению местных патриархальных укладов, перемещению в колонии в некотором объеме производительных сил из метрополий, а вовлечение этих территорий в товарное производство и международный хозяйственный обмен играло для них определенную цивилизирующую роль, чего, кстати, не отрицали и классики марксизма-ленинизма (см. [12, с. 444, 427; 9, с. 463; 17, с. 57]). Однако претензии колонизаторов на какую-то монополию заслуг в деле экономического и социального развития колоний, конечно, совершенно беспочвенны, ибо даже в тех аспектах, которые упомянуты выше, роль метрополий и их буржуазии была крайне ограниченной и противоречивой, а созидательная часть их деятельности в балансе ее общих итогов, по определению К. Маркса, «едва заметна за грудой развалин» [2, с. 225].

Именно таков баланс колониального хозяйствования, что подтверждается прежде всего большим разрывом в уровнях развития между метрополиями и колониальными странами во время обретения ими независимости, нежели тот, который существовал в момент порабощения этих стран.

«Цивилизирующая», по определению К. Маркса [10, с. 463], роль внешней торговли для колониальных стран была существенно ограничена и обесценена еще и тем обстоятельством, что ввиду подвластности колоний метрополии первые втягивались на мировом рынке не в универсальный многосторонний обмен, а прежде всего в двусторонние замкнутые связи с этой метрополией, превращаясь, по сути дела, в ее торговые и инвестиционные «заповедники». Так, накануне получения независимости доля метрополий во внешней торговле колоний составляла: Ганы — 42%, Нигерии —

79, Туниса — 59, государств Французской Экваториальной Африки — 67, Французской Западной Африки и Алжира — 70, Бельгийского Конго — 57% (рассчитано по [77]). Аналогично доля инвестиций метрополии в общем объеме иностранных инвестиций в канун независимости составляла: в Береге Слоновой Кости — 80%, Заире, Руанде, Сенегале, Гамбии — 87, на Филиппинах — 88, в ЦАР — 91,8, Шри Ланке и Нигере — 95%. «Размещение инвестиций в развивающихся странах, — отмечали в этой связи эксперты ООН, — до сих пор отражает связи, уходящие в историю и старокOLONIALНЫЕ по своему характеру» [79, с. 175]. Для закрепления такого «связанного» характера торговли использовались разного рода системы преференций и валютные зоны с централизацией валютных активов и расчетов колоний в банках метрополий.

Ясно, что экономические связи внутри этих «заповедных зон» лишь закрепляли структурные диспропорции, в том числе монокультуру в колониальной экономике, создавали дополнительные предпосылки для внеэкономического принуждения и связанного с ним неэквивалентного обмена. Кроме того, сама сила внешнеторгового импульса к росту сводилась при этом к возможностям экономики одной лишь метрополии, а не мирового рынка в целом. И если у «мастерской мира», каковой была Англия, эта сила была достаточно ощутима, то малые метрополии, вроде Голландии и Бельгии, заведомо не могли освоить в хозяйственном отношении свои колонии, а Португалия и Испания, владея обширными заморскими империями, сами оставались наименее развитыми странами Европы. Это обрекало на отсталость и их заморские владения, в уровне развития которых эхом отдавалась неравномерность развития самого империализма, закреплялись предпосылки ныне существующей глубокой дифференциации развивающихся стран. Наконец, резко тормозился процесс хозяйственного сближения самих колоний на субрегиональном и региональном уровне, порождалась та самая асимметрия географии их внешнеэкономических связей, которую они ныне пытаются преодолеть.

Нельзя забывать и о том, что производительные силы, «перемещенные» в колонии, формировали там не столько базу экономического роста, сколько инфраструктуру колониальной эксплуатации. Об этом наглядно говорит, например, даже современная карта железных дорог развивающихся стран, состоящих из отдельных, не связанных между собой отрезков, идущих от портов к центрам горнорудной промышленности или плантационного хозяйства. Так, Африку и Латинскую Америку в широтном направлении пересекает лишь одна железная дорога (в обоих случаях на юге континента), а в меридиональном — ни одной. Отсюда, кстати, и современные проблемы развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, которые в массе своей относятся к категории наименее развитых.

Следует добавить, что специфический колониальный характер деятельности метрополии оставил после себя немало социальных проблем. Перенесенный сюда капиталистический уклад развивался, будучи оплетенным густой сетью докапиталистических и даже до-

феодалных отношений, и потому привел к формированию здесь лишь относительно узкой финансово-сословно-бюрократической элиты и возникновению чудовищной разницы в уровнях доходов отдельных групп населения. Другими словами, вопреки утверждениям апологетов колониализма, колонии стояли на самом деле «совершенно вне исторического процесса» и существовали «только как материал для удобрения» капиталистической цивилизации [38, с. 327—328].

Не случайно, что подобное развитие порождало острые противоречия. Как это уже было показано в первом томе исследования, в колониях начиналось развитие собственных производительных сил, метрополии стали нуждаться в них и как в рынках сбыта. Искусственно поддерживаемый застой в колониях постепенно распространялся и на метрополию, ослабляя в конечном счете их собственную экономику [50, с. 30]. Все более широкий характер приобретала антиколониальная борьба народов.

Именно поэтому формы колониальных захватов и господства в конце XIX в. были уже иными, чем на заре возникновения колониальных империй. Классические колонии все более уступали место протекторатам, кондоминиумам, различным формам вассалитета. Переходили на статус доминионов или становились независимыми переселенческие колонии. В самой Европе набирали силу антиколониальные настроения, причем основанные не только на морально-этических соображениях, но и на постепенном осознании обратного революционизирующего воздействия антиколониализма на организованное рабочее движение и его социалистический авангард в метрополиях.

Со своей стороны, национально-освободительное движение во многих случаях сумело использовать в своих интересах межимпериалистические противоречия, обнажившиеся в ходе и в результате первой мировой войны.

Так вызревали экономические, социальные и политические предпосылки кризиса системы колониализма. Однако такое вызревание могло бы продолжаться неопределенно долго и не перерасти в полный и достаточно исторически быстрый распад этой системы, если бы вне капитализма и в противовес ему не возник новый, революционизирующий фактор в лице первого в мире социалистического государства, рожденного Великой Октябрьской социалистической революцией.

Мировой социализм и распад колониальной системы

Связь между Великой Октябрьской социалистической революцией, приведшей к созданию мировой социалистической системы, и успехами национально-освободительного движения многогранна и многопланова. Однако главное в ней заключается в том, что, выступая как ведущая сила в революционном процессе, социализм с самого начала показал миру притягательный пример справедли-

вого, демократического решения национально-колониального вопроса, а затем, по мере своего усиления, все более сковывал империализм в его колониальной политике. В итоге соотношение сил между империализмом и борющимися народами колоний в мире, разделенном на две системы, стало измеряться и изменяться уже в соответствии с новыми, качественно иными критериями, благоприятствующими освободительным революциям.

Подобное воздействие мирового социализма на процесс деколонизации является его сознательной политикой, вытекающей из марксистско-ленинской теории социалистической революции и отношения пролетариата к своим естественным союзникам в борьбе против империализма. «Всемирный империализм, — указывал В. И. Ленин, — должен пасть, когда революционный натиск эксплуатируемых и угнетенных рабочих внутри каждой страны... соединится с революционным натиском сотен миллионов человечества, которое до сих пор стояло вне истории, рассматривалось только как ее объект» [41, с. 233]. Соответственно эта часть человечества рассматривается коммунистами как «активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма» [47, с. 5], и они оказывают ей всестороннюю поддержку [34, с. 76]. Пройдя испытание временем, эта политика была вновь подтверждена на XXVI съезде КПСС и в документах международного коммунистического и рабочего движения.

Марксистская система взглядов на политику рабочего класса по отношению к национально-освободительному движению сформировалась еще в середине прошлого века. К. Маркс и Ф. Энгельс вскрыли объективную общность интересов мирового коммунистического и национально-освободительного движений — освобождение от эксплуатации со стороны их общего врага — капитализма промышленных стран Европы, сделали принципиальной важности вывод о том, что задачи национального и социального освобождения человечества неразрывно связаны между собой, ориентировали ведущие силы борцов за национальное и социальное освобождение на взаимную помощь и поддержку. Ф. Энгельс облек эту мысль в четкий тезис: «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы» [14, с. 509]. В этих идейно-политических установках ясно видна изначальная природа принципов пролетарской солидарности с угнетенными народами, поддержки движений, направленных на свержение колониального господства. На этой строго научной и классовой основе уже в следующую историческую эпоху, когда органическое единство различных потоков революционного движения выявилось особенно рельефно, В. И. Ленин разработал целостное учение по национально-колониальному вопросу, определяющее историческую перспективу антиколониальных движений, их место в мировом революционном процессе и связь с борьбой рабочего класса развитых стран (см. [140; 170; 159]).

Главный, основополагающий вывод В. И. Ленина состоял в том, что в эпоху империализма освободительные движения угнетенных народов, решая общедемократическую задачу свержения чужена-

ционального гнета, объективно действуют в одном направлении с международным рабочим, коммунистическим движением. «Социалистическая революция, — говорил В. И. Ленин на II съезде коммунистических организаций народов Востока в ноябре 1919 г., — не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма» [38, с. 327].

Соответственно союз с борющимися против империализма народами он считал «долгом», «интересом» пролетарских партий, одним из важнейших направлений их классовой стратегии [30, с. 120].

Эти принципы антиколониальной политики, в свою очередь, стали одной из составных частей стратегии и тактики русских большевиков, а затем и всего международного коммунистического движения. Еще до Великого Октября пролетарская солидарность с народами колоний и полуколоний выражалась в поддержке рабочим классом России их борьбы за достижение политической независимости. Более того, В. И. Ленин сделал лозунг права наций на самоопределение центральным политическим требованием большевистской партии по национальному и национально-колониальному вопросу, ибо, с одной стороны, он втягивал в грядущую «социалистическую интернациональную революцию против империализма» [23, с. 328] широкие демократические массовые непролетарские движения колониальных и зависимых стран, а с другой — служил основой «интернационалистского» воспитания рабочего класса, что имело в те годы огромное значение.

После победы Октябрьской революции главные принципы стратегии коммунистов в отношении национально-освободительного движения — пролетарский интернационализм, поддержка этих движений — стали принципами государственной политики Республики Советов. Они были законодательно закреплены и конкретизированы, наполнены практическим содержанием в Декрете о мире (1917 г.), Декларации прав народов России (1917 г.), Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока (1917 г.), Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (1918 г.), в специальном постановлении VII Всероссийского съезда Советов об угнетенных нациях (1918 г.) и других основополагающих документах Советской власти.

Советская Россия выступила против всяких национальных и национально-религиозных ограничений и привилегий, за равенство всех больших и малых народов, за равное право всех народов на независимое существование, на самоопределение. Она осудила колониальную систему империализма как преступную и противозаконную и провозгласила справедливость национально-освободительной борьбы. Впервые в истории у национально-освободительного движения на мировой арене появился государственно-организованный классовый союзник (и одновременно классовый против-

ник его главного врага). Был определен внешнеполитический курс в отношении угнетенных народов, который включал оказание колониальным и зависимым народам разнообразной помощи в антиимпериалистической борьбе, защиту их интересов на международной арене, создание в мире условий, благоприятствующих их национальному и социальному освобождению.

Советское правительство аннулировало тайные договоры царской России о разделе Турции и Ирана, неравноправные конвенции в отношениях с Китаем. В 1921 г. были заключены новые договоры с Ираном, Афганистаном, Турцией, Монголией, по которым эти в ту пору полуколониальные государства впервые в своей истории устанавливали с великой державой отношения, основанные на принципах равноправия, дружбы, сотрудничества, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела.

Несмотря на трудности и лишения, вызванные гражданской войной и иностранной интервенцией, Советская Россия оказывала народам соседних стран материальную и даже военную помощь в борьбе против внешних захватчиков и угнетателей.

Событием огромной важности было возникновение в колониальных и зависимых странах собственных коммунистических партий, начавших там пропаганду марксизма-ленинизма, его учения по национально-колониальному вопросу и борьбу за массы. Вопросы борьбы с колониализмом постоянно стояли также и в повестке дня конгрессов Коминтерна и его практической деятельности.

Октябрьская революция, открывшая новую эпоху во всемирной истории, оказала качественное воздействие на национально-освободительное движение, изменив его масштабы, характер и направление развития. «С победой Великой Октябрьской социалистической революции и образованием Советского государства, — говорил на XXVI съезде КПСС Председатель национальной народной партии Бангладеш М. Ахмед, — коренным образом изменились условия революционной борьбы всех эксплуатируемых и угнетенных. Они получили возможность бороться за свое освобождение, опираясь на разностороннюю поддержку первого в мире социалистического государства» [337, 4.03. 1981]. В отличие от прежних буржуазных националистических течений в Европе в национально-освободительном движении в колониях после Октября росло и крепло антиэксплуататорское начало. Зрели семена уже не только политических, но и социальных перемен, рождалась преемственность общедемократических и социалистических целей борьбы народов. Другими словами, национально-освободительные движения, получив мощный импульс от Октября, постепенно втягивались «в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию» [49, с. 174]. И хотя послеоктябрьский подъем национально-освободительного движения не завершился, за редкими исключениями, завоеванием политической независимости колониальными и полуколониальными странами, он безусловно приостановил процесс дальнейшего расползания колониализма по планете, обострил его кризис.

В период между двумя мировыми войнами Советский Союз продолжал последовательно проводить курс на создание международного климата, содействующего деколонизации.

Так, советские представители на Международной экономической конференции в Женеве потребовали уничтожить систему протекторатов и мандатов, вывести войска из колоний, признать право на самоопределение всех народов. Вступая в Лигу наций, СССР официально заявил об отказе признать мандатарную колониальную систему, а затем решительно требовал от Лиги применения санкций против фашистской Италии, напавшей на Эфиопию. В самые тяжелые годы второй мировой войны Советское правительство на совещаниях великих держав выступало за устранение колониализма из послевоенного устройства мира. «Советский Союз отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, — говорилось в соответствующей декларации того периода, — право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания своей страны» [63, с. VII].

Громадное значение для судеб деколонизации имели итоги второй мировой войны. Разгром ударных отрядов империализма в лице германского и итальянского фашизма и японского милитаризма, образование мировой системы социализма создали новые, благоприятные условия для борьбы народов колоний за свое освобождение. Если первая мировая война закончилась лишь переделом колоний, то вторая мировая война имела своим следствием широкое развертывание национально-освободительного движения и антиколониальные революции во многих районах мира и в конечном счете распад колониальной системы. Развернувшаяся борьба угнетенных народов за свое освобождение встретила горячее сочувствие и активную поддержку Социалистического содружества. Эта поддержка оказывалась в самых различных формах.

Особые усилия советской дипломатии в послевоенные годы направлялись на внедрение прогрессивных, антиколониальных принципов в конкретную международную политическую практику.

Наглядным примером этого является политика СССР в Организации Объединенных Наций. Уже в 1945 г. при выработке Устава ООН представители СССР вопреки сопротивлению США, Англии и Франции добились включения в Устав многих положений, признающих и защищающих право всех народов на самоопределение и государственную независимость, в том числе главу о подопечных (бывших подмандатных) территориях, где определение опеки с самого начала было нацелено на предоставление соответствующим территориям независимости как ее конечный результат. Это впервые в истории поставило национально-освободительное движение на общепризнанную правовую основу, возложило на ООН обязательство защиты его интересов. В 1960 г. Советский Союз поставил в ООН вопрос о полной ликвидации колониализма,

и на основе этой инициативы XV сессия Генеральной Ассамблеи приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, открывшую перед народами, еще остававшимися под колониальным гнетом, перспективу получения собственной государственности. Благодаря усилиям советской дипломатии признание в ООН получили организации освобождения отдельных стран (Палестина, Намибия), что окончательно поставило колониализм вне закона, подтвердило правомерность вооруженной борьбы народов за свою свободу и помощи им.

Советский Союз, как постоянный член Совета Безопасности ООН, широко использовал этот важнейший форум для осуждения колонизаторов и агрессоров, для помощи их жертвам, применяя право вето для срыва империалистических заговоров против молодых государств. Так, в 1946 г. он поддержал требования Сирии и Ливана, а в 1947 г. — Египта и Судана о выводе иностранных войск с их территорий, в 1956 г. призвал Совет принять срочные меры для пресечения тройственной агрессии против Египта, выступил одним из инициаторов введения экономических санкций против расистского режима Смита в Родезии. В июне 1967 г. во время израильской агрессии против арабских стран по инициативе СССР была созвана Чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. СССР решительно выступил с осуждением израильской агрессии в Ливане и агрессии США в Гренаде.

Борьба СССР в ООН за достижение общих антиколониальных целей дополнялась конкретными двусторонними политическими акциями, направленными на поддержку различных народов и государств в их освободительной борьбе. Такую роль играло в первую очередь дипломатическое признание молодых государств Советским Союзом и последующее установление дипломатических отношений с ними, что кроме морального и политического эффекта создавало условия для успешного противостояния этих государств империалистическим посягательствам на их суверенитет и территориальную целостность.

Многие освободившиеся страны в первые трудные годы становления их государственности получали от СССР разнообразную материальную помощь.

Наконец, национально-освободительные движения и молодые государства не раз прибегали к помощи СССР в укреплении своей обороноспособности и в отражении империалистической агрессии. Так, когда Совет Безопасности ООН оказался не в состоянии принять действенные меры по пресечению тройственной агрессии против Египта в 1956 г., Советское правительство направило официальные послания Англии, Франции и Израилю, в которых выражалось требование немедленного прекращения агрессии. Впоследствии президент Египта Гамаль Абдель Насер говорил, что египетский народ никогда не забудет позиции, занятой СССР в эти критические для Египта дни, так как «эта поддержка вселила в нас уверенность в победе и дала возможность всем прогрессивным силам выступить против империализма» [62, с. 260].

Советский Союз и другие страны социализма оказывали все-стороннюю поддержку народам Индокитая в их войне против колонизаторов, правительству Анголы в борьбе с сепаратистскими заговорами и т. д. «Мы решительно и неизменно на стороне тех, — подчеркивал Ю. В. Андропов на праздновании 60-летия образования СССР в декабре 1982 г., — кто еще и сегодня вынужден бороться за свободу, независимость, само существование своих народов, кто вынужден отражать натиск агрессора или угрозу агрессии» [337, 22.12.1982].

Поэтому совершенно закономерна та высокая оценка роли Великого Октября, мирового социализма, которую дают им представители прогрессивных режимов и партий освободившихся стран. «Октябрьская революция, — сказал в своей речи на XXVI съезде КПСС член Политбюро партии Фронт национального освобождения Алжира М. С. Мазузи, — стала стратегическим союзником освободительного движения народов, борющихся за независимость и самоопределение». «Советский Союз, — говорил в своем выступлении на праздновании 60-летия образования СССР Б. Кармаль, — надежный и могучий оплот народов, борющихся за свою независимость и свободу, социально-экономический прогресс в интересах трудящихся. Яркий пример этого — братская интернациональная помощь Советского Союза Демократической Республике Афганистан» [337, 23.12.1982].

Таким образом, Советский Союз, мировая социалистическая система наряду с национально-освободительным движением внесли свой решающий вклад в крушение колониализма, в то, что размеры колониального и полуколониального мира сократились с 72% территории земного шара и 69% его населения до первой мировой войны до 1% территории и 0,3% населения в конце 70-х годов [336, 1980, № 50, с. 21]. Родилась совершенно новая политическая структура мира, и ныне в сфере международных отношений все страны и народы, за единичными исключениями, получили право самостоятельного участия в них в качестве суверенных субъектов мировой политики.

Глава вторая

РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Крушение колониальной системы явилось важнейшим по своему историческому значению явлением после образования мировой социалистической системы. Политическое освобождение колоний означало глубокий революционный сдвиг в истории человеческого общества в целом, демократизацию всей системы международных отношений. Это делает чрезвычайно актуальным анализ той новой роли, которую начали играть освободившиеся страны в международных отношениях, в изменении соотношения сил в современном мире.

Завершение политической деколонизации

В результате распада колониальной системы произошло массовое образование новых независимых государств, что привело к существенному расширению числа субъектов современных международных отношений. С 1940 по 1983 г. количество независимых государств в мире выросло в 2,4 раза. В настоящее время на политической карте мира находится 170 государств, 127 из которых (с населением свыше 2,2 млрд. человек) — освободившиеся страны [76, с. 153—157]. Большинство из них возникло на месте бывших колоний в Азии и Африке, в результате чего изменилась сама география международной политики. Если в недалеком прошлом в ней доминировал европо- и американоцентризм, то на новой политической карте мира 60% всех государств расположены вне Западного полушария и Европейского континента. Значительно возросла и роль латиноамериканских государств.

Все это привело к существенным переменам в структуре международных отношений. Впервые в истории человечества эти отношения приобрели подлинно универсальный характер, сложилась их действительно *всемирная* система, открывшая, в подтверждение известного прогноза К. Маркса, эпоху подлинно всемирной истории (см. [11, с. 45; 3, с. 736]). Центров, в которых могут приниматься (и все чаще действительно принимаются) решения, приобретающие важное значение в международной политике, стало значительно больше, и находятся они теперь на всех континентах.

Расширение географических границ системы международных отношений особенно наглядно сказалось в ООН. Если в момент своего создания в 1945 г. она включала лишь 18 стран Латинской Америки, восемь стран Азии и всего три страны Африки, причем, даже все вместе взятые, эти страны не играли в ее деятельности самостоятельной роли (а латиноамериканские государства выступали даже как часть прозападного механического большинства), то уже с начала 60-х годов это положение в корне изменилось. После XV сессии Генеральной Ассамблеи, ознаменовавшейся массовым приемом в ООН молодых африканских государств, антиколониальные силы, включающие представителей социалистических и освободившихся стран, впервые получили в этой организации абсолютное, а к началу 70-х годов — и квалифицированное большинство в две трети голосов. Ныне развивающиеся страны, если они действуют согласованно, в состоянии провести или заблокировать в ООН любую резолюцию, а их представители составляют 39% административного аппарата ООН, в том числе занимают 42% высших должностных постов [357, 16.12.1979, с. 37].

Начиная с конца 50-х годов освободившиеся страны сделали борьбу против колониализма основой своего участия в ООН. Вместе со странами социализма они добились принятия декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации, конвенции о пресечении апартеида и ответственности за него, резолюций о незаконности оккупации Намибии и безотлагательном выводе из нее

войск ЮАР, о санкциях ООН против ЮАР и расистского режима Смита, о связи расизма и спонизма, ряда решений, осуждающих агрессивный курс Израиля и подтверждающих законные права народа Палестины на самоопределение и т. д. При этом принципиально новым был тот факт, что борьба за свободу отдельных стран стала интернациональным делом и в каждом отдельном случае колонизаторам и расистам противостоял уже единый фронт всего освобождающегося мира.

В широком круге освободившихся государств завоевание политической независимости отнюдь не было конечной точкой борьбы. Уже внутри многих из них продолжалась и продолжается борьба против антинародных, марионеточных и реакционных режимов под общедемократическими лозунгами, причем в ряде стран она органически переросла в социалистическую ориентацию и курс революционно-демократических реформ в интересах всего народа. Эти процессы (подробнее они будут рассмотрены в третьей книге данной серии), безусловно, играли и играют свою роль в общей равнодействующей политики развивающегося мира, усиливая ее антиимпериалистический потенциал.

Буржуазные идеологи, не будучи в состоянии игнорировать все эти изменения, выдвигают тезис о якобы дестабилизирующей роли оформления молодых государств как самостоятельной политической силы в международных отношениях. Об этом, в частности, еще в конце 60-х годов писали Г. Киссинджер, тогда еще профессор Гарвардского университета, и американский историк С. Хоффман (см. [260, с. 585—614; 246, с. 17]). Соответственно в противовес радикальной политике освободившихся стран в вопросах деколонизации выдвигаются концепции «ведущей роли» и «доброй воли» метрополий в этом вопросе. Ссылаясь на то, что $\frac{3}{4}$ колоний получили свою независимость мирным путем, буржуазные историографы пытаются принизить роль в этом процессе авангардных отрядов национально-освободительного движения, добивавшихся свободы с оружием в руках, представить их как сторонников «ненужного терроризма». Одновременно делаются попытки всячески принизить роль мира социализма в достижениях освободительного движения, показать «необязательность» естественного союза этого движения с ним.

Так, английский историк К. Килсон утверждает, что деколонизация явилась «естественным продуктом» в рамках «нормального развития» капиталистической системы, а метрополии сами готовили освобождение «туземцев», регулируя его темп и очередность [257, с. 571]. Другой английский историк, К. Кирквуд, также считает основным содержанием деколонизации поэтапные конституционные реформы, проводимые «сверху», из столиц метрополий, представляя колониальную эпоху как «необходимый этап» в подведении народов колоний к самоопределению [258, с. 36—39]. «Африканские государства, — вторит им американский историк Р. Эмерсон, — расстались со своими колониальными хозяевами, за редким исключением, в обстановке разумных дружеских соглашений

о сроках и условиях получения независимости... Это была удивительно мирная акция, осуществленная с образцовой терпимостью с обеих сторон» [224, с. 4]. Наконец, будучи не в силах отрицать роль мира социализма в освобождении колоний, ряд исследователей (Р. Арон, У. Нильсен, Г. Картер) пытаются приписать аналогичные заслуги, «освободительную миссию» также и США (см. [284; 253]), объявляя политику последних «официально и бескомпромиссно антиколониальной» [186, с. 17].

Действительно, в послевоенной колониальной политике Запада сталкивались и даже боролись два подхода — силовой (имперский) и реформистский, за которыми с самого начала стояли различные группировки буржуазии, причем возобладавал в целом второй подход. Закономерности развития производительных сил, усиление мощи мирового социализма и накал освободительной борьбы в колониях объективно толкали метрополии на реформистский путь, который и был избран на заключительных этапах деколонизации, когда согласие на независимость бывших колоний оставалось, по сути дела, единственным способом сохранения освободившихся стран в мировой системе капитализма и консолидации международных позиций буржуазии.

Однако остается фактом, что второму этапу и подходу при деколонизации исторически предшествовал первый, когда сразу же после второй мировой войны метрополии попытались вновь управлять колониями по-старому, говорить с их народами языком силы и репрессий, и рецидивы этого имперского духа сохранялись и в последующие годы. В этой связи особого разбора заслуживает история деколонизации Юго-Восточной Азии и Северной Африки. Именно их народы имели наиболее богатую историю собственной цивилизации, память о которой они сумели сохранить, и опыт борьбы с колонизаторами. В годы войны значительная их часть с оружием в руках выступила против японских, немецких и итальянских оккупантов. В ряде стран душой этого движения выступали коммунистические или национально-демократические партии, что и позволило обеспечить преемственность борьбы этих народов против оккупантов с борьбой против колонизаторов, ставить в ее ходе революционные цели. Все это сделало Юго-Восточную Азию (на ход событий в которой оказала свое влияние также народная революция в Китае) и Северную Африку слабым звеном в колониальной цепи, авангардом борьбы за независимость на своих континентах.

Однако именно здесь империализм оказал движению за деколонизацию самое ожесточенное вооруженное сопротивление. Героический народ Вьетнама восемь лет с оружием в руках боролся против французских колонизаторов, а затем еще семь лет против агрессии США. Четыре года длилась вооруженная борьба за освобождение Индонезии, долгие годы — партизанское движение на Филиппинах и в Малайе. Семь лет с оружием в руках боролся за свободу народ Алжира. Сумела защитить себя антифеодальная, демократическая революция в Египте. Об этих событиях предпо-

читают ныне не упоминать западные историки, авторы концепций «доброй воли» метрополий. Но именно эти страницы антиколониальной борьбы вынудили колонизаторов перейти к маневрированию, избрать путь реформ. Возникла даже целая теория невозможности нанести в колониальной войне поражение «отсталым обществам» (см. [269, с. 175—200]). Таким образом, вооруженная борьба в Индокитае и Индонезии помогла мирному завоеванию независимости народами Индостана, Бирмы и других стран Азии, деколонизация Африки началась под влиянием поражений колонизаторов в Алжире и на Суэце. Возникновение революционной Кубы открыло эру деколонизации стран Карибского бассейна. Однако даже после этого далеко не все колонизаторы отказались от имперских амбиций, о чем говорит пример фолклендского кризиса и политики ЮАР в Намибии, опровергающий все буржуазные «мировотворческие» концепции.

Не выдерживает критики и концепция «освободительной миссии» США. Конечно, верно то, что именно в США закончилась победой первая в истории крупная антиколониальная революция, а затем и первая антирасистская гражданская война, и классики марксизма-ленинизма высоко ценили эти демократические, революционизирующие завоевания американского народа (см. [13, с. 498—507; 35, с. 58]). Однако американская буржуазия довольно быстро утратила эти традиции, также встав на путь колониальных захватов (отторжение земель соседней Мексики, «перехват» колониального наследия Испании, а затем Японии). Она же явилась пионером политики неокOLONиализма, используя как своего рода опытное поле в этом отношении Латинскую Америку. И если в конкретных ситуациях послевоенных лет позиция США подчас отличалась от позиций классических колониальных держав, то это объяснялось в первую очередь межимпериалистическими противоречиями, стремлением монополий США под флагом «открытых дверей» экономически унаследовать чужие колонии. Более того, наиболее реакционные лидеры американской внешней политики вроде Д. Ф. Даллеса вообще не желали видеть в освободительной войне народов ничего, кроме «коммунистического заговора», и выступали за распространение на национально-освободительные движения принципов «холодной войны» [247, с. 115]. Примерно такую же позицию заняла и нынешняя американская администрация.

Следует, наконец, отметить такую характерную особенность борьбы освободившихся стран за свою независимость, как их стремление к организационному единству, сам факт которого существенно укреплял их фронт в борьбе с колониализмом. Истоки этой солидарности восходят еще к межвоенным годам, когда, практически лишенные доступа на тогдашние международные форумы, представители национально-освободительных движений встречались на межарабских конференциях 1926, 1931, 1942 гг., Брюссельской конференции 1937 г., panaфриканских конгрессах и т. д. На неправительственной межазиатской конференции в Дели в 1947 г. было принято решение об учреждении Организации межазиатских

отношений. И хотя реализовать это решение не удалось, идея оказалась плодотворной и воплотилась позднее в такие влиятельные международные организации, как Организация африканского единства (ОАЕ), Лига арабских стран, Организация исламской конференции, также внесших (особенно ОАЕ) свой вклад в борьбу против колониализма.

В самостоятельную и авторитетную силу выросло и движение неприсоединения, зародившееся все в той же Юго-Восточной Азии и распространившееся затем на три континента, и тесно смыкающаяся с ней «группа 77», в рамках которой в ООН развивающиеся страны отстаивают свои социально-экономические интересы.

Практическое завершение политической деколонизации, образование на месте бывших колоний и полуколоний обширного массива освободившихся стран, к которому примыкает и Латинская Америка, вплотную ставит перед политической наукой вопрос о степени его общности и специфике как объекта современных международных отношений. В свете анализа, проведенного в первой книге данной серии, ответ на этот вопрос далеко не прост. Многие зарубежные политологи довольствуются здесь лишь рабочим определением «от противного», т. е. конструируют понятие «третий мир», зачисляя в него все страны и территории, не относящиеся ни к развитым капиталистическим, ни к развитым социалистическим странам [312, с. 11]. Сходным образом строит свою структуру членства и ООН, где эти страны относятся к категории развивающихся, формализованных критериев которой опять-таки нет. Однако можно ли считать этот массив самостоятельной подсистемой международных отношений? Или, конкретнее, правильна ли столь распространившаяся ныне формула трехчленного деления мира на социалистические, капиталистические и развивающиеся страны не как рабочая гипотеза для международных переговоров, а по существу?

Факторы, специфика и пределы политической общности

Безусловно, что при всех внутренних различиях в массиве освободившихся стран существует немало факторов, определяющих их общность как политической силы.

Так, эти страны имеют общее колониальное прошлое, прошли через стадию освободительной борьбы, являются ныне нациями, только еще приобщающимися к мировой политике, что и создает их историко-генетическое единство. Далее, даже будучи самостоятельными, они остаются на положении отсталой, эксплуатируемой периферии в мировом капиталистическом хозяйстве, что предопределяет незавершенность процесса деколонизации, прежде всего в сфере экономики, и наличие общих целей в борьбе за преодоление отсталости и демократизацию международной экономической системы. С этой общностью экономических проблем смыкаются и

социально-психологические, моральные факторы, а именно стремление опровергнуть веками насаждавшиеся теории о «неполноценности» и «несамостоятельности» колониальных народов, преодолеть европо- и американоцентризм в истории мировой цивилизации.

Указанные факторы общности базируются в своей основе на сохранении противоречий между империализмом и освободившимися странами, на необходимости последних действовать против него и в защиту своих интересов как единый политический блок, способный реально влиять на процесс принятия решений в мировой экономике и политике. Все это формирует антиимпериалистический аспект и потенциал современного этапа национально-освободительного движения, диктует необходимость политического обособления освободившихся стран внутри капиталистической системы хозяйства, является объективной базой движения неприсоединения, коллективной экономической дипломатии «группы 77», региональных объединений и движений солидарности. «Движение неприсоединения, — указывается в Политической декларации VII конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, — было неизбежным результатом потребностей новых независимых стран во всех районах мира защищать и укреплять свою национальную независимость. Эти страны увидели в неприсоединении важнейшее орудие осуществления полного суверенитета в политических и экономических делах» [116, с. 3].

Трансформации этой общности в самостоятельную силу в политике способствует и тот факт, что отношения по линии «империализм — освободившиеся страны» развиваются ныне не в двухполюсном мире, а в системе более сложных глобальных политических отношений, в союзе с мировым социализмом. Соответственно относительная влияние массива освободившихся стран как агента международных отношений оказывается на этом участке большей, чем что вытекает из чисто количественного соотношения сил между ними и империализмом, что также действует как «подсистемообразующий» фактор в их международных отношениях (подробнее об этом см. в главе седьмой).

Вместе с тем общность развивающихся стран на международной арене определяется также и специфическими идеологическими мотивами их внешней политики. Одним из таковых, за отсутствием господствующей классовой идеологии, во многих странах был и является национализм. Как форма общественного сознания, он отнюдь не сник после достижения независимости, а лишь модифицировался, стал общим знаменателем борьбы, направленной на достижение иных, очередных целей деколонизации, в первую очередь экономических. Внутри отдельных стран это прежде всего движение за возврат им национального суверенитета над их природными ресурсами и экономической деятельностью. Однако общая незавершенность целей экономической деколонизации, сходство проблем развития, ждущих своего решения, придают национализму в освободившемся мире и новое качество, как бы интернацио-

нализируют его, делают коллективным орудием внешнеэкономической и внешнеполитической борьбы для массива освободившихся стран в целом, что также сплачивает их как политическую подсистему на данном этапе исторического развития.

Влияние идей национализма на внешнюю политику развивающихся стран в долгосрочной перспективе по своему эффекту не однозначно. Так, с одной стороны, в своей коллективной форме и как производная от антиимпериалистической борьбы, он ведет к радикализации требований освободившихся стран, ужесточению их позиций, что подчас позволяет проводить на международном уровне, во взаимодействии с социалистической дипломатией, важные, принципиальные решения. Таковым является, например, международное признание правомерности предоставления невзаимных льгот развивающимся странам на торговых переговорах, что позволило нарушить принцип формальной взаимности, дававшей в условиях различий в уровне развития односторонние выгоды в торговле странам империализма. Это и признание правомерности выделения внутри массива развивающихся стран группы наименее развитых из них, получивших право на предоставление им международных льгот в большем объеме и в первую очередь. Это и резолюции ООН, подтверждающие неотъемлемый и полный суверенитет развивающихся стран над их природными ресурсами, включая право на регулирование деятельности ТНК и национализацию их активов. Наконец, это и сама Программа установления в мире нового международного экономического порядка, и Хартия экономических прав и обязанностей государств, резко активизировавшие переговоры по перестройке международных экономических отношений на справедливых, демократических началах.

В чисто политической сфере в той же связи можно упомянуть решения о неразмещении ядерного оружия на территории Латинской Америки, созыв специальных сессий ООН по разоружению, решения о недопущении вмешательства империалистических держав в локальные конфликты развивающихся стран, борьбу за превращение Индийского океана в зону мира и, наконец, решительную позицию, занятую освободившимися странами в отношении расизма, апартеида, удержания чужих территорий силой.

Однако национализму, в том числе коллективному, присущи и иные пути проявления и эволюции, в связи с чем классики марксизма-ленинизма неоднократно предупреждали о необходимости его комплексной оценки в каждой конкретной исторической ситуации. Действительно, в одних случаях, даже оставаясь общим знаменателем широких общественных течений, национализм может быть узурпирован на практике как политическое орудие одной лишь национальной буржуазией или сословно-бюрократической элитой. В других случаях он начинает пропитываться догматами господствующей религии, что делает его хотя и более воинствующим, но менее социально позитивным. Конкретно на национальном, региональном и даже международном уровне он ведет подчас к выдвижению «альтернативных моделей» развития, исторически

обращенных вспять или неоправданных, утопических требований, проникнутых философией уже не равноправия, а религиозно окрашенного эгалитаризма. В итоге это нередко приводит к дезориентации освободительного движения, обрекает его требования на необоснованность, лишает преобразования прогрессивной социальной ориентации.

Подобные крайности, концептуально неопределенные и эклектичные, активно использует буржуазная политология. Например, концепции «эгалитаризма наций» используются для доказательства «необоснованности» требований развивающихся стран в целом, а антивестернизация трактуется даже как...угроза распространения марксизма [268, с. 8]. Однако особенно активно буржуазные идеологи толкают развивающиеся страны за ту, подчас тонкую, грань, за которой солидарность эксплуатируемых народов приобретает иное качество и переходит уже в стихийное обособление себя от «всех других», в противопоставление себя как объектов международной эксплуатации всем, кто таковыми не является. Именно такова концепция деления мира на «богатый Север» и «бедный Юг», которая совершенно извращает подлинное разделение «Севера» на страны с различными социальными системами, ставит социализм на одну доску с империализмом, пытается изолировать национально-освободительное движение от его естественного союзника, лишает борьбу с неоколониализмом ее четкой социальной адресованности.

Эта враждебная социализму концепция встречает последовательный отпор со стороны социалистической дипломатии. Однако она все еще оказывает свое влияние на позиции отдельных развивающихся стран (подробнее см. в главе пятой).

Наконец, следует отметить воинствующий характер современного национализма, особенно пропитанного религией или религиозным сектантством, который может превращаться из коллективно-антинеоколониального в свою противоположность, порождать идеологическую и даже военную агрессивность в отношениях между самими развивающимися странами, нарушая их системно-политическое единство. Наглядное свидетельство этому — ирано-иракская война, агрессия Сомали против Эфиопии, напряженность в отношениях между Индией и Пакистаном. Национализм в таком его политическом проявлении лишь способствует прорастанию семян межстрановой и межплеменной розни, заложенных колонизаторами при их уходе из колоний, представляет собой серьезную угрозу международной разрядке, ведет к невозобновимым потерям для экономики конфликтующих стран.

Таким образом, в специфических условиях соревнования двух систем освободившиеся страны сумели завоевать роль самостоятельных агентов международных отношений. При современной расстановке мировых классовых сил они вполне могут противостоять империалистическому диктату, добиваться демократизации международных отношений, во многом формировать повестку дня социально-экономической деятельности ООН. Начинает сказываться

и обратное позитивное воздействие освободительной борьбы в колониях на условия борьбы рабочего класса, всего общедемократического движения в странах развитого капитализма. Самоопределение наций в Африке дало мощный импульс движению за гражданские права расовых меньшинств в США. Самоотверженная борьба народов португальских колоний приблизила крах фашистской диктатуры в самой Португалии. Все шире практикуются акции солидарности трудящихся развитых капиталистических и развивающихся стран.

Поэтому, очевидно, можно говорить о политической общности развивающихся стран как об определенном автономном, специфическом явлении, особенно в условиях современного мира, разделенного на две противостоящие системы. Однако именно это разделение, будучи наиболее фундаментальной характеристикой, осью нынешнего этапа исторического процесса, не дает оснований для обособления развивающихся стран в какую-то целиком самостоятельную, альтернативную подсистему политических сил, для перехода от двухзвенной (полярной) к трехзвенной (вариантной) формуле восприятия современного мира, хотя именно это спешат провозгласить многие буржуазные идеологи с целью противопоставить друг другу освободившиеся страны и мировой социализм (см., например, [205, с. 6]).

Развивающиеся страны образуют лишь *относительно* устойчивую и единообразную общность, поскольку в них действует долговременная тенденция дифференциации этой общности как за счет присоединения некоторых стран к социалистической системе, так и за счет приближения стран, наиболее продвинувшихся на капиталистическом пути, к группе развитых капиталистических стран. Но так как переходная фаза социально-экономического развития, во всяком случае для большинства этих стран, будет продолжаться достаточно долго, общая международно-политическая структура мира вследствие многообразия, «незаданности» вариантов конкретно-исторического содержания политики отдельных государств Азии, Африки и Латинской Америки становится все более сложной¹.

Вместе с тем через все это многообразие и противоречивость чем дальше, тем определеннее просматривается взаимосвязь внешней политики развивающихся стран и их конкретной социально-политической ориентации.

Социально-экономическая ориентация и внешняя политика молодых государств

Специфика развивающихся стран как объектов исследования заставляет начать разбор взаимосвязи внешней политики и социально-экономической ориентации развивающихся стран с ряда предварительных замечаний.

Несомненно, что эти государства формируют свою внешнюю

политику в конечном счете в соответствии с интересами господствующих группировок и классов. Однако их внешняя политика не является лишь слепком с внутренней. Для нее характерна гораздо большая степень самостоятельности, что вызывается размытостью и переходностью классовой структуры, обуславливающей повышенную автономность политических решений, особенно во внешней сфере. Поэтому даже государства, относительно однотипные по социальной структуре и классовой природе, проводят подчас как в деталях, так и в целом различную, а то и прямо противоположную политику, в зависимости от курса их правящих кругов.

Достаточно разнородны и господствующие группы развивающихся стран, выступающие на международной арене как персонализаторы их национального суверенитета. В большинстве государств, где утвердились капиталистические отношения, они выражают интересы в первую очередь конгломерата собственников — бюрократической буржуазии, крупного и среднего национального капитала, а также представителей сословно-этнической или религиозной олигархии. Вместе с тем при проведении внешней политики эти группы не могут не принимать во внимание, в целях сохранения своей политической власти внутри страны, и определенные общенациональные интересы. В этом, в частности, а также в противоречиях между местной буржуазно-сословной элитой и монополистической буржуазией западных стран по конкретным экономическим вопросам следует искать объяснение тех антиимпериалистических тенденций, которые проявляются во внешней политике большинства развивающихся государств.

Далее, коллективная дипломатия развивающихся стран предполагает выработку общих, компромиссных позиций по основным вопросам, в жертву которым приносятся индивидуальные мнения многих стран, вынужденных следовать групповой дисциплине. Эта же дипломатия склонна полагаться чаще всего на поиск политических решений экономических проблем, что нередко снижает степень связи ее предложений с реальными социально-экономическими процессами (подробнее см. в главе пятой).

Практика показывает также, что ввиду гораздо менее жесткой, чем обычно, связи между столицами развивающихся стран и их зарубежным дипломатическим аппаратом и отсутствия в ряде случаев официальной позиции страны по проблемам, не затрагивающим ее непосредственно, этот аппарат имеет повышенную «свободу рук» в определении такой позиции на месте, а иногда и интерпретирует указания из своей столицы иначе, чем их составители.

Запущенность многих проблем развития и внутривнутриполитическое брожение, характерные для большинства развивающихся стран, вызывают повышенную частоту смены их правительств. И хотя эти последние в большинстве случаев уважают прежние внешние обязательства их государств, подобная внутренняя нестабильность нередко ведет к самым неожиданным и резким зигзагам внешнеполитического курса, ситуациям, когда противопоставленными друг другу оказываются даже прежде дружественные народы.

И наконец, последнее предварительное замечание. На процесс формирования политики развивающихся стран оказывает существенное влияние идеологическая среда их обитания. С одной стороны, в ней действуют дипломатия и средства массовой информации западных держав, а также ТНК. Особенно нельзя недооценивать влияние последних. Во многих странах, где они прочно внедрились в местную экономику, ТНК в состоянии влиять на политический процесс и изнутри, через свою агентуру в национальных политических и деловых кругах, «применяя методы переговоров и убеждения, а также методы подрывных действий и подкупа» [190, с. 138]².

С другой стороны, возрастает авторитет и влияние в развивающихся странах социализма, его опыта устройства общества, преодоления отсталости, политики, направленной на сохранение мира и перестройку международных отношений на справедливых, демократических началах.

В силу этих причин внутри массива развивающихся стран имеют место многообразие, полицентризм, во многих случаях нечеткость и непредсказуемость внешнеполитического поведения, а единство (координация) оказывается эффективным лишь на отдельных направлениях мировой политики. Вместе с тем в 70-е годы в общественной жизни большинства развивающихся стран произошла определенная кристаллизация в направлении их развития и, несмотря на отдельные зигзаги и «всплески» (в том числе националистически религиозного характера), заметно усилилось значение базисных, социальных факторов, пробивающих себе дорогу через толщу конкретных ситуаций.

В соответствии с главным противоречием нашей эпохи во внешней политике развивающихся стран в целом проявляются две противоположные тенденции: прозападная, капиталистическая, предопределяющая следование многих из них в фарватере империалистической политики, и антиимпериалистическая (включая ориентацию на социализм), которая по многим вопросам ведет к совпадению позиций этих стран с социалистическими. Разумеется, такое размежевание идет на фоне специфических интересов развивающегося мира в международной политике в целом, что затрудняет четкую классификацию этих политических курсов по классово-социальному признаку. Тем не менее основные контуры такой классификации можно наметить.

Построение строгой классификационной схемы по внешнеполитическим критериям, охватывающей все развивающиеся страны, не представляется возможным. Варианты внешнеполитической ориентации развивающихся стран в силу ее изменчивости, подвижности, взаимопереходов могут быть представлены в виде скорее тенденций, в большей или меньшей степени присущих политике определенных стран, чем групп государств с жестко фиксированным составом.

Попытаемся выделить основные из этих тенденций, опираясь на три взаимосвязанных критерия: отношение к двум мировым си-

стемам, отношение к остальным развивающимся странам и степень субъектности в международных отношениях. Субъектность, в нашем понимании, как категория международных отношений выявляется в том, насколько развивающиеся страны осознают собственные интересы в общих и конкретных вопросах международной политики, насколько они способны защитить и утверждать эти интересы, способны ли они наложить свой собственный отпечаток на решение глобальных вопросов мировой политики.

В авангарде сил общественного прогресса идут здесь те страны, которые, будучи по характеру стоящих перед ними задач во многом сходными с развивающимися, входят в мировую систему социализма и реально строят социализм, — Вьетнам, КНДР, Куба, Лаос, Монголия. Их внешнеполитический курс является последовательно антиимпериалистическим и направлен, в числе прочего, на защиту интересов освободившихся стран. Впечатляющий образец этого показала Куба, выступавшая на рубеже 80-х годов как координатор движения неприсоединения и спикер «группы 77».

Кроме того, на первых этапах политического освобождения в ряде развивающихся стран к государственной власти пришли силы, отвергающие капитализм как путь развития и как строй, способный обеспечить преодоление отсталости и зависимости. Они провозгласили выбор в пользу социалистической ориентации (Алжир, Бирма, Гвинея, Сирия), осуществляемой под руководством революционно-демократических сил, представителей главным образом средних и промежуточных слоев, отчасти крестьянства. Впоследствии, в ходе продолжения антиколониальных революций, социалистическую ориентацию избрали АРЕ, Ангола, Бенин, Гайана, Гвинея-Бисау, Ирак, Мозамбик, Народная Демократическая Республика Йемен, Эфиопия. После Апрельской революции 1978 г. на путь радикальных преобразований встал Афганистан. И хотя не во всех этих странах такая ориентация смогла удержаться как социально-политический курс, к концу 70-х годов около 20 государств Азии, Африки и Латинской Америки с населением 150 млн. человек осуществляли в той или иной форме некапиталистическое развитие, а во многих из них уже развернулся процесс формирования народно-демократической власти и авангардных партий, стоящих на марксистских позициях.

Для внешнеполитической линии этих стран характерен в целом последовательный антиимпериализм, решительная борьба с колониализмом, расизмом, курс на политическое и экономическое сотрудничество с социалистическими государствами, подчеркивание необходимости стратегического союза с миром социализма. Экономическая, техническая, политическая и военная помощь социалистических стран укрепляет это сотрудничество. В том же направлении работают связи между коммунистическими и революционно-демократическими партиями в рамках мирового революционного движения, в борьбе против империализма.

Страны социалистической ориентации, как правило, входят в движение неприсоединения, однако они понимают его не как

«равноудаленность» от обоих противоборствующих мировых лагерей и не как нейтрализм в вопросах войны и мира, а прежде всего как форму проявления антимпериалистической солидарности развивающихся стран на основе отказа от присоединения к империалистическим блокам, борьбы против неокOLONиалистского вмешательства во внутренние дела освободившихся стран.

Разумеется, страны социалистической ориентации не отказываются (да практически и не могли бы отказаться) от экономических связей с капиталистическими странами. Они заинтересованы в торговле с этими странами, в их технологиях и в определенной степени даже в иностранных капиталах. Но эти связи осуществляются лишь на основе равноправия, уважения их интересов, невмешательства во внутренние дела, отказа от политических условий сотрудничества.

Эти страны активно выступают за мир, разрядку международной напряженности, разоружение, запрещение ядерного оружия, искоренение всех форм расовой дискриминации, противостоят империалистической политике экспансии, агрессии, эксплуатации. По всем этим направлениям ясно видна общность их интересов с политикой, проводимой социалистическими государствами.

Однако в большинстве развивающихся стран становление государственной независимости пока связано с приходом к власти местной буржуазии или сословной бюрократической элиты. Эти силы явно доминируют в таких странах, как Филиппины, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Тунис, Кения, Либерия, Берег Слоновой Кости, Сенегал, значительная часть латиноамериканских государств. В Индии буржуазия также является наиболее сильным и влиятельным классом, хотя она не пользуется полным и неограниченным господством. В Индонезии, Бангладеш, Пакистане, ряде латиноамериканских стран у власти находятся военные диктатуры, объективно действующие в направлении капиталистического развития, но не равнозначные диктатуре буржуазии как таковой, прежде всего потому, что буржуазия в этих странах оказалась во многом несостоятельной и собственными силами не смогла закрепить свое политическое господство. В Саудовской Аравии и других странах Аравийского полуострова (за исключением НДРЙ) происходит интенсивный процесс обуржуазивания феодально-теократической элиты, направляющей избыток капиталов в основном вовне. В этом районе формируются новые центры «периферийного» финансового капитализма.

В относящихся к этой группе странах Тропической Африки буржуазия к моменту достижения независимости составляла крайне незначительный слой, а крупных землевладельцев не было вообще, и поэтому политически доминирующими слоями общества оказались чиновничество и интеллигенция. Эти страны, как правило, идут по капиталистическому пути, хотя и под руководством не буржуазии, а военно-бюрократических элит, объективно про-буржуазных по своей ориентации.

[В тех немногочисленных странах, где правящие круги еще не

самоопределились в социально-политическом смысле, стихийно развивается капитализм, являющийся естественным продолжением того направления развития, которое было заложено метрополиями в колониальную эпоху.

Все эти страны в вопросах международной политики в большей или меньшей степени находятся в сфере западного влияния, а часть из них сохраняет свои особые связи (хотя иногда и формальные) с бывшими метрополиями, что, естественно, не может не находить отражение в их позициях по международным проблемам. Так, до сих пор существует механизм экономического сотрудничества и политических консультаций в Британском содружестве. Прочные связи сохранились с ее бывшими колониями в Африке у Франции, с 18 франкоязычными странами она сотрудничает и в военно-технической области. Наконец, 57 стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ) связаны преференциальным экономическим соглашением с ЕЭС, причем для ряда стран политика здесь следует за экономикой.

Ряд государств Юго-Восточной Азии, объединенные в АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд), несмотря на официально прокламированный нейтрализм, в последнее время придерживаются курса, находящегося под определенным влиянием Японии и США, которые настойчиво продвигают идею создания «тихоокеанского сообщества» в этом регионе.

Однако внутри стран, развивающихся в русле капитализма, имеет место достаточно сложный спектр позиций как по общим, так и особенно по конкретным международным проблемам, что определяется целым рядом факторов.

Во-первых, как уже указывалось выше, сплошь и рядом отсутствует прямая корреляция между характером классовых сил, стоящих у власти в этих странах, и их политико-дипломатической деятельностью. Существуют, конечно, и заранее «заданные» компоненты позиции тех или иных стран в отношении двух противоположных систем или друг друга. Но часто она определяется чисто эмпирически, прагматическим подходом. Это бывает особенно заметно на международных экономических конференциях по конкретным вопросам, где можно наблюдать порой самое разнообразное сочетание позиций отдельных государств.

Во-вторых, отношения развивающихся стран с двумя системами отрабатываются и в результате политики самих этих систем, их подходов к проблемам новых государств. Социалистические страны поддерживают объединительные тенденции внутри развивающегося мира, содействуют всеми мерами укреплению национального суверенитета этих стран, их сплочению на антиимпериалистической основе. Западные же страны, наоборот, делают ставку на разделение и ослабление блока молодых государств, выделение из него стран, могущих стать проводниками империалистической политики в отдельных регионах или субрегионах. Так, американские политологи из школы «политического реализма» уже с начала 70-х годов начали выделять в массиве развивающихся стран

своеобразные «точки опоры», исходя из степени влияния данных режимов в регионе и их готовности проводить проимпериалистический и проамериканский внешнеполитический курс. На них ныне концентрируется основной объем военно-экономической «помощи» Запада.

Если попробовать классифицировать развивающиеся страны прокапиталистической ориентации по степени зависимости их политики от империалистических центров, или, иными словами, выяснить, насколько они еще остаются объектами такой политики, то складывается примерно следующая картина.

На правом фланге могут быть помещены те государства, правящие круги которых прочно связали свою судьбу с империализмом, видя в нем гаранта сохранения ими власти. Сюда относятся, в частности, Южная Корея, Чили, Парагвай, Сальвадор, Гондурас, Гватемала, Оман. Внешняя политика этих стран не отличается сложностью. Независимо от того, связаны ли они формально договорными обязательствами с империалистическими центрами (прежде всего с США) или нет, их курс зиждется на практически безоговорочной поддержке политики этих центров в обмен на их экономическую и военную поддержку. Органический антикоммунизм, антисоветизм определяют их тотальную враждебность по отношению к социалистическим государствам; они же сплошь и рядом являются проводниками раскола среди развивающихся стран. Вместе с тем эти режимы все же стараются показать, что они также являются частью развивающегося мира, разделяют его интересы и заботы, и поэтому они примыкают к движению за новый международный экономический порядок и даже пытаются заигрывать с движением неприсоединения, хотя именно их можно с достаточным основанием считать присоединившимися к политической системе международного империализма.

Одновременно в развивающемся мире образуются и крупные политические силы другого плана. Это Мексика и Андская группа в Латинской Америке, Индия в Юго-Восточной Азии, Замбия в Африке, которые выступают в основном с позиций демократии и антиимпериализма. Они не проявляют стремления к военно-политической гегемонии, ограничиваясь распространением своего экономического влияния в соответствующем регионе (Мексика — в основном в странах Центральной Америки, Венесуэла — в Андских странах). Ввиду своих размеров, численности населения и достигнутого уровня экономического развития эти силы являются нередко своеобразным противовесом региональным агентам империализма.

Особо следует остановиться на роли Индии как великого азиатского государства. Завоевав свою независимость в ходе долгой и упорной борьбы с англичанами, Индия находилась у колыбели движения неприсоединения. Она ведет взвешенную, ровную внешнеполитическую линию, направленную на стабилизацию отношений на субконтиненте, отвергает гегемонизм и не раз противостояла политическому давлению США. Индия имеет стабильные друже-

ственные отношения с СССР, которые с 1971 г. развиваются в рамках договора о мире, дружбе и сотрудничестве, поддерживает активные связи с социалистическим Вьетнамом, одной из первых признала новое правительство Кампучии, вносит свой вклад в политическое урегулирование обстановки вокруг Афганистана.

Наконец, для основной массы развивающихся стран, ориентирующихся на капитализм, характерно противоборство прогрессивной и реакционной тенденций в их внешней политике. Они в основном стоят на позициях неприсоединения, подчас «равноудаленного», с различной степенью активности участвуют в борьбе за свои особые (в первую очередь экономические) интересы. Для большинства этих стран характерны стремление не связывать себя далеко идущими обязательствами с Западом, деловой интерес к сотрудничеству с социалистическими государствами. Они избегают занимать четкую позицию в глобальных политических вопросах, однако характер их внутренних режимов, безусловно, сказывается на их отношении к конфликтам между прогрессивными и реакционными силами в собственном регионе.

Общая социально-политическая ориентация при отсутствии запрограммированной «ангажированности» по отдельным конкретным проблемам, влияние специфических факторов, отмеченных в начале данного раздела, наглядно иллюстрируются отношением развивающихся стран к ряду ключевых вопросов современной международной политики.

Так, они выступают как единый блок (хотя в его недрах и имеет место раскольническая деятельность консервативных режимов) за ликвидацию остатков колониализма и расизма в Африке, завершение политической деколонизации, против агрессивной политики Израиля, против экономического подчинения и эксплуатации, за новый международный экономический порядок. Правда, при единстве общих целей между участниками этого блока имеется немало расхождений в отношении путей и средств их достижения. Однако политическое давление освободившихся стран на империализм в этих направлениях достаточно последовательно и сильно, и именно это заставляет буржуазных и реформистских политологов видеть в данной области явную опасность прямой конфронтации с ними и прибегать к диалогу.

Освободившиеся страны начали принимать непосредственное участие и в обсуждении такой ключевой, глобальной проблемы, как предотвращение мировой войны. К этому их прямо обязывает членство в ООН, где укрепление мира и международной безопасности зафиксировано в качестве главной уставной задачи этой организации. В целом освободившиеся страны вносят позитивный вклад в решение этой проблемы. Так, важное значение имело признание развивающимися странами необходимости мирного сосуществования. В основном совпадают позиции социалистических и развивающихся стран в вопросах разоружения. Освободившиеся страны активно содействовали, например, созыву специальных сессий Генеральной Ассамблеи по этому вопросу. Резкую критику

во многих из них вызвала политика США и НАТО в последние годы, атаки на разрядку и появление концепций допустимости «ограниченной» ядерной войны и «военного присутствия» империалистических государств в удаленных от них районах развивающегося мира. Многие лидеры стран Азии, Африки и Латинской Америки справедливо видят в этих концепциях рецидив мышления категориями господства и принуждения в отношении других государств и народов, интриги сырьевых монополий. Находит все большее понимание и взаимосвязь разрядки и развития.

В то же время для многих развивающихся стран характерно и свое, специфическое видение этих проблем, оцениваемых ими с собственных, подчас неустановившихся мировоззренческих позиций и через призму текущих социально-экономических интересов. Так, при всей ключевой роли предотвращения войны и упрочения разрядки для судеб мира «группа 77» склонна отдавать приоритет в работе ООН социально-экономической тематике. Среди них имеет хождение даже тезис «сначала развитие, потом разрядка», который, в своей современной интерпретации, хотя и не отрицает их взаимосвязи, однако, устанавливая «очередность» осуществления, по сути дела, противопоставляет один процесс другому, не говоря уже о том, что в его основе лежит все та же эклектическая концепция «Север — Юг». Еще находят поддержку и спекулятивные измышления о том, что разрядка равносильна «сговору сверхдержав» о разделе мира, или, в более новой интерпретации, лишает развивающиеся страны дивидендов от игры на противоречиях между двумя системами.

На самом же деле, как подчеркивал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, «разрядка напряженности создает еще более благоприятные условия для завершения, и в кратчайший срок, освобождения всех колониальных стран и народов, упразднения расистских режимов, ликвидации апартеида, остатков национального гнета и всякого рода дискриминаций. В свою очередь, нет сомнения в том, что решение этих назревших проблем придаст новую энергию процессу разрядки, расширит его географические рамки» [57, с. 515]. Именно с этих позиций поддерживали в своих выступлениях в ООН идею разрядки страны социалистической ориентации, Индия, ряд арабских и латиноамериканских государств. Они справедливо исходили из того, что разрядка благоприятствует формированию самостоятельного политического курса малых стран, которые, наряду с великими державами, могут играть позитивную роль в этом процессе, внести свой вклад в ее распространение на новые сферы, тогда как «холодная война», наоборот, сужает для освободившихся стран возможности давления на империализм. В последние годы многие страны в обстановке усиления атак на разрядку испытали это на собственном опыте. Что же касается «сговора сверхдержав», то иллюзорность этого утверждения ясно вытекает из отрицания Советским Союзом трактовки разрядки как некоего «социального статус-кво», как отказа от поддержки национально-освободительных движений. Кстати,

американские политики нападают на СССР именно за «отсутствие сдержанности» в этой области.

Достаточно неоднозначна и позиция развивающихся стран в отношении разоружения. Они довольно активно участвуют в конкретных переговорах по этим вопросам. Так, на специальных сессиях Генеральной Ассамблеи по разоружению они поддерживали советские предложения о прекращении гонки вооружений, осуществлении реального разоружения, необходимости поставить под запрет применение силы в международных отношениях, ликвидации военных баз на чужих территориях. В обстановке делового сотрудничества социалистической дипломатии и дипломатии развивающихся стран проходит обсуждение вопросов разоружения также и в ходе регулярных сессий Генеральной Ассамблеи, тем более что многие сходные цели в этой области прокламированы в коллективных документах движения неприсоединения.

Многие развивающиеся страны поддерживают предложения СССР о заключении Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях; о достижении договоренности о нерасположении ядерного оружия на территории государств, где его нет в настоящее время, независимо от того, находится ли то или иное государство в союзных отношениях с ядерным государством или нет; о выводе иностранных войск и ликвидации иностранных военных баз; о недопущении расширения существующих военных союзов.

Однако в этой области существуют и определенные разногласия. В частности, социалистические страны выступают обычно за универсальное участие в соглашениях о разоружении и контроле над вооружениями всех государств. Ряд же развивающихся стран склонны распространять принцип универсальности лишь на право участия в переговорах о разоружении и не всегда присоединяются к согласованным договорам. Это касается, в частности, договора о нераспространении ядерного оружия, что особенно опасно, ибо, с одной стороны, уже приняты решения о создании безъядерных зон в Латинской Америке и в Африке, а с другой — уже около 15 развивающихся стран имеют технические и финансовые возможности начать производство собственного ядерного оружия до 2000 г. (см. [264, с. 23]). При обсуждении вопросов о сокращении вооруженных сил и обычных вооружений некоторые развивающиеся государства высказывались за то, чтобы эти меры предпринимались лишь в контексте всеобщего и полного разоружения, что на практике равносильно откладыванию решения этой проблемы. Поддерживая в принципе необходимость разоружения, некоторые из них склонны полагать, что оно является насущной необходимостью лишь в отношениях «Восток — Запад», тогда как для развивающихся стран первостепенное значение имеет лишь получение дополнительной помощи за счет сокращения военных бюджетов стран НАТО и Варшавского Договора. Аналогично, не возражая открыто против фиксации в документах своих региональных организаций, в частности ОАЕ, принципов неприменения силы и

нерушимости границ, лидеры тех развивающихся стран, которые имеют территориальные претензии к своим соседям, далеко не всегда следуют им на практике. Иначе говоря, все еще недооценивается необходимость распространения разрядки и разоружения на все континенты мира.

Между тем эти проблемы давно уже перестали быть монополей отношений «Восток — Запад» и становятся все более актуальными и для развивающихся стран, ибо они в последние годы стремительно втягиваются в процесс гонки и распространения вооружений, равно как и являются главными (пожалуй, даже единственными) районами прямых вооруженных конфликтов.

Факты ускоренной милитаризации развивающихся стран достаточно известны. Так, их доля в мировых военных расходах возросла с 8% в 1970 г. до 16,7 в 1982 г. без соответствующего роста доли этих стран в финансовых ресурсах мира. Абсолютные расходы на вооружение возросли с 6 млрд. долл. в 1950 г. до 104 млрд. долл. в 1982 г. и увеличивались в 1,5 раза быстрее их ВВП, а за последнее десятилетие (1972—1981) почти в 2 раза [124, с. 161; 98, с. 122]. Вооруженные силы увеличились с 6,6 млн. в 1970 г. до 8,8 млн. в 1980 г. и составили 32% общей численности вооруженных сил в мире (подсчитано по [329]). На долю развивающихся стран приходится 70% мирового импорта оружия. «По страшной иронии, — отмечается в докладе Комиссии Брандта, — самая динамичная и быстрая передача наиболее сложного оборудования и технологии от богатых стран бедным происходит в области производства орудий смерти» [287, с. 14]. Многие эти страны уже втянулись не только в импорт, но и в собственное производство оружия и надеются, что при избытке рабочей силы это создаст дополнительные рабочие места, хотя известно, что роль милитаризации в стимулировании экономики, особенно слабообразитой, иллюзорна, а в долгосрочном плане — разрушительна.

Милитаризация развивающихся стран еще больше отравляет обстановку в мире, ведет к усилению противоречий и локальным конфликтам между ними. Среди них уже выделилась небольшая группа стран, значительно обогнавшая соседей в военной области и превратившаяся в военные или военно-политические центры силы регионального масштаба.

Все более активное участие принимают развивающиеся страны в обсуждении других глобальных проблем: сырьевой, энергетической, экологической, демографической, продовольственной, освоении космоса и океана. Их позиции здесь также достаточно специфичны, однако их подробное изложение заняло бы слишком много места, и потому читатель может быть отослан к специализированной монографии ИМЭМО по этим проблемам (см. [132]).

Увеличение числа развивающихся стран в ООН и их стремление усилить в ее деятельности социально-экономическую проблематику привели их к предложениям о пересмотре Устава ООН в этих направлениях и реформе организационной структуры ее органов. В частности, они предлагают дать развивающимся странам — не-

постоянным членам Совета Безопасности право «коллективного вето», т. е. приравнять их коллективно к статусу великих держав. Кроме того, наметилась тенденция к раздуванию аппарата ООН за счет новых органов, в частности по контролю за выполнением принимаемых решений в социально-экономической области.

Поддерживая справедливые требования развивающихся стран, Советский Союз тем не менее не считает необходимым проведение в настоящее время какой-либо радикальной перестройки ООН, особенно если эта перестройка может ослабить внимание ООН к выполнению главной ее уставной задачи — поддержанию мира и международной безопасности. Поэтому, согласившись с перестройкой социально-экономической части Секретариата и некоторых специализированных органов ООН, он полагает, что главное в деятельности ООН в этой области — не создание новых органов, а повышение эффективности деятельности существующих и наличие у стран — членов ООН политической воли в выполнении уже принятых решений.

Глава третья

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ И МЕСТА РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ХОЗЯЙСТВА

Завершение политической деколонизации еще более выпукло обнажило социально-экономические проблемы развивающихся стран, и особенно их неравноправное, эксплуатируемое положение в системе мирового капиталистического хозяйства. Перед ними встали задачи обеспечения национального суверенитета над своими природными и экономическими ресурсами, укрепления хозяйственной базы государственной самостоятельности, становления национальных форм организации экономики и внешней торговли, ограничения сферы теперь уже неокOLONиальной эксплуатации. Изменение соотношения сил в мире, налаживание прямых хозяйственных контактов развивающихся стран с миром социализма, переход этих стран к коллективной экономической дипломатии и налаживание их взаимного сотрудничества создают благоприятные условия для подобной экономической деколонизации.

Специфически благоприятным фактором стало в этом отношении и обострение в мире энергосырьевой проблемы, в результате чего экономика многих западных стран, во многом «запрограммированная» ранее на колониальное снабжение, оказалась в возросшей зависимости от хозяйственной деятельности и политики освободившихся стран и их объединений.

Одновременно, опровергая теории об их «несамостоятельности» и «неполноценности», народы освободившихся стран добиваются первых успехов в развитии национальной экономики, расширении ее производственной базы, индустриализации производства и экспорта. Основная заслуга в этом в большинстве стран принадлежит

государственному сектору. Однако в конкуренцию за отвоение внутреннего рынка и проникновение на внешние рынки все активнее вступает национальная буржуазия. И хотя все эти процессы идут далеко не прямолинейно и однозначно, началось постепенное преодоление хозяйственных проблем, оставленных колониализмом, повышение роли и влияния развивающихся стран в мировом хозяйстве и экономике капитализма, хотя их зависимое и неравноправное положение в ней в основе своей не преодолено. Анализу противоречивой эволюции этих процессов и посвящена настоящая глава.

Слагаемые и показатели повышения роли освободившихся стран в капиталистической экономике

Такое повышение опирается, при значительном разнообразии конкретных причин и проявлений, на три основных фактора: на изменение облика мирового хозяйства, где капиталистическая система уже не выступает как единственная и не является наиболее динамичной; на первые успехи независимого развития экономики и внешней торговли развивающихся стран; на растущую роль этих стран как источников невозобновимых энергетических и сырьевых ресурсов.

Что касается изменений в облике современного мирового хозяйства, то их генеральным направлением является рост влияния в нем мирового социализма, реализующего преимущества своего способа производства в опережающих темпах экономического развития в соревновании двух систем.

Несомненно, что подобное поступательное развитие социализма, отражающееся и в сфере внешней торговли, создает для процессов экономической деколонизации освободившихся стран принципиально иной по сравнению с прошлым глобальный контекст. Не говоря уже о возможности заимствования опыта развития социализма (в частности, в преодолении хозяйственной отсталости), освободившиеся страны получают в лице мирового социализма альтернативного хозяйственного партнера, причем партнера, чья политика сознательно была направлена на разнообразное содействие экономической деколонизации молодых государств (конкретный анализ объема, направлений и особенностей экономического и научно-технического сотрудничества между социалистическими и освободившимися странами будет дан в главе восьмой).

В сочетании с политикой разрядки, с борьбой дипломатии социализма за перестройку международных экономических отношений на справедливых, демократических началах все это создавало и создает мощный стимулирующий фон для процессов экономической деколонизации, для противостояния молодых государств империалистическому диктату.

Одновременно объективные законы развития производительных сил обуславливают вызревание крупных изменений внутри разви-

вающихся стран, причем движущие силы этих изменений в данном случае выходят далеко за рамки конкурентных устремлений местной буржуазии и во многом являются плодом общенациональных усилий, координируемых на уровне государственной политики развития.

Сводным показателем этого являются опережающие темпы роста экономики молодых государств в рамках капиталистической системы хозяйства. И хотя в определенной степени это является статистическим отражением их развития с низкой исходной базы, тем не менее этого опережения уже достаточно для того, чтобы обеспечить последовательное увеличение доли развивающихся стран в ВВП капиталистического мира (табл. 1).

Таблица 1

Динамика доли развивающихся стран в мировом капиталистическом ВВП и стоимости, добавленной обработкой в промышленности *, %

	ВВП			Стоимость, добавленная обработкой		
	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Развитые страны . . .	85,8	84,6	81,5	91,5	90,6	85,7
Развивающиеся страны	14,2	15,4	18,5	8,5	9,4	14,3

* [72, с. А. 49; 85, табл. 32].

Разумеется, на различных этапах экономический рост развивающихся стран идет неравномерно, причем в дополнение к внутренним проблемам на его ход негативно влияют и последствия распространения на эти страны кризисных явлений из империалистических центров. Так, в ходе кризиса 1980—1983 гг. ВВП освободившихся стран возрос в 1981 г. лишь на 0,6% и в 1982 г. упал на 0,7% против роста в 2,9% в 1980 г. и 5,0% в среднем в год за 1975—1980 гг. «Развивающийся мир, — характеризовали его положение на начало 80-х годов эксперты ЮНКТАД, — стоит перед лицом тяжелейшего экономического кризиса со времен великой депрессии. Как и тогда, этот кризис есть следствие расстройств хозяйства развитых стран с рыночной экономикой, которое было лишь усилено хаосом в системах международной торговли и финансирования» [98, с. 1, 127; 117, с. 5]. Однако в целом речь идет, безусловно, об исторической тенденции намерстывания освободившимися странами своего отставания.

Что касается внешних экономических связей, то в новых, благоприятных условиях, отмеченных выше, нарастающая индустриализация встречала в целом достаточное предложение инвестиционных товаров на внешних рынках. Так, доля машин и оборудования в импорте развивающихся стран возросла с 27% в 1960 г. до 32% в 1980 г. [95, с. 12, 632; 78, с. XXX, LXII]. Регулируемый рост импорта средств производства начал частично компенсировать недо-

статочное развитие в этих странах отраслей первого подразделения, что сообщало воспроизводственному процессу большую завершенность и самостоятельность. Кроме того, приобретение технологии и субподрядные поставки способствовали возникновению здесь новых производств, в том числе заменяющих часть прежнего «безбрежного» импорта готовых изделий. Как отмечают в этой связи авторы исследования «Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс» (М., 1983, с. 131), «коэффициент, характеризующий степень вытеснения ввозимых потребительских товаров импортом промежуточной, т. е. исходной продукции, необходимой для изготовления на месте, повсеместно имел тенденцию к росту». При этом, благотворное влияние на структуру импорта оказали его географическая диверсификация (в значительной степени за счет социалистических стран и взаимной торговли развивающихся стран), а также жесткое государственное регулирование с целью подчинения национальным планам развития.

Так, в частности, для большинства развивающихся стран можно считать практически преодоленной их прежнюю доминирующую привязку к рынкам бывших метрополий, по крайней мере в импорте. За годы национальной независимости число и география их поставщиков значительно увеличились, причем бывшие метрополии уже далеко не везде сохранили среди этих поставщиков первые места. Фактически распались и староколониальные валютные и преференциальные зоны. В начале 80-х годов к доллару было «привязано» лишь 37 валют (против 56 в 1973 г.), французскому франку — 14 (против 17), фунту стерлингов — 2 валюты (против 11) [331, 19.01.1980]. Возросло число фирм, торгующих с развивающимися странами, в том числе за счет выхода на рынок аутсайдеров и среднего бизнеса западных государств. Это расширило возможности коммерческого маневра для развивающихся стран и обострило конкуренцию за их заказы.

Те же процессы происходят и в импорте капитала, который стал гораздо более многоадресным по своим источникам, хотя в этом отношении позиции прежних метрополий в отдельных молодых государствах все еще выглядят более внушительно, чем в сфере товарного импорта.

Главное же, расширился круг источников снабжения освободившихся стран необходимой им продукцией: доля империалистических государств в их импорте сократилась с 68% в 1950 г. до 64,4% в 1979 г., тогда как доля социалистических возросла с 1 до 5,4% соответственно [97, с. 90; 111 (табл. А)].

Однако наиболее явно изменения, происходящие в экономике развивающихся стран, видны в их экспорте, тем более что протекающие здесь процессы зачастую обгоняют рост внутреннего рынка и требуют для своей рентабельной реализации масштабов регионального или даже международного порядка.

В самой общей форме эти сдвиги находят свое выражение в переломе долгосрочной тенденции падения роли молодых государств в мировом экспорте. Достигнув своего минимума в 17,8%

в 1970—1971 гг., она затем вновь начала расти, прежде всего под влиянием взлета сырьевых цен, причем даже к началу 80-х годов, когда цены на сырье снова упали до самого низкого уровня за последние сорок лет, эта доля все же оставалась значительно выше прежней минимальной и составляла в 1980 г. 20,4% [72, с. А. 17]. Другими словами, с учетом повышения доли этих стран в мировом ВВП и промышленном производстве развивающиеся страны перестали быть зоной убывающего значения в мировой экономике и мирохозяйственных связях и превратились в зону, значение которой хотя и медленно, но устойчиво растет.

Правда, в экспорте развивающимся странам в меньшей степени, чем в импорте, удалось избавиться от гипертрофированной зависимости от рынков империалистических государств, чья доля в их экспорте сократилась лишь с 70% в 1950 г. до 68,7% в 1980 г. [72, с. А. 65; 111, табл. А]. Однако и за такими агрегированными данными также скрываются процессы географической, а главное, отраслевой диверсификации внешней торговли молодых государств, имеющие принципиальное значение.

Так, существенно возросла доля экспорта в страны социализма (с 1% в 1950 г. до 4,2% в 1980 г.), ослабла привязка экспорта бывших колоний к рынкам соответствующих метрополий. Самостоятельным катализатором изменений являются и усилия развивающихся стран по налаживанию взаимного экономического сотрудничества, хотя доля взаимной торговли в их импорте в 1980 г. была примерно той же, что и в 1950 г. [111, табл. А; 71, с. А. 65].

В настоящее время реально существует свыше 20 интеграционных объединений молодых государств, практикующих льготный режим во взаимной торговле. Намечается создать такую систему «глобальных преференций» в рамках всего развивающегося мира. Между развивающимися странами последовательно расширяются также движение государственных и частных капиталов, передача технологии и обмен услугами. Другими словами, процесс складывания развивающихся стран как внутренне экономически взаимосвязанной зоны мирового хозяйства уже начался и, очевидно, будет набирать темп в дальнейшем.

Наиболее примечательные изменения произошли в товарной структуре экспорта молодых государств, что непосредственно связано с первыми успехами их индустриализации. Так, доля промышленных изделий в нем выросла по стоимости с 13,1% в 1955 г. до 21% в 1981 г. [97, с. 40]. Если же исключить из их экспорта нефть, рост цен на которую существенно затеняет динамику остальных показателей, то эта доля возросла с 17,4% в 1955 г. до 39% в 1981 г., а в целом готовые изделия обеспечили в 1960—1980 гг. 50% прироста не нефтяного экспорта освободившихся стран [109, табл. А; 110, табл. А. 24].

При этом процесс индустриализации экспорта этих стран в целом не проходил какого-то «инкубационного» периода в более легких условиях их взаимной торговли, а с самого начала был направлен на конкуренцию за рынки именно развитых капиталисти-

ческих государств. Доля этих рынков в их промышленном экспорте возросла с 45,4% в 1955 г. до 56% в 1981 г.

По оценкам экспертов Кильского института мирового хозяйства (ФРГ), развивающиеся страны обладают ныне преимуществами в сравнительных издержках в производстве таких товаров, как одежда, обувь, музыкальные инструменты, игрушки, изделия из дерева, спорттовары, украшения, текстиль, мебель, стекло и даже электрооборудование [235, с. 176]. По мере отраслевого расширения процесса индустриализации молодых государств прирост их экспорта все более базируется на относительно сложных отраслях производства, включая химию и машиностроение (хотя подобный экспорт наталкивается на растущие, особенно в периоды кризисов, протекционистские барьеры на рынках промышленно развитых капиталистических стран). Так, доля развивающихся стран в общем импорте изделий машиностроения Японией в 1970 и 1980 гг. составила 2 и 14%, Соединенными Штатами — 5 и 13%, в общем импорте химикатов этими странами — соответственно 8 и 20%, 11 и 12%. В приросте импорта изделий машиностроения за тот же период доля развивающихся стран составила: в Японии — 17,7%, в США — 14,4, в странах ОЭСР в целом — 5,4% [78, с. LIII—LXIII].

Разумеется, значительное место в этом импорте занимают внутрифирменные поставки ТНК со своих предприятий в Азии, Африке и Латинской Америке на рынки стран базирования. Однако этот фактор ныне уже далеко не всегда является решающим, ибо даже в странах наибольшего проникновения ТНК их доля в производстве готовых изделий остается меньше национальной. Так, например, в Индии она равна 10%, в Южной Корее — 28, в Аргентине — 30, Бразилии — 40 и только в Сингапуре — 70% [98, с. 77], к тому же предприятия ТНК в этих странах все еще работают по преимуществу на импортзамещение, а не на экспорт.

Другими словами, развивающийся мир перестает играть в мировой экономике роль исключительно аграрно-сырьевой периферии (фактически западные страны получают ныне из своей взаимной торговли сырья и продовольствия больше, чем вывозят из развивающихся) и постепенно превращается в заметного поставщика готовых промышленных изделий повышающейся сложности и высокой конкурентоспособности.

Многие развивающиеся страны все более расширяют номенклатуру товарных поставок за границу, преодолевая и прежнюю монокультуру. Так, в 1968 г. 25 развивающихся стран имели в номенклатуре своего экспорта менее 10 профилирующих товаров (с суммой экспорта каждого более 50 тыс. долл.), 55 стран — от 11 до 50, 25 стран — от 51 до 100 и 9 стран — свыше 100 товаров. В 1978 г. число стран первой группы (при повышении этого ценза до 100 тыс. долл.) сократилось до 19, второй — увеличилось до 62, третьей — до 28, а более 100 профилирующих товаров вывозили 15 молодых государств. Подобный процесс расширения и обновления номенклатуры идет неравномерно в различных странах в за-

висимости от их уровня развития и явно имеет во главе государства, достаточно далеко ушедшие вперед в деле создания многоотраслевого народного хозяйства. В частности, Малайзия в 1978 г. вывозила 146 таких товаров, Аргентина — 145, Мексика — 146, Индия — 160 и Бразилия — 154. Однако и среди стран, отнесенных ООН к числу наименее развитых, Нигер вывозил в том же году 20 профилирующих товаров, Малави — 29, Бангладеш — 32, Танзания — 44 [97, с. 212—214].

Однако, пока индустриализация этого экспорта по своей структуре менее технологична, чем внутреннего производства, и в ней преобладают изделия легкой промышленности, что существенно влияет на его рентабельность. В отличие от сравнимых индексов в развитых капиталистических странах, движущихся относительно синхронно, у развивающихся государств индекс цен на экспортные промышленные товары в 70-х годах отставал от индекса цен на непромышленные.

В пользу повышения роли развивающихся стран в мировой и капиталистической экономике в настоящее время действуют и еще два фактора, корни которых были заложены колонизаторами, но эффект которых, по диалектике истории, в итоге обернулся против них.

Капиталистическое природопользование существенно истощило рентабельное производство сырья в метрополиях Европы и в Японии, которые по своим природным условиям никогда не были им особенно богаты. Поэтому роль поставщиков сырья они отвели колониям, где, за ничтожным объемом местного потребления, его производство было товарным и экспортным. При гораздо большей площади капиталистической периферии основная масса запасов сырья оказалась сконцентрированной именно там. В середине 70-х годов на развивающиеся страны приходилось мировых (исключая социалистические страны) запасов: цинка — 22%, свинца — 14, алюминия и природного газа — 66, никеля — 69, марганца — 82, олова и нефти — 88%. За счет этих районов (в том числе за счет их относительно меньшей геологической изученности) идет в основном и прирост запасов и добычи полезных ископаемых, особенно нефти, газа, меди, железной руды и никеля, и даже при отставании добывающей промышленности развивающихся стран от обрабатывающей удельный вес ее продукции в общекapиталистическом производстве сырья и топлива продолжает расти: с 28% в 1960 г. до 40% в 1970 г. и 45% в 1981 г.

Это поставило промышленность развитых капиталистических стран, которая при достигнутых масштабах производства и ограниченной собственной сырьевой базе давно уже перешла на глобальную географию снабжения сырьем и топливом, в непосредственную и необратимую зависимость от поставок этих товаров из развивающихся стран. В 1980 г., даже при всех мерах экономии, они импортировали из этих стран 27% минерального сырья, 27,5% сельскохозяйственных товаров и 72% топлива [78, с. XXXIV, XL, LVI].

Положение грозит еще более осложниться в перспективе, когда к 2000 г., по оценке экспертов ООН, доля развивающихся стран в добыче железной руды возрастет с 43% в 1970 г. до 65%, меди — с 50 до 74, нефти — с 70 до 76, никеля — с 39 до 70% [129, с. 112, 113]. При этом одновременно возрастет по мере развития экономики самих освободившихся стран и их внутреннее потребление сырья и топлива, что относительно (а то и абсолютно) сократит экспортные фонды этих стран.

Разумеется, речь пока не идет о физической нехватке отдельных видов сырья, и его относительный недостаток может быть существенно ослаблен техническим прогрессом и дальнейшей экономией на всех стадиях его добычи, транспортировки, переработки и потребления. Однако, «вручив» сырьевое хозяйство колониям, империализм обрек его на существенное отставание в масштабах и технике производства. «Мировая сырьевая деревня» использовалась для выкачки прибылей, хронически недоинвестировалась, недополучала экспортные доходы. В результате сложилась неадекватность ее производственных возможностей потребностям индустриальных центров.

Этот момент совпал с завершением политической деколонизации и перехода по крайней мере части природных ресурсов под национальный суверенитет освободившихся стран, которые в числе прочих атрибутов независимости, смогли начать проведение все более самостоятельной сырьевой политики. Так, начиная с 1973 г. ОПЕК стала эффективно контролировать ценообразование на экспорт сырой нефти. В итоге и по экономическим и по политическим причинам начался (ранее подавляемый внешнеэкономическим колониальным принуждением, а позднее монополистическим ценообразованием) реванш ренты в добывающей промышленности освободившихся стран над прибылью в обрабатывающей промышленности и сфере услуг в развитых капиталистических странах, что и привело к существенной ломке ценовых пропорций мирового рынка в 70-х годах.

Детали этого процесса достаточно хорошо проанализированы в советской экономической литературе. Для целей же данного исследования важно подчеркнуть, что перспективы энергосырьеснабжения стали самым уязвимым местом экономики империализма и, следовательно, «экономическим оружием» развивающегося мира, что повысило его удельный вес в мировых делах уже качественно и сверх формальных показателей экономической статистики.

Сырьевой кризис с его достаточно острыми проявлениями несколько затенил другой, но не менее важный по своему характеру процесс, а именно возрастание зависимости (также приобретшей необратимый характер) стран развитого капитализма и от сбыта своей продукции на рынках развивающегося мира, особенно в условиях экономических неурядиц.

На протяжении второй половины 70-х годов развивающиеся страны поглощали около $\frac{1}{3}$ всего экспорта стран ОЭСР, а в ходе кризиса 1980—1983 гг. — почти весь прирост их экспорта. Коли-

чественно в 1981 г. этот экспорт составил 308 млрд. долл. Даже в США выполнением заказов развивающихся стран был занят каждый шестой рабочий обрабатывающей промышленности, а в остальных западных странах эта доля была значительно выше. Годовые темпы роста займов частных банков Запада этим странам за указанный период составляли 20%, и, по подсчетам экспертов «Морган гаранти траст», в случае отсутствия финансирования экспорта за счет таких займов в кризисные 1980—1983 гг. темпы экономического роста в странах ОЭСР упали бы дополнительно на один процентный пункт [202, с. 26—27].

Таковы в сумме те условия, которые объективно способствовали разворачиванию, вслед за политической и одновременно с нею, экономической деколонизации развивающихся стран, на важность которой особо указывал в своих работах В. И. Ленин (см. [20, с. 187]).

Изменяющаяся роль освободившихся стран в мировом хозяйстве находит свое выражение прежде всего в заметном ограничении сферы и возможностей для их колониальной и неоколониальной эксплуатации, в сломе и оттеснении ее наиболее одиозных форм. Это во многом предопределяется как собственной динамикой независимого развития этих стран, так и тем, что по мере интернационализации своей экономики они интегрируются, в отличие от прошлого, уже не в чисто капиталистическую систему хозяйства, а в динамичную всемирную экономику, где эта система постепенно теряет свои позиции в соревновании с социализмом.

Разумеется, этот процесс на фоне растущей социальной и экономической дифференциации в массиве развивающихся государств идет достаточно неравномерно и противоречиво в отдельных группах стран и секторах хозяйства. В итоге плоды экономической деколонизации распределяются между ними также неравномерно, при концентрации результатов структурных и торгово-политических сдвигов подчас лишь в узкой группе государств, имеющих для этого наиболее благоприятные природно-исторические условия. Причины и особенности такой внутренней дифференциации уже были достаточно подробно проанализированы в первой книге данной серии.

В равной степени общепризнанной является и локальная обратимость рассматриваемых сдвигов, их уязвимость перед лицом экономических кризисов, смены политической ориентации молодых государств, а также стратегии и тактики приспособления, к которой ныне активно прибегают западные страны и их транснациональные корпорации (подробнее об этом см. в главе девятой). Тем не менее принципиально важно подчеркнуть, что процесс повышения роли молодых государств в мирохозяйственных связях уже приобрел всеохватывающий и необратимый характер, а это, в свою очередь, делает необходимым анализ тех общих для всех развивающихся стран формационных и институциональных сдвигов, которые определяют ныне содержание этого процесса.

Национальный суверенитет и иностранный капитал: модификация отношений собственности и контроля

В хозяйственном отношении завоевание развивающимися странами политической независимости означало подрыв прежней системы внеэкономического принуждения в деле перекачки в империалистический центр природно-хозяйственных ресурсов его колониальной периферии.

На основе достигнутой политической независимости молодые государства активно распространяют свой национальный суверенитет на сферу природных ресурсов и хозяйственной деятельности, что и составляет ядро современного процесса экономической деколонизации. Наиболее радикальной мерой является национализация *собственности* иностранных фирм. С 1960 по 1976 г. зарегистрировано 1535 случаев полной и частичной национализации с суммарными активами около 33 млрд. долл., причем 73% этих случаев приходится на 70-е годы. Начавшись в сфере природных ресурсов (44% случаев), национализация затем распространилась также на обрабатывающую промышленность (27%), инфраструктуру (12%), банки и страхование (12%) [350, Spring 1980, с. 182; Winter 1980, с. 73].

Отчетливо антиколониальный характер национализации проявляется в том, что, во-первых, она направлена прежде всего против компаний крупнейших колониальных держав, а во-вторых, ее случаи концентрируются, как правило, именно в традиционных районах классического колониализма. Так, в 521 случае объектами национализации в молодых государствах в указанный период были английские компании, в 146 случаях — французские; 628 случаев национализации приходится на Африку южнее Сахары, где позиции монополий были особенно сильными, а колониализм сохранялся дольше, чем где бы то ни было. Американские филиалы были национализированы в 341 случае, причем примерно половина таких случаев имела место в Латинской Америке, по отношению к которой США, по существу, также играли роль хозяйственной метрополии. В 60% случаев национализация фирм, принадлежащих американскому капиталу, происходила в форме экспроприации, что наглядно иллюстрирует всю остроту противоречий между ними и принимающими странами и лишний раз разоблачает миф об «антиколониализме» США [81, с. 66, 234].

Причины, условия и результаты отдельных актов национализации различны. Кроме того, в ряде стран в силу их перехода к проимпериалистической ориентации и политической реакции или же в силу острой нужды в привлечении средств для развития имели место факты возврата иностранным монополиям их прежних активов. Однако в целом в развивающихся странах налицо тенденция к переводу всех звеньев воспроизводственного процесса в рамки национальной экономики и к участию их в международном разделении труда уже на национально контролируемой хозяйственной базе. С точки зрения отношений собственности это озна-

чает, в отличие от колониальных времен, сохранение в их руках вместе с суверенитетом на природные ресурсы не только стоимости товаров, но и все более значительной части абсолютной и дифференциальной ренты в добывающей и плантационной промышленности. В национализируемых отраслях обрабатывающей промышленности то же происходит со стоимостью, добавленной обработкой и промышленной прибылью, а в банковско-страховом деле — со ссудным процентом и страховой премией. Национализированные филиалы постепенно утрачивают свой прежний анклавный характер, теснее включаясь в отечественную систему межотраслевых связей, чем ослабляется оставшаяся от колониализма незавершенность процесса воспроизводства на национальной основе.

Все это расширяет национальную базу накопления, создает предпосылки для ускорения развития и проведения структурных преобразований в экономике в национальных интересах при относительном, а кое-где и абсолютном сокращении «дани», выплачиваемой иностранному капиталу. Одновременно эта массовая национализация явилась одной из главных причин, опровергнувших апокалиптические прогнозы западных экспертов о концентрации в руках ТНК к 80-м годам чуть ли не 60—70% капиталистического промышленного производства, и, следовательно, одной из главных преград на пути экспансии транснациональных корпораций [101, с. 34].

Конечно, национализация в развивающихся странах связана с определенными проблемами. Не говоря уже о возможности карательных акций со стороны правительств стран базирования ТНК и саботажа самих монополий, в чисто технико-экономическом плане национализированные предприятия зачастую выпадают из международной сети снабжения и сбыта, в которую они ранее были интегрированы, лишаются кадров иностранных специалистов. Это порождает, по крайней мере временно, трудности в управлении, может ухудшать первые результаты их самостоятельной хозяйственной деятельности. Национализированное производство отдельных товаров, особенно на экспорт, встречает препятствия в сохранении контроля монополий над внешнеторговым транспортом, переработкой и распределением этих товаров на зарубежных рынках, в зависимости предприятий от импорта технологии, необходимой для их периодической модернизации. Все это достаточно широко используется ТНК для проведения ограничительной деловой практики против таких предприятий в сфере международной торговли, сохранения своей посреднической позиции между непосредственными производителями и конечными потребителями продукции развивающихся стран с навязыванием и тем и другим искаженных к своей выгоде пропорций товарообмена (см. главу девятую).

Поэтому многие из этих стран пытаются продвинуть свой национальный контроль как можно дальше по «цепочке» производство — транспортировка — переработка — сбыт. Например, Аргентина, Бразилия, Индонезия, Сингапур, Филиппины, Малайзия

сумели создать национальный торговый флот, тоннаж которого позволяет ему обслуживать всю долю их внешнеторговых перевозок. Производители пальмового масла в Малайзии организовали специальную ассоциацию с целью «обеспечения эффективного и наиболее прибыльного маркетинга пальмового масла», включая организацию его независимой транспортировки и сбыта. Защиту своих интересов на зарубежных рынках чая ставит своей целью Калькуттская ассоциация чаоторговцев в Индии [89, с. 6]. Нарращивают свой танкерный флот страны ОПЕК. Однако пока усилия молодых государств в этой области приносят довольно скромные результаты. Кроме того, будучи связаны с необходимостью крупных инвестиций в транспортные средства и зарубежную сбытовую сеть, эти усилия доступны лишь для ограниченного круга развивающихся стран и даже их объединений.

Наряду с национализацией правительства освободившихся стран ищут и иные формы усиления своего хозяйственного суверенитета, в частности на путях не полного изгнания иностранного капитала, а контроля за его деятельностью с целью подчинения ее национальным интересам. Это прежде всего политика селективного *допуска иностранных частных инвестиций*, основанная на ограничении (запрете) их притока в отдельные отрасли и поиске новых форм взаимоотношений с ТНК, исключающих сохранение в их руках полной собственности и прежнего безраздельного контроля над их филиалами в принимающих странах. Такими отраслями чаще всего являются оборонная промышленность, связь, радио, телевидение, пресса, банки, страхование. В ряде стран за национальным предпринимательством резервируются полностью или частично также энергетика, коммунальное хозяйство и сфера услуг (Колумбия, Гана, Индия, Индонезия, Кения), оптовая и розничная торговля (Ливия, Малайзия, Гана, Индия), нефтехимия (Мексика, Иран).

Для достижения определенного уровня местного контроля применяется и обязательное *постатное деинвестирование* иностранного капитала из определенных сфер (предприятий), выступающее при доведении его до конца как разновидность национализации. Подобный метод предусматривается, например, законодательством стран Андского пакта, Индии и Нигерии.

С целью обеспечения оперативного контроля над импортом капитала и защиты от него национального предпринимательства многие страны устанавливают пределы разрешенного акционерного участия иностранцев в местных компаниях или же процедуру предварительной *проверки и корректировки* условий инвестирования в специальных правительственных ведомствах. При этом нередко запрещаются операции по поглощению местных фирм иностранными, производится «распаковка» предложений ТНК с целью получения страной необходимой технологии и оборудования без обязательного допуска в нее иностранного капитала, выявляются альтернативные возможности сооружения предприятий «под ключ» с последующей передачей их в собственность страны-заказчика.

В итоге постепенно отходит в прошлое практика основания в развивающихся странах филиалов под полной собственностью и контролем ТНК. Все чаще этим корпорациям не удается сохранить за собой даже преимущественный контроль, т. е. владение более 50% акций.

На смену таким филиалам, идут компании совместного владения и различные формы неакционерных предприятий. Кроме укрепления национального суверенитета развивающихся стран такая эволюция прямо связана с появлением в современном мире альтернативного источника средств и технологии для развития в виде социалистического содружества. По признанию даже такого апологета ТНК, как Р. Вернон, это «подорвало монопольные позиции отдельных корпораций и ослабило их позиции за столом переговоров» [323, с. 194], тем более что молодые государства прямо используют в этих переговорах опыт равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с социалистическими странами.

Кроме того, обострение сырьевого и энергетического кризиса резко усилило межимпериалистическую конкуренцию за доступ к сырью. «Недостаточное предложение сменило недостаточный спрос и стало доминирующим фактором в мировой экономике впервые за последние 50 лет, — пишет американский экономист С. Бергстен. — Позиции поставщиков и потребителей, таким образом, изменились драматически» [303, с. 209]. В итоге наряду с прежними «гигантами» бизнеса на рынок вышла целая новая плеяда корпораций-аутсайдеров (в том числе нефтяных), да и сами эти «гиганты» вынуждены были все чаще выбирать между полной потерей доступа к сырью и изменением своей прежней концессионной практики. В частности, именно конкуренция аутсайдеров вытеснила «семь сестер» из разработки нефти в Ливии, а в Замбии правительство добилось перестройки медной промышленности в национальных интересах, используя разногласия между «Англо-Америкен корп.» и «Родезиан Селекшн траст» [340, 1977, № 3, с. 471—496].

Форма компании совместного владения, в которой партнеры делят акционерный контроль, строго говоря, не является новой и достаточно хорошо известна в мировой практике. Однако раньше она гораздо чаще использовалась ТНК при экспорте капитала в развитые, а не в развивающиеся государства. Кроме того, иностранный капитал ныне все чаще идет здесь на владение уже не преобладающей долей, а даже меньшинством акций и вынужден соглашаться на партнерство в этих компаниях уже не только с местными частными предпринимателями, но и с государственным сектором, который он ранее сознательно и изоциренно третировал. В 1971—1975 гг. 180 американских ТНК имели меньшинство акций в 28,1% их зарубежных филиалов против 11,2% в 1950 г., а 155 западноевропейских и 76 прочих ТНК — 42,1% против 9,8% и 74,2% против 16,4% соответственно [81, с. 229]. Особенно широко на такое партнерство идут аутсайдеры, ранее не имевшие доступа к производству сырья, и корпорации обрабатывающей промыш-

ленности. Что же касается государства, то оно получало положение партнера в таких компаниях, как правило, после пересмотра старых, неравноправных договоров, сохранившихся еще от эпохи колониализма.

Массовый пересмотр таких договоров, решительный отход от прежних концессионных форм операций начался еще на рубеже 60—70-х годов и захватил прежде всего добывающую и плантационную промышленность. Только с 1968 по 1976 г. в этих отраслях было пересмотрено свыше 40 прежних договоров [81, с. 315—317] между ТНК и молодыми государствами, причем основным направлением такого пересмотра было превращение государства в развивающихся странах из чисто юридического в непосредственно хозяйственного партнера корпораций, не только владеющего правом на долю в конечных прибылях, но и участвующего в оперативном контроле над деятельностью соответствующих предприятий. Так, ганский филиал англо-американской «Бритиш алюминииум», ранее являвшийся полной собственностью этой корпорации, был преобразован в общество совместного владения с передачей 55% акций в руки правительства Ганы. В Габоне 60% акций железорудного филиала «Сомифер», ранее целиком принадлежавшего американскому и французскому капиталу, перешло в руки правительства [100, с. 16, 17]. Экономически это позволяет национальным правительствам контролировать ход образования ренты и получать ее твердо оговоренную и проверяемую часть. Различные компании совместного владения типичны ныне и для вновь создаваемых предприятий обрабатывающей промышленности и финансовой сферы, где то же самое происходит соответственно с промышленной прибылью, процентом и премией.

Более того, в практику все более внедряются и такие формы соглашений, которые исключают прямой акционерный контроль ТНК над деятельностью соответствующих предприятий, т. е., строго говоря, уже не подпадают под категорию иностранных инвестиций. Это чаще всего подрядные соглашения с последующим разделом продукции, условные подрядные соглашения, управленческие контракты и, наконец, соглашения о маркетинге и франшизе. Одновременно в обрабатывающих отраслях получили распространение соглашения о промышленном сотрудничестве, а в сфере обмена технологией увеличилось число лицензионных соглашений.

По договору подряда иностранная корпорация и местное правительство ассигнуют какие-то суммы на освоение и эксплуатацию природных ресурсов, которые юридически остаются в собственности развивающейся страны, а затем делят полученную продукцию в оговоренной пропорции. При этом правило раздела может действовать либо вплоть до окупаемости ассигнований, выделенных корпорацией, либо и после срока этой окупаемости, в том числе в виде твердых гарантий поставок или резервирования за иностранным партнером права на преимущественное (льготное) приобретение этой продукции. В ряде отраслей добывающей промышленности, в первую очередь нефтяной, ввиду высокого риска и капи-

талоемкости разведки и освоения месторождений такой подряд делается условным, а именно корпорация может претендовать на возмещение ее первоначальных ассигнований и контрактацию за ней доли последующего производства лишь в том случае, если обнаруженное месторождение имеет промышленные (рентабельные к извлечению) запасы, объем которых превышает определенный оговоренный минимум. По управленческому контракту корпорация обычно берет на себя управление (консультирование) каким-либо предприятием (остающимся в собственности данной развивающейся страны) в обмен на получение согласованного процента от его оборота (прибыли). Соглашение о совместном маркетинге предусматривает обычно сбыт продукции развивающейся страны через сбытовую сеть корпорации в обмен на комиссионные или скидки с отпускных цен. Наконец, соглашения о франшизе разрешают предприятиям развивающихся стран сбыт продукции (услуг) иностранной корпорации под ее товарным знаком (знаком обслуживания) и в пределах оговоренных рынков.

В конкретной действительности все эти типы соглашений нередко переплетаются или же декретируются национальным регулирующим законодательством (налоговым, валютным), дополнительно защищающим интересы местных предпринимателей и государства. Например, стандартное подрядное соглашение индонезийской государственной нефтяной компании «Пертамина» предусматривает возмещение расходов партнера по проекту поставками ему сырой нефти в размере 40% ее совместного производства, причем право собственности на месторождение и все его оборудование остается за индонезийской стороной. Кроме того, партнер оказывает помощь в управлении предприятием и имеет право на преимущественную закупку 35% от доли нефти, принадлежащей по договору «Пертамина».

По соглашению между французской «Эрап» и Иранской национальной нефтяной компанией первая принимала на себя весь риск геологоразведки и могла претендовать на компенсацию ее расходов поставками сырой нефти по льготным ценам лишь в случае обнаружения месторождений оговоренной величины. Аналогичная модель применяется при выдаче подрядов на нефтеразведку в Перу, Панаме, Гватемале, Боливии, Бразилии и Уругвае, причем партнер получает в возмещение своих расходов 35—40% текущей добычи. Примером управленческого контракта может служить соглашение между государственной компанией «Диминко» (Сьерра-Леоне) и «Сьерра-Леоне Селекшн траст» на помощь в управлении алмазными промыслами. Партнерами развивающихся государств в соглашениях подобного рода сплошь и рядом являются бывшие корпорации-концессионеры, в чьей сбытовой сети, технологии и опыте продолжают нуждаться национализированные предприятия. Соглашения о франшизе активно используются в сфере услуг, например гостиничном бизнесе, где они предусматривают обеспечение в отелях, в обмен на пользование популярным знаком обслуживания («Хилтон», «Интерконтиненталь», «Рама-

да» и пр.), определенного уровня обслуживания, а также включение их в международную сеть бронирования этих корпораций. Франшиза распространена также при сбыте потребительских товаров, импортируемых местными агентами или же производимых национализированными предприятиями, работающими на импорт-замещение. Наконец, лицензионные соглашения с местными независимыми фирмами или государственными организациями являются альтернативой прежней передачи технологии почти исключительно в адрес местных филиалов ТНК.

Нетрудно видеть, что в соглашениях такого рода иностранный партнер и национальная сторона по сравнению с прошлым как бы меняются ролями, а именно владельцем всей совокупности ресурсов и ренты (прибыли) становится национальная сторона, тогда как иностранная корпорация получает лишь их оговоренный процент.

Разумеется, в зависимости от уровня развития и хозяйственной политики тех или иных развивающихся стран и конкретного положения на мировых рынках отдельных товаров темп распространения этих новых контрактных форм значительно отличается по странам и секторам хозяйства. В частности, наименее развитые среди развивающихся стран до сих пор вынуждены соглашаться на прямые вложения иностранного капитала (или даже предпочитают их), хотя и обусловленные обязательствами определенного вклада в их развитие со стороны ТНК. Во многом это предопределяется тем фактом, что иностранные частные капиталовложения вообще обходят их стороной. Страны среднего уровня развития обычно предпочитают компании совместного владения и управленческие контракты. Наконец, наиболее развитые среди развивающихся стран (за исключением тех, которые по политическим соображениям практикуют привлечение иностранного частного капитала) отдают предпочтение деинвестированию, подрядом в добывающей и «дезинтегрирующему» подходу в обрабатывающей промышленности, т. е. выбору только тех элементов из сводных предложений ТНК, в которых они испытывают особую нужду (технология, франшиза, экспортный маркетинг и т. д.) (см. [103, с. 13—15]). В свою очередь, страны социалистической ориентации широко используют строительство объектов «под ключ» с переходом в их полную собственность и управление и развернутое внутреннее регулирующее законодательство.

Это последнее выступает в руках развивающихся стран и как самостоятельный переговорный инструмент, позволяющий добиваться лучших условий соглашений или же даже включать в них отдельные стандартные положения, сформулированные в национальных интересах. Это относится прежде всего к таможенному и налоговому законодательству, регулирующему вывоз и ввоз продукции соответствующих предприятий и финансовый режим их деятельности. Например, Иран по упомянутому выше соглашению с «Эрап» на основании своих налоговых законов взимал с отгрузок нефти в ее адрес сбор в 13,5% от уровня справочной цены. Та-

кой же порядок был установлен компанией «Петроперу». Страны Карибского бассейна ввели высокие экспортные налоги на бокситы, глинозем и бананы. Общий уровень налогообложения в пользу местной казны в нефтяной и медной промышленности развивающихся стран возрос с 10—15% в 20-х годах до 50—55% в 50-х и 70% в 60—70-х годах [194, с. 144].

Разумеется, сами по себе все эти новые формы акционерных и контрактных отношений также еще не гарантируют автоматически равноправного участия развивающихся стран в международном разделении труда. ТНК в большинстве случаев насыщают соответствующие юридические документы значительным количеством оговорок, позволяющих им ограничивать деятельность национальных предприятий, манипулировать с балансовой стоимостью активов, с ценами и налогами, а представительство правительств и местного бизнеса в компаниях совместного владения зачастую остается лишь номинальным. В итоге конечные прибыли ТНК и в этих новых условиях, в которых развивающиеся страны вместе с собственностью и контролем берут на себя и значительную часть коммерческого и технического риска функционирующих на их территории предприятий, могут оказываться не меньшими, чем прежде.

Однако при этом нельзя не видеть следующее принципиальное различие в отношениях старого и нового типа между иностранным капиталом и принимающими развивающимися странами: эти последние получают доступ к технико-финансовому потенциалу ТНК, охраняя при этом национальный суверенитет над природными ресурсами и хозяйственной деятельностью. К тому же их доходы больше не ограничиваются концессионными платежами, базировавшимися на прибыли, создававшейся лишь в сфере производства сырья, и исчислявшимися вне прямой связи с нормой и массой этой прибыли. Через фискальные каналы и новые контрактные условия развивающиеся страны, как это было показано выше, могут улавливать ныне уже не только всю или почти всю прибыль, заключенную в экспортной цене их сырья, но и часть дополнительных доходов, создающихся на последующих стадиях его транспортировки и переработки. Что же касается ТНК, то отчисления, получаемые ими в рамках этих новых форм, уже в гораздо большей степени зависят от конкретных показателей работы соответствующих предприятий.

Нет сомнения, что переход ряда командных высот экономики из иностранных в национальные руки существенно изменил хозяйственно-политический климат в молодых государствах, сделал более реальным достижение ими намеченных целей развития, главным образом в области индустриализации и внешней торговли.

Правда, плодами всех этих изменений спешит воспользоваться в первую очередь национальная буржуазия. Однако очевидно, что успехи в деле экономической деколонизации, индустриализации, оттеснения ТНК и контроля над ними связаны прежде всего с деятельностью и укреплением государственного сектора в экономике и внешней торговле. Именно этот сектор является генератором об-

шей экономической динамики, катализатором процесса накопления, рассадником новых производств, координатором приобретения передовой технологии, создателем национальной инфраструктуры для развития внешней торговли и основным участником ключевых программ регионального экономического сотрудничества. «Конфронтация с иностранным капиталом, — пишет, например, алжирский экономист А. Аккаш, — требует мобилизации сил и национальных ресурсов, которую может обеспечить только государство» [180, с. 87]. Конечно, в зависимости от своей социально-политической ориентации государственная машина может действовать как в пользу, так и во вред подлинным общенациональным интересам. Однако совершенно очевидно, что коль скоро та или иная страна избрала курс экономической деколонизации, то «борьба за нее, — как отмечает профессор Ибаданского университета О. Абойяде, — едва ли может быть выиграна без широкого вмешательства государственного сектора во всех областях».

Соответственно экономика развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки предстает в современных мирохозяйственных связях как во многом огосударствленная, регулируемая экономика. Это позволяет им успешнее противостоять как ТНК, так и государственно-монополистическому капитализму бывших метрополий. Равным образом развитие государственной собственности выступает в многоукладной экономике и как объективная предпосылка и база ее коренной социально-структурной перестройки вообще. Другими словами, в целом наперекор трудностям в этой части мира происходят глубокие прогрессивные изменения, а сама экономическая деколонизация предстает как процесс исторической, принципиальной важности.

**МЕТОДЫ, ПРОГРАММЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ БОРЬБЫ
ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАН ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ
И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ**

Внешнеполитический курс большинства освободившихся стран на мировой арене с самого начала во многом характеризовался тем, что центростремительные факторы в их среде, несмотря на все внутренние различия, доминировали над центробежными. Это целиком объясняется общностью их послеколониальных проблем, необходимостью совместного противостояния империалистическим и неоколониальным силам. Соответственно и сам этот курс во многом воплощается в коллективно выработанных программах политических и экономических требований молодых государств и опирается на коллективную дипломатию в борьбе за их осуществление. Сложилась и определенные институциональные рамки такой координации действий и дипломатии в виде движения неприсоединения и тесно связанной с ним в торгово-экономической сфере «группы 77».

Такие формы отстаивания своих интересов в целом оправдали себя, позволили укрепить позиции и влияние развивающихся стран на мировой арене, во многом ограничить возможности для использования против них принципа «разделяй и властвуй». Более того, под эту политику ныне подводится и определенная материальная база в виде развития взаимного сотрудничества развивающихся стран. При современном соотношении сил в мире, в условиях соревнования двух систем это позволило развивающимся странам выдвинуть далеко идущие радикальные программы перестройки международных отношений, навязать империализму диалог по ним.

Вместе с тем именно в сфере коллективной борьбы за свои интересы, в ее «подпочве» ныне особенно ярко проявляются растущая социально-политическая дифференциация развивающихся стран, неустойчивость взаимных отношений, противоречивость и непоследовательность их компромиссных решений. И хотя на эти стороны дела уже указывалось в советской научной литературе, их анализ должен быть, безусловно, углублен и продолжен.

Глава четвертая

ДВИЖЕНИЕ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ

Самостоятельный внешнеполитический курс большинства освободившихся стран на мировой арене со всеми его особенностями наиболее наглядно проявляется в деятельности движения неприсоединения, охватывающего ныне свыше ста участников.

Уходя своими корнями в колониальное прошлое и национально-освободительную борьбу, отражая то особое место, которое развивающиеся страны занимают в мировом капиталистическом хозяйстве, это движение с момента своего зарождения стало способом коллективного политического самовыражения освободившихся стран, инструментом укрепления их международных позиций.

«Мы с уважением относимся к движению неприсоединения, миролюбивая политика которого вносит полезный вклад в международную жизнь», — подчеркивал Ю. В. Андропов [56, с. 20].

Все это дает основания характеризовать движение неприсоединения как прогрессивный фактор современной мировой политики, хотя для него характерны как большое социально-политическое своеобразие, так и в определенной степени противоречивая внутренняя и внешняя эволюция.

Сущность движения, история, эволюция целей

У колыбели политики неприсоединения находились молодые государства, одними из первых добившиеся политической независимости, причем, как правило, в упорной, в ряде случаев вооруженной борьбе с колонизаторами. «Неприсоединение, — отмечал индийский политолог А. Сингхам, — в политическом, экономическом и социальном плане коренится в антиколониальной борьбе, начавшейся после второй мировой войны» [306, с. 15].

Основные концептуальные идеи политики неприсоединения зародились в Южной Азии, что было совершенно закономерно, поскольку, как уже указывалось выше, этот регион в то время и по своему политическому опыту, и по степени остроты борьбы был эпицентром национально-освободительного движения.

Это сразу же придало политике неприсоединения антиколониальную и антиимпериалистическую направленность, объективно сделало его своеобразной формой самостоятельного выступления молодых государств на мировой арене.

Соответственно трактовалась основателями движения и изначальная сущность самого термина «неприсоединение». Будучи инструментом стран, занимавших особое место в капиталистической системе хозяйства, «неприсоединение» означало прежде всего нежелание этих стран ассоциировать себя с обычаями и политикой этой системы, протест против своего неравноправного положения в ней, попыток западных стран втянуть участников движения в

военные блоки. Таким образом, речь с самого начала шла о стремлении освободившихся стран к своеобразному «отсоединению» от империализма, противопоставлению себя его колониальной политике, созданию определенной дистанции между собой и его глобальным антикоммунистическим и антисоветским политическим курсом. О том, что дело обстоит так, а не иначе, свидетельствуют общеполитические цели неприсоединения, которые на первом этапе предусматривали завершение политической деколонизации, а на втором, современном этапе — осуществление экономической деколонизации и на протяжении всей его истории — неприятие войны как средства проведения внешней политики.

Основы политики неприсоединения были заложены на Бандунгской конференции стран Азии и Африки 1955 г. Уже тогда будущим основоположникам и лидерам движения было предельно ясно, что в сложившихся условиях империалистические военные блоки являются, в числе прочего, орудием сохранения господства бывших колонизаторов, что освободившиеся страны смогут пользоваться каким-то влиянием на международной арене только тогда, когда они будут действовать сообща и при единстве главных целей. Соответственно желание покончить с господством бывших метрополий и разобщенностью предполагало противоборство тем силам, которые эти господство и разобщение навязывали. «Возникновение движения неприсоединения на мировой политической арене — отмечал Председатель ВВАС Эфиопии Менгисту Хайле Мариам, — было, в сущности, совместным ответом группы развивающихся стран, расположенных в разных районах мира, на вызов, брошенный их общим устремлениям и целям» [337, 28.07.1979]. Именно поэтому Бандунгская конференция, положившая начало движению, собралась под флагом борьбы против колониализма, за мир, свободу, независимость и равноправие народов.

Конференция проходила по инициативе и при участии таких выдающихся деятелей национально-освободительной борьбы, как Дж. Неру, Гамаль Абдель Насер, Ахмед Сукарно. Она приняла Декларацию о содействии всеобщему миру и сотрудничеству, которая оказала огромное воздействие на дальнейшее развитие национально-освободительного движения. Сформулированные в Декларации принципы, такие, как уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран, невмешательство во внутренние дела других государств, признание равенства всех рас и наций, урегулирование споров мирными средствами, развитие сотрудничества, отказ от оказания давления на другие страны, кодифицировали прогрессивные цели движения, заложили программную основу его дальнейшего оформления на конференции в Белграде в 1961 г.

Конференция в Бандунге знаменовала выход на политическую арену в международных делах свыше половины населения земного шара. Сразу же получив поддержку мирового социализма, принципы Бандунга стали активно проводиться в жизнь во многих странах Азии и Африки, о чем свидетельствуют мемуары ряда ру-

ководителей этих стран (см. [191; 254; 283; 316]). Эти принципы вошли в уставы многих региональных организаций развивающихся стран (например, ОАЕ), они позволяют движению проводить грань между его союзниками и противниками как в общих, так и в конкретных вопросах, что показало, в частности, последняя конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Дели (март 1983 г.).

Что касается организационных форм движения, то они с самого начала отличались значительным своеобразием. Отдавая себе отчет во внутренней неоднородности его участников, создатели движения, акцентируя внимание на первоочередной важности борьбы против общего противника, ршили не вводить в движение каких-либо жестких организационных рамок и не стремиться к его институционализации на базе какой-то особой международной организации. Так, обсудив блоковую политику, I Конференция участников движения неприсоединения в 1961 г. в Белграде провозгласила, что «неприсоединившиеся страны... не хотят создавать новый блок и не могут быть блоком» [58, с. 67]. И хотя логика борьбы за достижение своих целей не раз подводила эти страны к целесообразности создания для движения какой-либо постоянной организационной структуры, какое-то ее подобие было создано лишь в 1973 г. в виде Координационного бюро, формируемого на основе географического представительства. В течение каждого трехлетнего срока между конференциями движения Бюро возглавляет руководитель страны, где проходила последняя конференция, причем он же одновременно считается и председателем движения неприсоединения.

Бюро готовит повестки для совещаний министров иностранных дел стран — участниц движения, на которых обсуждается ход выполнения принятых решений и готовятся материалы для заседаний высшего органа движения — Конференций глав государств и правительств неприсоединившихся стран. В рамках ООН координация тактики стран — участниц движения происходит на уровне их постоянных представителей в ООН, организующих свои регулярные встречи, а во время сессий Генеральной Ассамблеи — на уровне специальных совещаний министров иностранных дел, собравшихся на сессию. Решения на всех уровнях и во всех органах движения принимаются консенсусом, т. е. при отсутствии существенных возражений со стороны участников и без голосования. Такая форма была избрана с целью акцентировки действия этих органов не на внутренних разногласиях, а на общих целях движения, на необходимости его конечного единства. Кроме того, само движение рассматривается его участниками как свободная форма (в отличие от обязательной, блоковой) взаимодействия и координации политики заинтересованных стран, хотя на практике, особенно в международных организациях, эти страны связаны довольно прочной моральной дисциплиной в выполнении ранее принятых решений.

Опираясь на эти организационные принципы, которые, несмот-

ря на расширение рядов движения и повышение степени его внутренней неоднородности, продолжают оставаться в нем основополагающими, движение неприсоединения выступает как объективный фактор углубления общего кризиса капитализма. Оно встречает сочувствие и поддержку своим справедливым требованиям и прогрессивным акциям со стороны мирового социализма.

В частности, в политической части Декларации VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване в 1979 г. подчеркивалась связь между возникновением молодых государств и развитием политики и движения неприсоединения [69, с. 10]. В движении участвуют ныне освободившиеся страны, входящие в социалистическое содружество (Вьетнам, Куба, Лаос) и избравшие путь социалистической ориентации (в том числе НДРГ, Эфиопия и другие), которые прямо заявляют о совместимости специфических целей неприсоединения с их политическим курсом. И наоборот, вне рядов движения по воле его участников остаются марионеточные, реакционные, проимпериалистические режимы.

Вместе с тем при наличии и сохранении исходной концептуальной базы движение неприсоединения на протяжении своей истории испытало определенную эволюцию как по своим масштабам, так и по текущим целям.

В масштабах это нашло свое выражение в росте количественного состава его участников с 25 на I Конференции в Белграде в 1961 г. до 101 на VII Конференции в Дели в 1983 г.¹ В этом, безусловно, сказались сохранение угрозы империализма для молодых государств и рост авторитета самого движения. Однако это пополнение было качественно неоднозначным. Если многие государства в ряды движения привела логика их активной антиимпериалистической борьбы, необходимость защиты прогрессивных внутренних преобразований (Ангола, Алжир, Гайана, Мозамбик, Зимбабве, Никарагуа, Ямайка и др.), то ряд африканских стран вошел в движение как бы автоматически, вслед за получением ими независимости, а большинство стран Латинской Америки примкнуло к нему в той или иной форме лишь недавно и руководствуясь прежде всего целями борьбы за новый международный экономический порядок.

Подобное расширение круга участников во многом связано и с эволюцией трактовки первоначально принятых строгих критериев членства в движении. В 1961 г. ими были: независимость в политике, основанной на принципах мирного сосуществования и неприсоединения или сочувственное отношение к этим принципам; поддержка национально-освободительного движения; неучастие в любых коллективных военных союзах, которые могли бы втянуть данную страну в конфликт между великими державами, и двусторонние военные союзы с ними; непредоставление иностранным державам военных баз на своей территории.

Однако на рабочем уровне эти принципы с самого начала стали предметом различной, зачастую взаимоисключающей интерпре-

тации. Так, большинство афро-азиатских государств придерживались мнения, что движение неприсоединения должно быть ограничено только бывшими колониальными странами, т. е. охватывать в основном Азию и Африку. Со своей стороны, Югославия, а затем и латиноамериканские страны настаивали на возможности подключения к движению государств, расположенных в любых других частях мира. Имело место и достаточно мощное внешнее давление на движение со стороны стран, первоначально оставшихся за его пределами (Пакистан, некоторые государства Латинской Америки), которые требовали «либерализации» этих критериев в интересах «большей представительности» неприсоединения, в том числе в ООН. Наконец, выдвигалось предложение о том, что ввиду добровольного характера движения и отсутствия жесткой организационной структуры неприсоединившимися государствами на практике должны считаться страны, которые принимают участие в работе тех или иных форумов этого движения.

Разумеется, это делает движение более разнородным. При росте в его рядах последовательно антиимпериалистического авангарда количественно растет и его умеренное, реформистское крыло, в чем и заложены причины его нынешних внутренних трудностей.

Географическое расширение движения совпало и со сменой поколения его лидеров. На смену руководителям, лично прошедшим суровую школу антиколониальной борьбы, пришли люди, сформировавшиеся как политические деятели уже в послеколониальный период. Разумеется, большинство из них обеспечивают преемственность идей и ценностей движения. В их числе следует особо отметить прежде всего премьер-министра Индии Индиру Ганди. Однако подчас в движении на роль лидеров, пусть региональных, начинают претендовать и люди, которым свойственны соглашательские тенденции, скорее подсознательная, чем принципиальная, мотивировка линии своего поведения, что осложняет разработку общей линии действия движения, особенно выбор четкой, обоснованной позиции в сложных политических ситуациях. «Лично я думаю, — говорила в этой связи И. Ганди, — что движение слишком разрослось и в него вошли люди, которые не стоят на позициях неприсоединения так твердо, как это должно быть» [368, 7.12.1980].

Сменились на протяжении последних двадцати лет и общие внешние условия движения, диктующие выбор его главных текущих целей. Если на первом этапе такой целью было быстрейшее завершение политической деколонизации, в чем движение, в сотрудничестве с мировым социализмом, вполне преуспело, то после завоевания политической независимости на первый план перед освободившимися странами все более выступала задача деколонизации экономической. Впервые войдя как самостоятельная проблема в материалы III Конференции в Лусаке в 1970 г., эта задача позднее стала для движения в определенной степени основной, особенно после присоединения к движению ряда стран Латинской Америки. Уже с 1964 г. в рамках ООН начала действовать как коор-

динационно-тактический механизм дипломатии развивающихся стран «группа 77»², а в 1974 г. страны, входящие в группу, выдвинули Программу установления нового международного экономического порядка (НМЭП), осуществлению целей которого ныне в существенной степени подчинена и деятельность самого движения.

Поскольку костяк движения неприсоединения и «группы 77» практически составляют одни и те же страны, грани между этими двумя объединениями в сфере борьбы за перестройку международных экономических отношений все более стираются и «экономизация» тематики работы основных форумов движения корреспондирует с политизацией международных торговых переговоров. Специальному разбору НМЭП и борьбы развивающихся стран за его осуществление, в том числе при посредстве «группы 77», будет посвящена следующая глава, здесь же отметим лишь, что растущее значение экономической тематики также оказало на движение противоречивое воздействие: с одной стороны, расширился круг общих интересов и, следовательно, база этого движения, а с другой — увеличился и потенциал внутренних противоречий между участниками, особенно по конкретным вопросам, а в сами формы борьбы началось проникновение практики торговых переговоров, девизом которых в конечном счете является деполитизированный компромисс. В связи с этим нередко можно услышать голоса о якобы снижении политического накала самого движения, «приурочении» западными странами части его участников в рамках «диалога Север — Юг».

Однако говорить о какой-то деполитизации движения было бы, разумеется, неверно. Во-первых, как уже указывалось, происходит политизация самих проблем перестройки международных экономических отношений, которые ставятся прежде всего в контексте слома неравноправного механизма этих отношений в рамках капиталистической системы хозяйства. Во-вторых, движение уже доказало свою решительность и стойкость в таких острополитических проблемах, как справедливое урегулирование ближневосточного конфликта, окончательное уничтожение колониализма, расизма, апартеида. Значительное место в его деятельности занимает и урегулирование конфликтов между самими развивающимися странами. Наконец, в-третьих, налицо заметный рост политического интереса движения к глобальным проблемам современности, включая и ключевую из них — проблему предотвращения мировой войны.

Это находит свое проявление в современном определении целей неприсоединения как стремления к международному миру и мирному сосуществованию, укреплению роли неприсоединившихся стран в ООН, с тем чтобы последняя стала более эффективным препятствием на пути любых форм агрессивных действий и угроз силой или применения ее против свободы, независимости, суверенитета и территориальной целостности любой страны; стремления к борьбе против колониализма и расизма, к решению споров мирными средствами; к прекращению гонки вооружений, противодей-

ствию военным союзам и созданию иностранных военных баз на территории других государств. Совместные документы развивающихся стран отражают тревогу по поводу роста агрессивности империализма, международной напряженности, усиления военной опасности на рубеже 80-х годов.

Такой характер движения вынуждены признавать и буржуазные исследователи (см., например, [311, с. 31; 239, с. 8; 285, с. 3]), хотя вклад развивающихся стран в борьбу за мир, значительный уже сейчас, несомненно, мог бы быть большим.

Таким образом, движение неприсоединения как форма политического самовыражения развивающихся стран постепенно эволюционирует в сторону расширения круга своих интересов, причастности ко все большему числу международных проблем.

Позиции движения неприсоединения по основным международным проблемам

При всей широте современных политических интересов движения в целом и его отдельных участников его внимание ныне сосредоточено на следующих пяти основных сферах (проблемах): проблемы мира и международной безопасности, перестройка международных экономических отношений; урегулирование конфликтов между развивающимися странами — участницами движения; окончательное искоренение колониализма и расизма; демократизация международных отношений в целом. Причем все эти проблемы все чаще рассматриваются в тесной взаимной связи друг с другом.

В свете современной международной обстановки особый интерес представляет позиция движения неприсоединения по вопросам войны и мира. Официально движение выступает в поддержку принципов мирного сосуществования, за углубление процесса разрядки и предотвращение мировой войны. Четкая линия в этом вопросе была намечена уже в документах I Конференции движения в Белграде, где подчеркивалось, что «в настоящее время никакое государство, никакое правительство не может сложить с себя ответственность за мир во всем мире». Декларация 1961 г. прямо указывала и на источник опасности делу мира, отмечая, что «прочный мир может быть обеспечен только в том случае, если... колониализм, империализм и неоколониализм во всех их проявлениях будут уничтожены» [58, с. 53]. Следовательно, неразрывная внутренняя связь между борьбой за мир и борьбой против империалистической политики была зафиксирована как один из основополагающих принципов движения. Впоследствии это положение не раз находило свое отражение в других коллективных документах движения.

VII Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран обратилась с призывом немедленно приостановить сползание человечества к ядерному конфликту и принять дейст-

венные меры по предотвращению ядерной войны. Было подчеркнуто, что в настоящее время возникла угроза выживанию человечества, а вопрос о разоружении, особенно ядерном, становится коренным вопросом этого выживания [116, с. 9—10].

Движение неприсоединения внесло свой значительный вклад в созыв и работу специальных сессий Генеральной Ассамблеи по разоружению. В мае 1979 г. группа неприсоединившихся стран представила в ООН документ о «всеобъемлющей программе разоружения», в котором подчеркивалась необходимость такого разоружения под эффективным международным контролем, создания условий для справедливого и прочного мира и безопасности, а также тесная взаимосвязь между разоружением и установлением нового международного экономического порядка.

Такой курс еще раз был подтвержден в ходе работы VI Конференции движения в Гаване в августе 1979 г. В декларации конференции было указано, что принципы мирного сосуществования должны стать краеугольным камнем международных отношений. Участники конференции приветствовали усилия европейских стран, предпринимаемые в деле укрепления и расширения межгосударственных отношений и сотрудничества на основе Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Вместе с тем внутри движения неприсоединения отношение к проблемам войны и мира как таковым, и особенно в контексте общих целей неприсоединения, имеет существенные нюансы. Так, ряд развивающихся стран, не являвшихся ареной военных действий или расположенных в удаленных, изолированных районах мира, склонны недооценивать глобальный характер проблемы предотвращения войны и считают ее «делом одних великих держав», исходя из предположения, что их территория даже в случае ядерного конфликта между этими последними не попадет в зону прямого поражения. Соответственно они в своей политике внутри движения ограничиваются лишь пассивной моральной поддержкой акций в пользу мира, считая, что движение в целом может иметь иные приоритеты и заниматься главным образом содействием развитию.

В сходном контексте склонны видеть проблему войны и мира и некоторые другие страны — участницы движения, которые признают серьезность опасности войны, однако считают, что сохранение «слаборазвитости» массива молодых государств в перспективе способно вызвать не менее опасный конфликт, чем гонка вооружений. На этом основании они выдвигают концепцию «сначала развитие, потом разрядка» (см., например, [288, с. 225]), фиксируя этим своеобразную «очередность» проблем движения. Такая точка зрения получает поддержку и среди ряда либеральных политологов на Западе.

Наконец, ряд стран, особенно наименее развитых или обремененных большой внешней задолженностью, подчас склонны видеть в разрядке и разоружении прежде всего их экономические выгоды для развивающегося мира, а именно предпосылку для со-

кращения военных бюджетов развитых стран и передачи части сэкономленных средств на цели развития. Соответственно стремление к борьбе против опасности войны и принятию комплексных мер по разоружению в определенной степени подменяется этими странами сравнением военных бюджетов и подсчетами возможного объема дополнительной помощи развитию в результате их сокращения, а то и попытками балансирования или даже маневрирования между странами двух систем с целью максимизации объема получаемой помощи.

Подобные умонастроения, имеющие место в определенных кругах движения, объясняются их недостаточным политическим опытом, а подчас и просто желанием иметь свою «особую» точку зрения. Однако совершенно очевидно, что перечисленные концепции в области такой ключевой проблемы, как вопросы войны и мира, являются неоправданно суженными, сковывающими инициативу и деятельность движения в этой важнейшей области и в конечном счете могущими принести лишь вред его участникам. Так, несомненно, например, что надежды остаться в стороне от воздействия глобального ядерного конфликта при объеме накопленных арсеналов этого оружия и его разрушительной силе являются иллюзорными. По своим последствиям для экосферы планеты он окажется катастрофичным даже для самых отдаленных территорий, не являющихся целями непосредственного ядерного поражения. К тому же угроза войны отнюдь не ограничивается сферой отношений между великими державами. Сами эти державы могут оказаться вовлеченными в периферийный конфликт, а главное, с растущей милитаризацией самого массива развивающихся стран угроза войны усиливается и в собственно его границах.

Таким образом, совершенно ясно, что вопреки рассмотренным выше концепциям развивающиеся страны глубоко и непосредственно заинтересованы в сохранении и упрочении мира, разрядке и разоружении. Претворение в жизнь этих положений облегчит для молодых государств борьбу за экономическую деколонизацию, укрепление политической и хозяйственной независимости, предотвратит возможные рецидивы «дипломатии канонеров».

Наконец, еще одним, и убедительным доказательством необходимости распространения разрядки и разоружения на все континенты служит то обстоятельство, что движение неприсоединения в последние годы чаще сталкивается с необходимостью предотвращать и урегулировать конфликты, в том числе вооруженные, между самими странами — участницами движения.

«Каждый из этих конфликтов, — писал югославский журнал „Международная политика“, — отрицательно сказывался на единстве и солидарности развивающихся стран и на действенной способности движения неприсоединения в борьбе за новые международные политические и экономические отношения во всем мире» [155, с. 8—9]. Положение усугубляется тем, что движение не располагает эффективным механизмом для урегулирования конфликтных ситуаций и потому его усилия в этой области, хотя временами

и энергичные, пока недостаточно успешны. Дополнительным фактором, сковывающим усилия неприсоединившихся стран в этой области, является опасение, что попытка определить в конфликте правую сторону подчас чревата угрозой раскола движения на противостоящие группы, симпатизирующие той или иной стороне и даже оказывающие ей разного рода поддержку. Поэтому усилия движения часто направлены на прекращение конфликтов как таковых, без вскрытия их глубинных корней и движущих сил, что, естественно, не способствует их подлинному и окончательному урегулированию.

Так, движение не смогло занять определенной позиции в отношении самоопределения Западной Сахары и статуса фронта ПОЛИСАРИО. Еще более ярко выявилась сложность урегулирования конфликтных ситуаций путем посредничества в отношении прекращения войны между Ираком и Ираном.

Что касается окончательного искоренения колониализма и расизма, то после получения независимости рядом стран Карибского бассейна и Тихого океана и победы народа Зимбабве усилия движения концентрируются ныне на борьбе за самоопределение борющихся народов юга Африки и сломе позорной машины апартеида. Продолжая антиколониальную политическую линию, сформулированную при возникновении движения, неприсоединившиеся страны вновь подтвердили свою солидарность с освободительными движениями на конференциях в Коломбо (1976 г.), Гаване (1979 г.) и Дели (1983 г.).

Конкретно эта солидарность выражается в организации политической изоляции южноафриканского режима на международной арене и в рамках ООН, использовании ООН для международных акций против апартеида и за независимость Намибии. Страны-участницы оказывают моральную и материальную поддержку национально-освободительным движениям, в том числе СВАПО, «прифронтовым» государствам юга Африки, непосредственно граничащим с этим последним бастионом колониализма. Так, движение неприсоединения потребовало в ООН, при поддержке социалистических государств, применения экономических санкций против режима ЮАР в случае отказа от быстрее предоставления права на самоопределение Намибии. Его позиция побудила правительства ряда западных стран официально декларировать отказ от поставок оружия Претории, а также принять «кодексы поведения» для своих ТНК в ЮАР, предостерегающие их от непосредственного участия в апартеиде и дискриминации коренного населения. Одновременно движение предупредило ТНК об их ответственности за сотрудничество с ЮАР и колониальную эксплуатацию Намибии, требуя, чтобы они, и прежде всего нефтяные ТНК, соблюдали бойкот на поставки топлива в ЮАР (так, активы «Бритиш петролеум», неоднократно нарушавшей этот бойкот, были даже национализированы в Нигерии). Усилиями неприсоединившихся и социалистических стран ЮАР была исключена из Олимпийского движения. Представители СВАПО были допущены на

трибуну ООН. Нет сомнения, что такая последовательная политика усложняет положение режима апартеида в ЮАР и способствует окончательному искоренению колониализма на планете.

Движение выступило против агрессивной политики Израиля. Участники движения требуют вывода израильских войск с оккупированных ими территорий, признания законных прав народа Палестины, осуждают сепаратную кэмп-дэвидскую сделку и агрессию Израиля против Ливана. Вместе с тем единство движения на этом участке является не столь монолитным, как по вопросу о юге Африки, и за официально декларируемой позицией скрываются определенные внутренние расхождения. В частности, ряд африканских стран не занимают последовательной позиции в отношении ближневосточного урегулирования, а некоторые латиноамериканские страны склонны не ужесточать свою позицию в отношении Израиля.

Наконец, что касается демократизации международных отношений, то движение стремится к обеспечению для освободившихся стран равноправного участия в выработке и осуществлении всех важнейших международных решений, в перестройке в этом направлении деятельности международных организаций. Одновременно предпринимаются усилия и по изменению ряда концептуальных основ международного права с целью учета особых интересов развивающихся государств.

Очевидно, что в современном мире успех на всех перечисленных пяти направлениях деятельности движения зависит в конечном счете от последовательного соблюдения движением своих исходных, основополагающих принципов, от степени его сотрудничества со всеми прогрессивными силами, в первую очередь с мировым социализмом. Это подтверждается всем опытом движения, однако уже отмеченная социально-политическая неоднородность создает внутри его свои специфические проблемы.

Расстановка сил и внутренние проблемы движения

Провозглашение неприсоединившимися странами общих принципов их политики отнюдь не означает, что на практике эти принципы в любом случае применяются одинаково и последовательно. Движение неприсоединения — сложное, противоречивое явление международной жизни, которому свойствен в силу объективных законов исторического развития свой внутренний процесс социально-экономической и политической дифференциации.

В общих чертах он отражает ту политическую дифференциацию, которая поляризует ныне весь массив развивающихся стран. Многочисленную группу здесь составляют страны, развивающиеся по капиталистическому пути. Правительства многих из них также стремятся к осуществлению определенных антиимпериалистических мероприятий или оказывают им поддержку. Вместе с тем, будучи в различной форме связаны с западными державами, они как

объективно, так и сознательно ослабляют общую антиимпериалистическую направленность движения, проводят в нем соглашательскую линию, рассматривают коллективные интересы развивающихся стран как противостоящие всему без исключения «богатому Северу», независимо от его очевидного разделения на две противоположные социально-экономические системы.

Конечно, для многих стран этой группы характерны стремление не связывать себя односторонними, неравноправными обязательствами с Западом, курс на развитие торговли и взаимовыгодного экономического сотрудничества с СССР и другими социалистическими государствами. Вместе с тем именно они сплошь и рядом пытаются балансировать и даже маневрировать на мировой арене между социалистическим содружеством и империалистическими державами, а в сложных, критических ситуациях влияние Запада на их внешнеполитический курс нередко перевешивает региональные и даже национальные интересы.

Это особенно ярко проявляется в их отношении к локальным конфликтам между прогрессивными и реакционными силами, в которых они видят угрозу своим собственным буржуазно-консервативным или патерналистским режимам. Типичными примерами в этом отношении являются прозападные позиции ряда стран Африки по таким вопросам, как борьба правительства МПЛА против сепаратистских группировок в Анголе в первые годы независимости, восстание в Шабе в 1977—1978 гг., реакция части движения на изгнание клики Пол Пота и Йенг Сари из Кампучии в 1979 г. и помощь Советского Союза правительству Афганистана в 1980 г., когда линия значительной части рассматриваемых стран при всем разнообразии индивидуальных мотивов объективно смыкалась с курсом западных держав. Наиболее активными и влиятельными государствами в этом отношении являются Индонезия, Малайзия, Сингапур, Египет, Саудовская Аравия, Кения, Тунис, Заир, Марокко, Камерун и ряд стран Латинской Америки.

Для большинства стран — участниц движения расплывчатость их политической ориентации прямо вытекает из переходного периода их социального развития. Нередко они проявляют интерес только к специфическим или даже локальным проблемам, стоящим перед движением, стремятся уйти от «большой политики» и глобальных проблем в их универсальной постановке, следовать в конкретных решениях за региональными лидерами или складывающимся большинством. Эта группа наиболее сильно подвержена внешним влияниям, особенно по вопросам, не имеющим прямого отношения к их непосредственным интересам.

В эту группу входят многие государства Тропической Африки, малые страны Азии и ряд островных государств Карибского бассейна и Тихого океана. Очевидно, именно среди этих стран находится ныне эпицентр социально-политического размежевания и отсюда регулярно идет пополнение как первой, пробуржуазной группы движения, так и противостоящей ей группы стран социалистической ориентации.

Внешняя политика этой последней в рамках движения носит последовательный и четко выраженный антиимпериалистический характер. Лидирующее место среди них занимают государства, где идет складывание народно-демократических режимов, формируются авангардные партии, провозглашающие своей идеологией идеи научного социализма. Это прежде всего Народно-демократическая республика Йемен, Эфиопия. Политически близки к этим странам Народная Республика Конго, Бенин, Мадагаскар, часто совместно с ним выступают также Никарагуа, Гайана, Алжир, хотя последний претендует на самостоятельную и лидирующую роль во всем движении, особенно по вопросам НМЭП.

Для курса этой группы характерны решительная борьба против остатков колониализма, все большее осознание роли принципов интернационализма в политике и подчеркивание необходимости стратегического союза движения неприсоединения с СССР и другими социалистическими государствами. Вместе с тем даже страны, провозгласившие социалистическую ориентацию, не всегда занимают в движении общую или сходную позицию по всем основным внешнеполитическим проблемам.

Одной из характерных особенностей неприсоединения как широкого международного движения, находящегося в процессе своей социально-политической эволюции, является участие в нем пяти социалистических государств — Кубы, КНДР, ЛНДР, СРВ и СФРЮ, роль которых в рамках этого движения заслуживает специального рассмотрения.

В первую очередь необходимо остановиться на политике Республики Куба, являющейся одной из стран — основателей движения на Белградской конференции 1961 г.

Для этой страны, которая входит в мировое социалистическое содружество, в то же время характерны исторические и социально-экономические проблемы, обуславливающие существенную общность ее интересов с развивающимися странами. Эта общность подкрепляется также ее географическим положением и этническими связями ее населения с Африкой и Карибским бассейном. Куба проводит в этом движении последовательно антиимпериалистический, интернационалистский курс, оказывающий существенное влияние на всю его коллективную внешнюю политику. «Мы, — подчеркивал Фидель Кастро, определяя позицию своей страны в движении неприсоединения, — всегда считали и считаем, что движение неприсоединившихся стран не должно быть аморфным, оппортунистическим, непрочным, оно должно быть антиимпериалистической, антиколониальной, прогрессивной силой, способной положительно влиять на мировую политику. В этом духе оно было создано и не может быть принято в другой форме» (цит. по [336, 1979, № 31, с. 7]; см. также [130, с. 157—182]).

Последовательность и принципиальность этой позиции, значительный вклад Кубы в определение принципов и конкретной политики движения признаются в нем всеми странами, независимо от их политической ориентации, повышают ее престиж в развиваю-

щемся мире, что не может не признавать даже буржуазная печать [198, с. 25].

Признанием заслуг этой страны перед движением является практика частого назначения представителей Кубы на посты спикеров движения и «группы 77» на различных международных конференциях, в том числе ЮНКТАД-V в Маниле. В 1979 г. Куба была организатором очередной, VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран и соответственно лидером движения на очередное трехлетие.

Вместе с тем Куба подвергается регулярным атакам со стороны консервативной и оппортунистической части движения. Кубу обвиняют в радикализации движения неприсоединения, «подчинении» его политике социалистических стран. Поводом для этого были решительная поддержка Кубой ангольской революции в 1975 г., интернационалистская помощь Эфиопии в ее борьбе против сомалийской агрессии. Ряд буржуазно-консервативных режимов оспаривают кубинский тезис о том, «что социалистические страны являются естественными союзниками неприсоединившихся государств» [244, с. 329], а накануне конференции в Гаване некоторые неприсоединившиеся страны Африки утверждали даже, что участие Кубы в этом движении «неправомерно».

Опираясь на свой опыт долголетней борьбы против колонизаторов, империалистических происков и агрессии, значительный вклад в деятельность движения вносят СРВ, ЛНДР и КНДР, причем особое место в нем занимает Социалистическая Республика Вьетнам, которая сумела отразить агрессию как французского, так и американского империализма. Это, несомненно, повышает авторитет Вьетнама среди развивающихся стран, однако, как и в случае с Кубой, внутри движения есть и враждебные ему силы, использующие как предлог для нападок на Вьетнам интернационалистскую помощь, оказанную им народу Кампучии в избавлении от клики Пол Пота и Йенг Сари.

Специфическим случаем участия в движении является членство в нем Югославии, которая в лице президента Йосипа Броз Тито стояла у его истоков и в дальнейшем играла в нем активную роль, причем в этой стране сложилась даже своеобразная школа политологов, занимающаяся теоретической разработкой проблем неприсоединения. Народы Югославии также прошли долгий путь борьбы с различными видами колонизаторов и агрессоров — от оттоманских поработителей до германо-итальянского фашизма — и одержали в ней победу, создав многонациональное федеративное государство. Это в определенной степени роднит Югославию с освободившимися странами, как, вероятно, и тот факт, что в составе ее населения до сих пор имеется значительная мусульманская прослойка, поддерживающая связи с развивающимся исламским миром³.

Югославия разделяет прогрессивные принципы движения, поддерживает активные политические связи с наиболее влиятельными его членами, ведет последовательную борьбу против колони-

лизма и неоколониализма, выступает против империалистических стран.

Вместе с тем на участии Югославии в движении сказался и особый курс, избранный ее руководством в своей внутренней и внешней политике, ее стремление развиваться «вне блоков». Этот курс побудил некоторых югославских политологов увидеть в самой доктрине неприсоединения и в следующих этой доктрине (хотя и по иным конкретным причинам) освободившихся странах благоприятный для себя политический феномен. Они рассчитывали, в частности, на восприятие значительным массивом афро-азиатских государств югославского опыта социально-экономических преобразований и на этой основе — на дальнейшее сближение всех этих стран с Югославией как гарантии проведения указанного выше курса.

Обращает на себя внимание стремление некоторых югославских политологов преувеличивать роль неприсоединения в мировых делах, придать его доктрине глобальный характер, в результате чего вместо специфической и исторически преходящей формы политического взаимодействия группы государств неприсоединение в их работах предстает чуть ли не как магистральный путь общественного развития всего человечества. Так, югославский журнал «Международная политика» писал: «Мы глубоко убеждены в том, что политика неприсоединения со своими долгосрочными историческими целями выражает самые глубокие прогрессивные процессы и стремления современного человечества, являясь не только политикой мира и сосуществования, но и дорогой осуществления общественных изменений, демократизации и гуманизации всего мира» [335, с. 9].

Таким образом, на место исторически обусловленной поляризации мира на две противоположные общественные системы журнал ставит универсализацию промежуточного существования между ними, а победителем в соревновании этих систем оказывается... само неприсоединение, несмотря на отсутствие у него системообразующего формационного стержня. Естественно, что такие концепции не могут быть признаны убедительными и, как это будет показано ниже, способны вносить лишь осложнения в само движение неприсоединения.

Наконец, особое место в движении занимает Индия, которая, выступив в свое время как одна из стран — основателей, на протяжении многих лет, несмотря на все внутривнутриполитические изменения, проводит последовательную политику, направленную на его укрепление и сохранение его основополагающих принципов.

Эта внутренняя неоднородность движения неприсоединения при внешнем, официальном единстве отчетливо сказывается в усложнении взаимоотношений между странами-участницами, появлении в движении фракций, течений и противостоящих концепций, в различном толковании и применении неприсоединившимися странами самого понятия и принципов неприсоединения. Однако при всей пестроте этих различий участники движения в целом консо-

лидируются в два направления: нейтралистское и последовательно антиимпериалистическое.

Основу первого из них составляют страны капиталистической ориентации и значительное число стран, занимающих в этом смысле промежуточное положение. Особенно активны среди них такие страны, как Пакистан, Малайзия, Саудовская Аравия, Индонезия в Азии, Египет, Сенегал, Марокко, Тунис, Заир, Кения, Берег Слоновой Кости, Камерун — в Африке, большая часть латиноамериканских участников движения.

Сторонники «нейтралистской» трактовки неприсоединения ставят во главу угла «внеблоковый» характер своей политики, «равноудаленность» как от империалистических держав, так и от стран социалистического содружества. Это направление питается за счет расширения движения вширь, что, как уже указывалось, ведет к определенному разводнению критериев участия в нем, попыткам ревизии его основополагающих принципов под флагом их «общеприемлемости» и модернизации. В экономических воззрениях оно опирается на эклектическую концепцию «богатый Север — бедный Юг», выступает против дополнения НМЭП прогрессивными внутренними социально-экономическими преобразованиями в странах-участницах. В рамках «группы 77» его позиция во многом совпадает с позицией сторонников конформизма, адвокатов конечных «прагматических» компромиссов с империализмом, прикрытых радикальной риторикой.

Политически это направление исходит из идеи глобального и универсального характера движения неприсоединения, видит пути решения важнейших международных проблем в последовательном увеличении участников движения за счет «размыывания» двух противостоящих блоков. В этом смысле его сторонники не считают необходимым сохранять первоначальный антиимпериалистический и антиколониальный характер движения, ограничивать участие в нем лишь бывшими колониальными и развивающимися странами. По их мнению, к нему вполне могут примкнуть также и нейтральные страны Западной Европы (которые присутствовали на конференциях в Гаване и Дели в качестве гостей), а «группа 77» может быть расширена за счет менее развитых стран европейского Средиземноморья и даже отдельных социалистических стран Европы. Ряд руководителей стран — сторонников этого направления пытаются маневрировать между империализмом и социализмом с целью извлечения из этого определенных выгод, и именно среди них особенно активно работает западная дипломатия.

Объективно их политика ослабляет антиимпериалистический характер движения, их отношение к социалистическому содружеству нередко оставляет развивающиеся страны, по сути дела, один на один с империализмом. Находящаяся у власти в большинстве этих стран национальная буржуазия или же сословно-бюрократическая элита боится революционных преобразований как внутри своих стран, так и среди стран — участников движения вообще.

Однако этому нейтралистскому направлению в движении про-

тивостоят другое, последовательно антиимпериалистическое и стоящее на страже его исходных ценностей и принципов. Его базой в основном является развитие движения вглубь, переход развивающихся стран на путь прогрессивных внутренних преобразований, преемственности борьбы за политическую и экономическую деколонизацию. Его сторонники выступают против неограниченного расширения участия в движении, занимают принципиальные позиции при выработке политики в отношении империалистических стран. Выступая против военных блоков, они вместе с тем четко видят раздел мира на две противоположные социально-экономические системы, понимают необходимость и ценят тесное сотрудничество с миром социализма. Короче говоря, они представляют собой авангард национально-освободительного движения в его современных формах.

Основу этого крыла составляют такие социалистические страны, как, например, Куба, и государства социалистической ориентации, страны, проводящие последовательно антиимпериалистическую внешнюю политику и вставшие на путь прогрессивных внутренних преобразований, государства, подвергающиеся особо сильному империалистическому нажиму, а также часть наименее развитых стран.

Разумеется, подобное деление во многом условно. В зависимости от обстоятельств отдельные развивающиеся страны могут занимать в отношении конкретных проблем и реформистские и радикальные позиции, а внутренняя нестабильность их режимов нередко ведет к миграции отдельных государств из одного крыла в другое. Необходимость соблюдения общегрупповой дисциплины заставляет многие страны идти на компромиссы, лишь частично отражающие их интересы, следовать букве решений даже в изменившихся обстоятельствах. Однако указанные две тенденции и борьба между ними проявляются достаточно четко.

Наглядным примером этого является дискуссия о современном содержании движения неприсоединения, которая приобрела особую остроту в период подготовки и проведения конференций в Гаване и Дели. На этих конференциях присутствовало значительное число делегаций, склонных использовать для определения содержания движения нейтралистский термин «равноудаленность» в значении необходимости соблюдения «равной дистанции от обоих блоков». При этом ряд делегаций отставали этот термин на том основании, что в современных условиях он якобы наиболее четко отражает стремление неприсоединившихся стран к укреплению своей национальной независимости.

Бесспорно, это стремление закономерно и проходит красной нитью через всю деятельность движения и его основные документы. Однако социально-политическая дифференциация в неприсоединении уже зашла достаточно далеко, и потому сам вопрос о выборе подобного определения является уже давно не абстрактно-терминологическим, а конкретно-политическим.

Во-первых, фетишизация «внеблоковой» политики на деле озна-

чает отождествление «блоков» не только с НАТО и Варшавским Договором, но и с противостоящими социально-экономическими системами. В такой трактовке мировой социализм оказывается чуть ли не равным с империализмом источником опасности, в том числе военной, направленной против освободившихся государств, тогда как движение неприсоединения представляется как единственный последовательный сторонник и «подлинный» гарант мира. Так, в Декларации Делийской конференции 1983 г. наряду со зрелыми, обоснованными политическими формулировками была включена ссылка на «продолжающуюся эскалацию военного присутствия великих держав» в Индийском океане без конкретизации того факта, что виновниками милитаризации этого района являются США и их союзники. Разумеется, такой подход уводит от существующего положения вещей, принижает роль социализма в борьбе за мир, ставит его усилия по поддержанию стратегического паритета для сдерживания агрессивных устремлений империализма на одну доску с гонкой вооружений, развязанной империалистическими державами, противопоставляет социализм национально-освободительному движению, разобщает их как союзников в борьбе за мир и против империализма, да, кстати, и сам мир, конечно же, не может быть обеспечен одними лишь политическими декларациями, хотя бы под ними и стояли подписи более чем ста стран.

Во-вторых, ссылки на «равноудаленность» как критерий лояльности неприсоединения открыто используются для нападок «нейтралистов» на его антиимпериалистическое крыло, в первую очередь на социалистические страны и государства социалистической ориентации за их «слишком тесные» связи с социалистическим сотрудничеством. При этом наиболее правоконсервативные круги, например, в Индонезии и Либерии, требуют даже «очищения» движения [335, 22.08, 8.09.1979], преодоления его «уклона в сторону Востока — так называемого социализма» [221, с. 93—94].

Ясно, что подобные нападки направлены на отрыв национально-освободительного движения от мирового социализма, свертывание освободившимися странами контактов с ним, изоляцию революционно-демократических режимов ряда стран — участников движения, захлестывание их капиталистической окружающей средой. Более того, эти нападки используются и для вмешательства во внутренние дела молодых государств прогрессивной ориентации на сложных этапах их политического развития, когда лозунг «равноудаленности» и «дистанцирования» от социализма брали на вооружение правые фракции в освободительных движениях или же национальная буржуазия, ищущая смычки с иностранной, в том числе монополистической, буржуазией бывших метрополий. Такие факты имели место, например, в Иране, Конго, Анголе, НДРГ.

В свою очередь, правоконсервативные круги забывают о «равноудаленности», когда речь заходит о помещении излишков своих нефтедолларов в западные банки, предоставлении странам НАТО военных баз на своих территориях, в результате чего и сам лозунг

«равноудаленности» наполняется в определенной степени антисоциалистическим содержанием.

Наконец, экономическим аспектом этого лозунга является теория о «равной ответственности» всех развитых стран за отсталость развивающегося мира, что ставит эклектическую концепцию «богатый Север — бедный Юг» в ранг чуть ли не официальной внешнеэкономической доктрины неприсоединения, толкает движение на предъявление одинаковых требований как в адрес империалистических держав, так и в адрес социалистических стран.

Не случайно, что если в конце 50-х — начале 60-х годов империализм подвергал резкой критике движение неприсоединения за его отказ присоединиться к антикоммунистическому курсу, то ныне, в русле тактики приспособления, западные политологи и пресса, в том числе правого толка, благосклонно относятся к концепции «равноудаленности», видя в ней возможность увести молодые государства в сторону от антиимпериалистической борьбы, ослабить их политические, экономические и прочие связи с социалистическим содружеством.

Не в последнюю очередь такое отношение продиктовано стремлением империалистических кругов усыпить бдительность движения, превратить «отход от Востока» в сближение с Западом, что создает опасность для самих основ неприсоединения, ибо империализм по-прежнему остается его последовательным врагом. Так, небезызвестный Зб. Бжезинский, как и другие американские стратеги, недвусмысленно ставил перед Вашингтоном задачу изменить движение неприсоединения изнутри с целью придать ему характер, терпимый для американских интересов [366, 25.12.1979].

В этой обстановке «равноудаленность», хотя и того или нет ее приверженцы среди руководителей некоторых неприсоединившихся стран, объективно создает базу для разобщения движения, расширения его связей с империализмом. «Одобрение» США и другими западными державами этой концепции означает стремление выхолостить прогрессивное, антиимпериалистическое содержание неприсоединения, спекулируя на социально-политической разнородности его участников, и в конечном счете подорвать движение изнутри. Об этом свидетельствуют, в частности, всячески раздуваемые на Западе конкретные расхождения между участниками движения, усилившиеся попытки противопоставить неприсоединение в целом социалистическому содружеству.

Однако призывы рассматривать неприсоединение как «равноудаленность» и «абсолютный нейтралитет» между двумя противоположными социально-экономическими системами ныне встречают растущее сопротивление, причем со стороны стран, представляющих довольно широкий политический спектр в движении. Как отмечал в этой связи влиятельный западногерманский журнал «Ойропа Архив», сторонникам «равноудаленности» так и не удалось кодифицировать эту концепцию как один из принципов движения неприсоединения. Более того, «политика равной дистанции по отношению к военным блокам, если ее применять в любой си-

туации, — подчеркивал журнал, — как раз и делает невозможной занятые неприсоединившимися странами независимой и самостоятельной позиции» [277, с. 91].

В целом оказываются несостоятельными и попытки свернуть связи движения с социалистическим содружеством. Именно совместные усилия социалистических и неприсоединившихся стран дают наиболее значимые политические результаты вследствие совпадения и сходства их задач в борьбе за мир и конструктивное решение международных проблем. «Неприсоединение никогда не было и не должно быть политикой равноудаленности по отношению к великим державам или блокам, — отмечал министр иностранных дел Индии Нарасимха Рао. — Дружба с одной или другой великой державой не означает тем самым нарушения неприсоединения, тем более что неприсоединившиеся страны желают дружить и сотрудничать со всеми на основах суверенного равноправия и взаимовыгоды» [158, с. 5]. В свою очередь газета «Эфиопиэн геральд» подчеркивала, что «движение неприсоединения сегодня представляет собой авторитетную международную силу, отражающую законные устремления сотен миллионов людей, оно тесно сотрудничает со всеми прогрессивными и демократическими силами мира, с социалистическими странами, являющимися верными союзниками развивающихся стран» [346, 17.07.1979].

Участники движения убедительно опровергают и попытки доказать «несовместимость» участия в нем с приверженностью к идеям социализма. Действительно, если исходить из того, что неприсоединение есть отражение независимого внешнеполитического курса, создающего благоприятные предпосылки для проведения глубоких социально-экономических преобразований, то очевидно, что не может быть речи о такой «несовместимости». Как отмечалось в коммюнике о переговорах между правительственными делегациями Анголы и Мозамбика, обе страны «подчеркивают, что их стремление построить социалистическое общество на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма полностью соответствует идеалам движения неприсоединения» [337, 22.09.1978].

Разумеется, основные принципы и цели неприсоединения зачастую интерпретируются его участниками отнюдь не одинаково. Кроме внутренних разногласий в движении это объясняется также и осложнением международной обстановки, развязыванием антисоветской кампании в странах НАТО. В этих условиях движение предстает как пример одного из тех исторических явлений, которые В. И. Ленин называл «мозаичной действительностью». «Эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя, — подчеркивал он, — как бы она незначительна ни была, ни грана отсюда выбросить нельзя» [41, с. 155]. Так, наряду со стремлением стран — участников движения погасить ирано-иракский конфликт или поддержкой ими молодого государства Зимбабве далеко не все они признали Народную Республику Кампучию. Не везде была правильно понята и политика нового правительства

Афганистана, включая мотивы и условия временного ввода по его просьбе ограниченного контингента советских войск в Афганистан с целью защиты завоеваний его народа от нападок внешней и внутренней контрреволюции. В итоге родилась известная резолюция Генеральной Ассамблеи по «афганскому вопросу», при голосовании которой многие неприсоединившиеся страны объективно последовали за недругами афганской революции. Однако эти отдельные события отнюдь не означают какой-либо общей переориентации курса неприсоединения в целом. «Результаты голосования в ООН по афганскому вопросу, — признавал западногерманский еженедельник „Форвертс“, — вовсе не означают, что развивающиеся страны вдруг переметнулись в западный лагерь». И потому «США совершают роковую ошибку», надеясь активнее использовать их в «глобальной конфронтации между Востоком и Западом». Действительно, многие руководящие деятели стран Азии и Африки подчеркивали, что независимо от занятой ими позиции по «афганскому вопросу» дружественные отношения их стран с СССР, так же как и основные политические и экономические требования развивающегося мира к Западу, остаются неизменными.

Разумеется, согласованная позиция движения является зачатую лишь своего рода фасадом, скрывающим внутренние разногласия и противоречия, уязвимые стороны «коллективного национализма» развивающихся стран, о котором шла речь в главе второй. Однако расхождения между неприсоединившимися странами в конечном счете отходят на второй план перед единством их общих проблем и требований. Главные интересы громадного большинства неприсоединившихся стран пока совпадают, и потому они продолжают выступать на мировой арене более или менее сплоченным фронтом, который даже при наличии в их рядах внутренней дифференциации еще в течение довольно длительного времени будет являться одним из важнейших факторов мировой политики.

В этом отношении показательна VII Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Дели в 1983 г.

С целью ослабить единство неприсоединившихся стран и увести движение от обсуждения на конференции важнейших международных проблем, западная, прежде всего американская, пропаганда искусственно выпячивала накануне конференции те проблемы, которые могли бы создать сложности в работе конференции и подорвать ее сплоченность. Всячески подчеркивалось наличие конфликтов между Ираком и Ираном, Эфиопией и Сомали, в Чаде и т. д., разрешить которые движение оказалось не в состоянии. Английская газета «Таймс» указывала и на существующие в движении различные мнения и в отношении путей решения ближневосточного конфликта, на острые разногласия между африканскими странами в связи с действиями в Западной Сахаре фронта ПОЛИСАРИО. Газета отмечала также отсутствие единства среди стран Латинской Америки — участников движения в оценке роли и политики США в этом регионе [365, 2.03.1983].

США, используя находящиеся под их влиянием некоторые не-

присоединившиеся страны, стремились навязать конференции обсуждение «кампучийского и афганского вопросов». Расчет строился на том, что дискуссии по ним приведут к расколу среди участников движения и ослабят антиимпериалистическую направленность документов конференции. В Вашингтоне надеялись, что некоторые страны (в частности, Сингапур, Малайзия, Индонезия, Пакистан) будут добиваться принятия таких решений и формулировок, которые прямо или косвенно придадут итоговым документам конференции антисоветскую направленность.

Однако расчеты империалистических кругов не оправдались. Участникам конференции удалось найти взаимоприемлемые решения тех вопросов, по которым в движении не было единства. Большую роль в этом отношении сыграла Индира Ганди как в ходе подготовки конференции, так и в процессе ее работы.

Вопрос о представительстве Кампучии не рассматривался главами государств и правительств, так как проходившее накануне конференции в Дели совещание министров иностранных дел неприсоединившихся стран приняло решение отложить рассмотрение этой проблемы до следующей встречи министров в 1985 г.

В процессе обсуждения формулировок политической декларации, касающихся вопроса об Афганистане, согласие было достигнуто на основе предложений, выдвинутых Индией. Декларация призывала к политическому решению проблемы и содержала упоминание о роли ООН в этом вопросе.

На конференции была согласована позиция участников движения по важнейшим вопросам стратегии и тактики движения и принята программа действий на предстоящие годы, отраженные в итоговой декларации и специальном «Делийском обращении».

Центральными проблемами нашего времени, говорится в «Делийском обращении», являются мир и мирное сосуществование. Неприсоединившиеся страны, выражая мнение большинства мирового сообщества, требуют немедленно приостановить сползание к ядерному конфликту, который грозит не только человечеству в наши дни, но и будущим поколениям. Они призвали ядерные державы принять срочные действенные меры по предотвращению ядерной войны, договориться о международной конвенции, которая запретила бы применение ядерного оружия при всех обстоятельствах, положила конец его производству и развертыванию.

Конференция решительно выступила в поддержку национально-освободительного движения, за окончательную ликвидацию колониализма и расизма. Как проблема, требующая безотлагательного решения, рассматривается в документах делийской встречи положение на Ближнем Востоке. Вновь провозглашается законное, неотъемлемое право палестинского народа на создание национального суверенного государства. Резко осуждаются израильская агрессия в Ливане, оккупация арабских земель.

Участники делийской встречи осудили произвол расистов на юге Африки, потворство им со стороны западных держав. Конференция потребовала скорейшего выполнения резолюции № 435 Со-

вета Безопасности ООН по предоставлению независимости Намибии. Специально подчеркнуто, что участники движения неприсоединения категорически отвергают попытки американской администрации связать провозглашение независимости Намибии с выводом кубинских войск из Анголы.

Участники конференции подтвердили полную солидарность с народом Южной Африки, который героически борется против режима апартеида, потребовали полного бойкота ЮАР, осудили поддержку Претории Вашингтоном.

Конференция призвала к достижению мира в Центральной Америке путем политических переговоров, выразила солидарность с Кубой и Никарагуа, которые подвергаются угрозам, экономической блокаде и агрессивным действиям со стороны США.

В специальном пункте декларации содержится требование возратить государству Маврикий незаконно отторгнутый архипелаг Чагос, включая о-в Диего-Гарсия. Конференция призвала возобновить советско-американские переговоры по сокращению военного присутствия в Индийском океане и предпринять действенные меры по превращению его в зону мира.

Важной особенностью делийского форума было обстоятельное и всестороннее обсуждение насущных экономических проблем. Конференция подтвердила, что устранение неравноправия и несправедливости в существующей международной экономической системе, установление нового международного экономического порядка является неотъемлемой частью борьбы народов за их политическое и социальное освобождение. Конференция осудила попытки Запада, и прежде всего США, саботировать решение ООН относительно глобальных переговоров по ключевым проблемам нового международного экономического порядка.

В итоговой декларации недвусмысленно осуждаются политика торговых санкций, блокада или другие формы принуждения и шантажа со стороны индустриальных держав как средства политического нажима и вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Делегаты подтвердили решимость движения неприсоединения отстаивать права каждого народа распоряжаться своими природными ресурсами.

Идея сохранения мира пронизывает все документы, принятые конференцией. В заключительных строках «Делийского обращения» подчеркивается, что кризис, угрожающий сегодня нашей цивилизации, не имел прецедентов в истории. Великие державы призываются отказаться от недоверия, провести откровенные переговоры в духе общей доброй воли с целью достижения соглашения по различным мерам разоружения и найти выход из обостряющегося экономического кризиса. В обращении подчеркивается, что участники движения готовы общими усилиями сделать все возможное, чтобы содействовать прогрессу в этом направлении.

Таким образом, несмотря на сложную международную обстановку, в которой она проходила, и наличие разных точек зрения среди ее участников в подходе по отдельным проблемам, конфе-

ренция в Дели явилась важным этапом в деятельности движения неприсоединения. Не случайно итоги конференции в Дели вызвали недовольство в США. В заявлении государственного департамента США, опубликованном 15 марта 1983 г., утверждалось, что принятая в Дели декларация движения неприсоединения — это во многих отношениях несбалансированный и полемический документ, который вызывает у Соединенных Штатов «сожаление». «Несправедливые нападки» на Соединенные Штаты в той части декларации, которая относится к политическим вопросам, и «отсутствие критики» в адрес Советского Союза якобы подрывают доверие к этой декларации и отражают тот факт, что «радикальные элементы в движении неприсоединения по-прежнему имеют возможность использовать его в своих целях» (см. [334, 17.03.1983]).

На фоне такой позиции США особенно знаменателен принципиальный и последовательный курс СССР и других социалистических стран в отношении движения неприсоединения. Их отношение к движению неизменно базируется на принципиальной, стабильной основе, на близости или общности позиций по коренным проблемам современности, от решения которых зависят судьбы человечества. Они рассматривают движение неприсоединившихся государств как положительный фактор международной политики, отмечают их возрастающую роль в мировых делах. Аналогичную позицию в отношении движения неприсоединения занимает и международное коммунистическое движение. Как подчеркивала в 1976 г. Берлинская конференция коммунистических и рабочих партий в своем итоговом документе, движение неприсоединения «является теперь одним из важнейших факторов мировой политики» [337, 23.06.1976]. Вместе с тем социалистические страны, опираясь на свой политический и исторический опыт, обращают внимание неприсоединившихся стран на уязвимые и непоследовательные элементы их программ и политики, которые объективно ослабляют движение, особенно перед лицом нажима со стороны Запада.

Со своей стороны, неприсоединившиеся страны отдают должное такой позиции социалистического содружества.

Роль, место и влияние движения неприсоединения в международных отношениях, перспективы этого движения и впредь будут зависеть от его реального вклада в решение основных проблем современного мирового развития, определяться степенью его сотрудничества с мировым социализмом, от того, насколько это движение окажется в состоянии преодолевать внешние и внутренние попытки, имеющие целью его обособление от других потоков антиимпериалистического движения. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, «сила его — в направленности против империализма и колониализма, против войны и агрессии. Мы уверены, что ключ к дальнейшему повышению роли движения неприсоединения в мировой политике — а это мы приветствовали бы — в его верности своим основополагающим принципам» [54, с. 15]. Такую оценку, продиктованную анализом двадцатилетнего существования движения, подтверждает сама жизнь.

Глава пятая

БОРЬБА ЗА НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

Анализу содержания нового международного экономического порядка и конкретного процесса борьбы за его установление, в том числе в международных экономических организациях, уже посвящена в нашей стране достаточно обширная научная и информационная литература [131; 147; 149; 153; 171]. Поэтому в рамках и для целей данного исследования НМЭП рассматривается не как таковой, а в контексте общих изменений места и роли освободившихся стран в мировой экономике и политике. Соответственно в данной главе сделана попытка, во-первых, показать объективно обусловленный характер борьбы развивающихся стран за изменение сложившейся системы международных экономических отношений; во-вторых, выявить основные черты НМЭП как концепции, отражающей специфические интересы этой группы государств.

Историческая обусловленность процесса

Сохраняющаяся зависимость от империалистического центра означает, что практически любые мероприятия по созданию самостоятельной национальной экономики в развивающихся странах, внутренние преобразования в них неизбежно приобретают международное измерение. А это, в свою очередь, диктует неотложность мер по изменению данной окружающей экономической среды как предпосылки и гарантии успеха таких преобразований. Иными словами, в условиях конфронтации с империалистическими державами и международными монополиями созидательная деятельность молодых государств неизбежно принимает форму борьбы за экономическую независимость, которая при сложившемся соотношении сил в мировом капиталистическом хозяйстве, в свою очередь, объективно порождает коллективные формы и лозунги противодействия этих государств империализму. Общим знаменателем этих лозунгов как раз и является НМЭП.

С самого начала опиравшаяся на поддержку дипломатии Советского Союза и других стран социализма, эта коллективная борьба последовательно нарастала на протяжении последней четверти века. Уже с середины 50-х годов освободившиеся государства начинают распространять свои общедемократические, антиимпериалистические требования и на сферу международных экономических отношений. Так, в документах Бандунгской конференции стран Азии и Африки (1955 г.) и I Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Белграде прямо указывается на необходимость расширения взаимовыгодного экономического сотрудничества, ликвидации экономического неравенства, унаследованного от колониализма, устранения презренных колеба-

ний цен на сырьевые товары и т. д. В этот же период выдвигается идея совместных действий в этой сфере, координации позиций молодых государств на международных форумах (см. [58, с. 60, 418—420]).

В середине 60-х годов контуры коллективной внешнеэкономической платформы развивающихся стран начинают просматриваться уже вполне отчетливо, особенно после образования в 1964 г. ЮНКТАД и возникновения в ее рамках такого специфического образования, как «группа 77». Ключевыми элементами этой платформы явились: стабилизация доходов развивающихся стран от экспорта сырья и создание нового механизма регулирования мировых товарных рынков, предоставление таможенных льгот для сбыта их готовых изделий (и полуфабрикатов) на рынках развитых стран и расширение притока внешних финансовых ресурсов.

В дальнейшем немаловажным стимулом активизации действий освободившихся стран в этой области явилось некоторое упрочение их экономических позиций и определенное ослабление их зависимости от империализма в результате национализации собственности иностранных монополий, расширения контроля над деятельностью иностранного капитала, укрепления государственного сектора экономики, развития местной обрабатывающей промышленности и особенно обострения глобальной энергосырьевой проблемы, что дало в их руки рычаг уже не только политического, но и экономического давления на империализм.

Помимо отмеченных выше факторов необходимо остановиться и на одном специфическом обстоятельстве внутреннего характера, которое также способствовало радикализации внешнеэкономических требований стран Азии, Африки и Латинской Америки. К разрыву в уровнях развития по сравнению с бывшими метрополиями здесь постепенно добавлялся и растущий разрыв между надеждами населения на весомые экономические плоды обретенной свободы и реальностью, не приносящей ему, как правило, существенного повышения жизненного уровня. Так, известный латиноамериканский экономист К. Фуртадо отмечал, что «последствия политического освобождения народов только начинают ощущаться» [231, с. 575]. Такого же мнения придерживается и крупный французский ученый Ф. Перру, подчеркивавший, что «последствия деколонизации в области экономического освобождения еще незначительны» [294, с. 30]. Более того, в странах капиталистической ориентации внутренняя неравномерность в распределении доходов даже возросла, что привело к усилению социальной нестабильности. В этих условиях правящие круги этих стран, во-первых, стремились всячески отвлечь внимание народных масс от сугубо национальных препятствий развитию, «списать» все его проблемы на внешние факторы, а во-вторых, получить в свои руки какие-то дополнительные ресурсы для социального маневрирования, наиболее легкодоступными источниками которых представлялись внешняя помощь и дополнительные доходы от экспорта. Разумеется, в странах прогрессивной ориентации целевая нужда в этих дополнитель-

ных средствах была социально иной. Однако в целом по развивающемуся миру требование реформы существующего экономического порядка было единодушным и объединяющим.

Вместе с тем в широком историческом плане решающим фактором, позволившим освободившимся странам бросить вызов империалистическому диктату, было изменение соотношения классовых сил в мире, укрепление в нем позиций социализма, климат разрядки, давший этим странам возможность завершить политическую деколонизацию и выдвигать далеко идущие и радикальные внешнеэкономические требования. Именно в этой обстановке, при непосредственной поддержке со стороны социалистического содружества, развивающиеся страны смогли перейти от частных требований к выдвижению комплексных программ в этой области, отстаиванию новых принципов и норм международного хозяйственного общения.

В этой связи необходимо остановиться на тех основных моментах, которые характеризуют воздействие мирового социализма на условия развития молодых государств с точки зрения их борьбы как за экономическую независимость вообще, так и за осуществление НМЭП в особенности.

Прежде всего следует со всей определенностью подчеркнуть, что уже сама борьба за перестройку международных экономических отношений на справедливых, демократических началах не локализуется исторически процессом экономической деколонизации. В истоках своих она восходит к Октябрю, равно как и лозунги НМЭП имеют очевидную историческую и проблемную преемственность с теми целями, за которые с самого начала боролась ленинская социалистическая дипломатия. В частности, принципы равноправия сторон, взаимной выгоды, уважения национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела были зафиксированы уже в первых декретах Советской власти и ее первых международных договорах, в том числе с соседними развивающимися странами. На Генуэзской и Женевской экономических конференциях, в Лиге наций, на первых сессиях Генеральной Ассамблеи ООН советская дипломатия неоднократно ставила вопросы нормализации мировой торговли сырьем, системы международных расчетов, борьбы с протекционизмом, запрета использовать экономические связи как орудие давления и агрессии, демократизации международных организаций, регионального экономического сотрудничества и т. д. В дальнейшем новые, высшие формы хозяйственного сближения наций были продемонстрированы мировым социализмом в рамках СЭВ, в непосредственных отношениях с освободившимися государствами (подробнее об этом см. в главе восьмой).

Эта борьба, равно как и конкретная договорная практика Советского государства и других стран социализма, оказала несомненное воздействие на развитие международного правового регулирования экономических отношений, используется многими освободившимися странами и их объединениями в качестве приме-

ра при составлении собственных внешнеэкономических программ, не исключая и сам НМЭП. Те же справедливые принципы и нормы международного права, направленные на защиту суверенитета государств, упрочение их экономической самостоятельности и обеспечение полного равноправия в международных экономических отношениях, не раз находили свое отражение в решениях Генеральной Ассамблеи ООН, ЮНКТАД и ЮНИДО, а также в Акте Хельсинки, основные положения которого, в том числе экономические, имеют, разумеется, не только внутривосточное, но и универсальное, общемировое значение.

Таким образом, взятый в широкой исторической перспективе, процесс перестройки международных экономических отношений выступает вначале как результат целенаправленных действий мирового социализма, затем — как результат совместной борьбы социализма и национально-освободительного движения, особенно на этапе экономической деколонизации.

«Советский Союз, — подчеркивается в этой связи в Заявлении Советского правительства „О перестройке международных экономических отношений“, — руководствуясь своим неизменным курсом на упрочение мира, на оздоровление всей системы международных экономических отношений, последовательно выступает за их перестройку на демократической и справедливой основе. При этом он исходит из того, что коренные интересы социалистических и развивающихся стран в этой области в основном совпадают. Социалистические государства твердо выступают против дискриминационной политики в любых ее проявлениях, против эксплуатации развивающихся стран» [337, 5.10.1976].

Социалистические страны, будучи сторонниками универсального подхода к решению общемировых проблем, были инициаторами создания ЮНКТАД и ЮНИДО, деятельность которых концентрируется на проблемах международного экономического сотрудничества и развития. Они внесли на обсуждение XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект Декларации о международном экономическом сотрудничестве, который впоследствии составил основу «Принципов международных торговых отношений и торговой политики, способствующих развитию», принятых I сессией ЮНКТАД в Женеве.

Важное значение с точки зрения разработки прогрессивных норм торговли имели и другие документы, в том числе проект «Заявления ООН о содействии развитию равноправного сотрудничества в экономической, торговой и научно-технической областях», внесенный на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи, проект резолюции об устранении из международной торговли всех форм дискриминации, последствий колониализма и проявлений неоколониализма, составленный в соавторстве с развивающимися странами и представленный на III сессии ЮНКТАД, и т. д.

Мощный импульс обсуждению проблем перестройки международного экономического сотрудничества дала VI Специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН (апрель — май 1974 г.), созван-

ная по инициативе развивающихся и при поддержке социалистических стран. Принятые ею документы — Декларация об установлении нового международного экономического порядка и Программа действий — означали крупный успех в борьбе за демократизацию международных экономических отношений и признание необходимости принятия специальных международных мер с целью ускорения развития освободившихся стран. С этого времени проблемы НМЭП занимают одно из центральных мест на крупнейших международных форумах и на их решении сосредоточены усилия большинства учреждений ООН.

Что же конкретно представляет собой программа НМЭП в ее современном виде? В следующем разделе дается ее обзор на базе официальных документов развивающихся стран (в частности, движения неприсоединения и «группы 77»), а также соответствующих решений Генеральной Ассамблеи и специализированных учреждений ООН. Подобный подход избран с целью, во-первых, не отождествлять программу НМЭП с общим процессом перестройки международных экономических отношений, а рассматривать ее как специфическую составную часть этого процесса, во-вторых, проанализировать относительно «устоявшиеся» элементы этой программы, а не гигантское скопление самых различных и противоречивых высказываний, умозаключений и предложений, подаваемых нередко под общей рубрикой «наполнение НМЭП».

Основные черты программы НМЭП

Прежде всего целесообразно остановиться на концептуальных основах, определяющих долгосрочное значение НМЭП с точки зрения эволюции системы международных экономических отношений.

Как убедительно показано в многочисленных советских и зарубежных исследованиях, современное положение развивающихся стран — это прежде всего результат действия имманентных законов развития капитализма. Поэтому НМЭП есть во многом вызов этим законам, признание невозможности решить проблемы развития на основе существующего капиталистического механизма международных экономических отношений. «В историческом плане, — отмечает, в частности, Н. П. Шмелев, — основное значение как самой идеи нового мирового экономического порядка, так и принятых в связи с этим решений Генеральной Ассамблеи ООН и других международных конференций заключается в признании кризиса мировой капиталистической системы международных отношений. Впервые в столь конкретной форме и на столь высоком уровне признано, что мировое хозяйство и международные экономические отношения впредь не могут складываться стихийно, лишь под влиянием законов конкурентной борьбы» [164, с. 29].

Действительно, руководители большинства развивающихся государств прямо заявляют о том, что «существующая международная экономическая система противоречит важнейшим интересам

развивающихся стран», что она глубоко несправедлива и несовместима с их развитием [70, с. 101]. В какой же мере программа НМЭП создает основу для устранения этих противоречий и несправедливостей?

Концепция НМЭП основывается на следующих основных постулатах-звеньях:

- равенство государств, национальный суверенитет над природными ресурсами и экономической деятельностью;

- демократизация международных экономических отношений, полноправное участие развивающихся государств в решении мировых экономических проблем;

- регулирование международных экономических отношений на межгосударственном уровне, ограничение стихии рынка и деятельности ТНК;

- создание в системе международных экономических отношений льготного преференциального режима и механизма перераспределения доходов в пользу развивающихся стран.

Важно подчеркнуть, что концептуальную основу НМЭП образует именно совокупность отмеченных идей, поскольку на практике империалистическая дипломатия пытается бороться с этой комплексной концепцией путем ее дезинтеграции, и в частности предоставления мелких уступок освободившимся странам в ее четвертом звене в обмен на отказ (смягчение) требований по первым трем.

Первые два звена отражают основные черты нынешнего этапа в историческом развитии бывших колоний и полукolonий: становление независимых государств, упрочение политических и экономических позиций развивающихся стран в мире, одним словом, реальный факт возвышения этой бывшей периферии империализма, превращение ее в подлинный субъект мировой истории. Естественно, что по своему происхождению и общей направленности эти постулаты носят явно выраженный антиимпериалистический характер. Выступая за упрочение национального суверенитета, против диктата, неравноправия и различных форм дискриминации, развивающиеся страны одновременно требуют полноправного участия в решении важнейших мирохозяйственных проблем. Как подчеркивалось на VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване, именно демократизация международных экономических отношений составляет политическую суть и смысл движения за НМЭП [70, с. 105]. События последнего времени, отмеченные усилением империалистического давления на развивающиеся страны, вновь подтверждают актуальность и настоятельную необходимость дальнейшей борьбы за соблюдение общедемократических принципов в международных экономических отношениях. Более того, следует особо подчеркнуть, что только полная реализация этих основополагающих принципов может служить основой и для удовлетворения специфических групповых интересов развивающихся государств, отраженных в четвертом звене.

Третий постулат, лежащий в основе ИМЭП, вытекает из особенностей современного этапа в развитии капиталистического хозяйства, интернационализирующиеся производительные силы которого приходят, в полном соответствии с предсказанием К. Маркса, во все более острое противоречие с их частнособственнической оболочкой [7, с. 773]. Развивающиеся страны последовательно убеждаются в том, что традиционное частнокапиталистическое разделение труда не дает им шанса вырваться из порочного круга зависимости и эксплуатации и потому требуют создания в этой области определенного корректирующего межгосударственного механизма, который бы путем политических решений защищал особые интересы этих стран перед лицом «свободной игры рыночных сил», т. е. нестабильности и монополистической практики, господствующих на капиталистическом рынке. При этом следует особо отметить, что речь идет отнюдь не о распространении на данный поток торговли уже существующего государственно-монополистического регулирования, ибо оно направлено прежде всего на обеспечение интересов основных центров мирового капиталистического хозяйства. Этот факт признается многими буржуазными учеными. «Промышленно развитые страны, — отмечает известный французский экономист П. Юри, — группируясь в региональные союзы и договариваясь о снижении таможенных пошлин между крупными комплексами, которые они образуют, признали важность международного разделения труда... Но... такое же распределение деятельности отвергается, если только оно выступает в пользу наиболее бедных стран» [320, с. 221]. Этот отказ в доверии адресован соответственно и основным международным институтам, воплощающим и осуществляющим подобное государственно-монополистическое регулирование, и в первую очередь МВФ, ГАТТ и МБРР, в связи с чем выдвигается требование их демократизации и выведения из-под исключительного контроля империалистических государств.

В то же время сама эта переориентация контроля и демократизация подаются в ИМЭП не как универсальные, а как локализованные интересами развивающихся стран, направленные на достижение и закрепление за ними тех односторонних льгот развитию, которые описаны в заключительном (и ключевом) четвертом звене их программы. Иными словами, развивающиеся государства исходят не только и даже не столько из необходимости межгосударственного регулирования вообще, сколько из преимущественного подчинения его — равна как деятельности старых и новых международных институтов — целям своего развития, обращения вспять неблагоприятных для них тенденций мирового капиталистического хозяйства.

Разумеется, такой «локализованный» дух ИМЭП имеет свои материальные корни, в данном случае все то же особое место развивающихся стран в этой системе хозяйства. Играет здесь свою роль и политическая и социальная неоднородность стран-авторов, недостаток у них исторического и классового опыта. В итоге

НМЭП, сознательно лишаемый универсальности как инструмент перестройки международных экономических отношений, исходит еще и из ряда достаточно непоследовательных допущений. Во-первых, устранение несправедливости и эксплуатации мыслится, по существу, как возможное в рамках (и в категориях) все тех же международных экономических отношений капитализма, лишь реформированных, с согласия центра, в пользу периферии; во-вторых, такая реформа механизма внешнеэкономических связей мыслится в большинстве этих стран в отрыве от внутренних преобразований; в-третьих, пороки, присущие исключительно мировому капиталистическому хозяйству, нередко рассматриваются как универсальные, в результате чего требования, адресуемые империализму, подчас неправомерно распространяются и на страны социалистического содружества.

Конкретные положения НМЭП охватывают основные сферы внешнеэкономических отношений, имеющие существенное значение для экономики развивающихся государств, а именно торговлю сырьевыми товарами, проблемы индустриализации хозяйства и экспорта, передачу технологии, контроль над деятельностью ТНК, финансовую помощь и облегчение бремени задолженности, валютную реформу, специфические проблемы наименее развитых стран, продовольственное положение, экономическое сотрудничество между самими развивающимися странами. Каждый из этих вопросов имеет свою историю и соответственно свою конкретную программу действий.

Значение торговли сырьевыми товарами определяется тем, что вплоть до настоящего времени на их долю приходится примерно $\frac{3}{4}$ стоимости экспорта развивающихся стран, а сам этот экспорт (кроме нефтяного) страдает от нестабильности цен и относительного падения покупательной способности. Поэтому стабилизация рынков сырья, по определению Генерального секретаря ЮНКТАД Г. Кореа, «рассматривалась в качестве центрального элемента всей концепции НМЭП» [217, с. 177], а для осуществления такой стабилизации на IV сессии ЮНКТАД была выдвинута и в принципе одобрена «интегрированная программа по сырью».

Ее ядром является заключение серии международных товарных соглашений по 18 основным экспортным товарам развивающихся стран с участием и учетом интересов всех основных экспортеров и импортеров¹. Конкретным орудием стабилизации в них предлагалось сделать манипулирование «буферными запасами» 10 товаров, поддающихся длительному хранению, которые в зависимости от ситуации поглощали бы излишки данного товара на рынке или же, наоборот, восполняли его дефицит, тем самым сужая диапазон колебания цен и повышая их общий уровень. «Буферные запасы» могли бы дополняться системой квот по закупкам и поставкам, а для финансирования их создания предлагалось учредить «общий фонд» такого финансирования, который должен служить ключевым инструментом в достижении целей интегрированной программы. В задачу фонда, официально согласованного в 1981 г. в сумме

750 млн. долл., но еще не начавшего функционировать, входит содействии заключению и претворению в жизнь международных товарных соглашений, помощь в финансировании международных буферных и национальных запасов, координируемых на международном уровне, а также финансирование мероприятий по улучшению сбыта и диверсификации производства сырьевых материалов. При этом сохраняется автономия отдельных международных товарных соглашений, а фонд непосредственно не участвует в операциях на сырьевых рынках.

Структура фонда предусматривает наличие двух «окон» (отдельных счетов). Первое «окно», финансовые средства которого формируются за счет взносов правительств, международных товарных соглашений и займов на денежных рынках, призвано содействовать финансированию запасов, а второе «окно» — всех прочих мероприятий в области производства и сбыта сырья. Начало операций фонда явилось бы, безусловно, положительным сдвигом в практическом осуществлении интегрированной программы по сырью.

Но это лишь первый, весьма скромный шаг в направлении стабилизации сырьевых рынков и улучшения экономического положения отдельных развивающихся стран — производителей сырья. Поэтому развивающиеся государства вынуждены бороться за расширение и облегчение условий компенсационного финансирования своих убытков в этой области, за увеличение своей доли в обработке сырья, в его транспортировке, хранении и сбыте. Социалистические государства в своей борьбе за перестройку международных экономических отношений поддерживали «интегрированную программу», высказавшись одновременно за необходимость более широкого, чем в НМЭП, комплексного подхода к стабилизации сырьевых рынков, за необходимость «принятия комплекса взаимовыгодных мер, которые охватывали бы производство, переработку и торговлю сырьевыми товарами, эффективно ограничивали бы действие рыночных сил» [332, 1976, № 8, прил., с. 7].

Важное значение в программе НМЭП придается также укреплению ассоциаций стран — производителей сырья и Совета этих ассоциаций, с тем чтобы сделать их в состоянии «самим определять цены на сырьевые товары». В настоящее время насчитывается около двух десятков таких ассоциаций, важнейшими из которых являются объединения стран — экспортеров нефти, меди, бокситов, ртути, железной руды, серебра, натурального каучука, бананов, перца, кофе и какао. Однако очевидно, что создание ассоциаций одних лишь экспортеров, хотя в конкретных случаях они могут играть положительную роль, еще не адекватно стабилизации рынков на взаимовыгодной основе и с учетом интересов всех стран.

Широкий спектр требований выдвигает НМЭП в области индустриализации и научно-технического развития. Основная задача в данной области, сформулированная в Лимской декларации II Генеральной конференции ЮНИДО (1975 г.), состоит в увеличении доли развивающихся стран в мировом промышленном

производстве до 25% в 2000 г. против 9% в конце 70-х годов, для чего оно должно расти в этих странах в среднем на 11% в год².

Не вызывает сомнения, что проблема индустриализации — это проблема формирования новой системы производительных сил развивающихся стран. Если вопросы сырья вытекают из необходимости «осовременить», улучшить условия традиционной специализации стран капиталистической периферии, то вопросы их промышленного развития в широком смысле затрагивают уже будущую экономическую структуру мира. Однако какой-либо комплексной стратегии индустриализации развивающихся стран пока не смогли предложить ни ЮНКТАД, ни ЮНИДО, ни III Декада развития ООН.

В программе действий НМЭП, принятой на VI Специальной сессии Генеральной Ассамблеи, содержался лишь призыв к развитию государствам и соответствующим международным учреждениям: а) способствовать удовлетворению запросов развивающихся стран в области промышленных проектов; б) поощрять вкладчиков капитала в финансировании промышленного производства этих стран, особенно в экспортных отраслях; в) содействовать созданию новых промышленных мощностей; г) расширять техническую помощь, включая подготовку кадров. Последующие решения генеральной конференции ЮНИДО предусматривали создание специальных фондов для финансирования промышленного развития, перемещение отдельных производств в развивающиеся регионы, интенсификацию сотрудничества самих развивающихся стран, льготную передачу технологии, а также усиление роли государственного сектора в промышленном развитии. Однако на деле часть этих требований сводится лишь к расширению сферы действия уже сложившихся форм экономических отношений Запада с молодыми государствами, основанных на экспорте частного и государственного капитала. Так, например, предложение о перемещении промышленных производств не проводит должного различия между, с одной стороны, созданием собственно национальной промышленности и, с другой — размещением на территории развивающихся стран филиалов ТНК.

Узость национальных рынков большинства развивающихся стран ставит судьбы их индустриализации в непосредственную зависимость от возможностей экспорта промышленной продукции. С целью содействия этому экспорту НМЭП требовал введения на рынках развитых стран односторонних и невзаимных таможенных преференций при импорте готовых изделий и полуфабрикатов из развивающихся стран. Такая система, хотя и в урезанном виде, была создана стараниями ЮНКТАД и вошла в силу в 1973—1975 гг. сроком на десять лет. Однако эта система не решила всех проблем промышленного экспорта развивающихся стран, а ныне к тому же подвергается настойчивым атакам «неопротекционистов» (подробнее об этом см. в главе девятой).

Программа НМЭП предусматривает также облегчение условий получения развивающимися государствами современной техники и

технологии. Наряду с требованиями о приостановке «утечки умов» и содействии созданию в развивающихся странах собственной базы науки центральным положением ИМЭП в этой области было требование о разработке международного «Кодекса поведения при передаче технологий». Его проект, по состоянию на 1983 г., содержит ряд прогрессивных целей и принципов передачи технологий, главу о льготах для развивающихся стран, о национальном регулировании подобных сделок и взаимных гарантиях сторон. Однако ввиду упорного сопротивления Запада не удается решить вопрос о юридическом статусе этого документа, перечне запрещаемой им ограничительной деловой практики и степени распространения его на операции ТНК. В итоге остается неясной и судьба документа в целом.

Столь же острая борьба идет вокруг «Кодекса поведения для ТНК», разработки и принятия которого также требует ИМЭП. Отрицательные последствия бесконтрольной деятельности ТНК в развивающихся странах, причем не только в сфере экономики, но и в политической жизни, широко известны. Кроме внесения в хозяйство этих стран структурных диспропорций и выкачки оттуда прибылей ТНК выступают в этом районе мира как орудие проведения неокOLONиалистской политики империализма, предпринимают действия, бросающие вызов суверенитету развивающихся стран (см. главу девятую). Более того, есть все основания опасаться, что ТНК, оперирующие в развивающихся странах, могут попросту присвоить себе те льготы, которых добиваются эти страны в борьбе за ИМЭП. «Распространять льготы системы Стабекс на минеральное сырье, в производстве и сбыте которого основную роль играют ТНК, — отмечал, в частности, видный деятель ЕЭС, ныне министр внешних сношений Франции К. Шейсон, — значит финансировать эти ТНК» [343, 12.02.1979, с. 67].

Поэтому требования ИМЭП и проекта «Кодекса поведения для ТНК» к транснациональным корпорациям преследуют запрет их противозаконной политической деятельности, вмешательства в межгосударственные отношения. Так, в проекте «Кодекса» предусматривается право суверенных государств на регулирование их операций вплоть до национализации, регламентируются вопросы участия ТНК в выполнении национальных планов, социальной политики, конкуренции, охраны среды и потребителей, отчетности и т. д. Однако переговоры по «Кодексу» оказались фактически замороженными по вине Запада.

Важное место в программе ИМЭП занимают также вопросы улучшения валютно-финансового положения развивающихся стран: облегчение бремени их внешней задолженности, реформа международной валютной системы, увеличение государственной помощи на нужды развития, облегчение доступа на международные рынки капитала. Внешняя задолженность развивающихся стран возросла с 90 млрд. долл. в 1971 г. до 626 млрд. долл. в 1982 г. [123, с. 285]. Увеличение выплат, связанных с погашением долга, существенно ограничивает национальный фонд накопления, ухудшает платежный

баланс. Соответственно НМЭП предусматривает списание государственных долгов с наименее развитых стран, предоставление другим странам отсрочки в погашении долга, снижение уровня процента, а также ряд других льгот.

Одновременно развивающиеся государства выступают за глубокую перестройку международной валютной системы, которая, как указывается в Манильской декларации, «в настоящем ее состоянии недостаточно содействует мировой торговле и развитию и нуждается в фундаментальных изменениях». Эта перестройка должна «основываться на универсальном участии и справедливом процессе принятия решений... учитывать взаимозависимость проблем международных валютных, финансовых и торговых систем» [82, с. 30]. Большое значение в этой области придается предложению об установлении «связки» между распределением «Специальных прав заимствования» в МВФ и дополнительным финансированием для нужд развития.

НМЭП требует также увеличения объема помощи развитию до 1% ВВП развитых стран-доноров, в том числе 0,7% за счет льготной государственной помощи. Подобные требования нередко выдвигаются и в адрес социалистических стран, хотя хорошо известно, что последние никогда не эксплуатировали и не эксплуатируют развивающиеся страны и не несут ответственности за пороки международного капиталистического разделения труда. Однако в 1981 г. объем западной помощи развитию составил лишь 0,35 ВВП стран ОЭСР [123, с. 182], застопорились и переговоры о реформе валютной системы.

Серьезное внимание уделяется в программе НМЭП также проблемам наименее развитых стран, продовольственному положению, усилению взаимного сотрудничества развивающихся стран (концепция «коллективной опоры на собственные силы»), проблемам реформы ООН.

Одновременно с определением принципов, направлений и конкретных путей НМЭП развивающиеся страны продолжали совершенствоваться и методы борьбы за его осуществление (см. [152]). Важнейшими среди них являются вынесение проблем НМЭП на возможно более высокий уровень их обсуждения и решения (ООН и ее специализированные учреждения), согласование позиций развивающихся стран на межгосударственном уровне (движение неприсоединения, «группа 77»). К этому их побуждают западная тактика затягивания переговоров, последствия кризиса 70—80-х годов, который принес с собой резкий рост внешней задолженности развивающихся стран, ухудшение их «условий торговли» сырьевыми товарами (исключая нефть), сокращение в реальном выражении объема «помощи» развитию, ужесточение «неопротекционизма» на рынках империалистических государств. «Экономические проблемы, с которыми сталкиваются развивающиеся страны, — обобщала эту ситуацию VI Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване, — стали еще более острыми, разрыв между развитыми и развивающимися странами

продолжал расти, а переговоры о перестройке международных экономических отношений зашли в тупик» [70, с. 100].

Продолжая отстаивать на международной арене основные положения программы НМЭП, развивающиеся страны стали одновременно уделять все большее внимание усилению взаимных экономических связей. На V, VI и VII Конференциях глав государств и правительств неприсоединившихся стран и конференции министров «группы 77» в Аруше в 1979 г. были приняты развернутые программы стимулирования их взаимного экономического сотрудничества. Эти программы предусматривают всемерное поощрение товарообмена между развивающимися странами, введение системы преференций в их взаимной торговле, усиление интеграции и сотрудничества на субрегиональном и межрегиональном уровнях, создание совместных (многонациональных) предприятий в промышленности, торговле, финансах, налаживание финансовых расчетов, минуя западные банки, усиление научно-технического сотрудничества, создание ряда общих учреждений развивающихся стран (торговых палат, банков, научно-информационных центров и т. д.), а также ряд специальных мер в пользу наименее развитых стран. Другими словами, речь идет как бы о применении ими основных положений НМЭП с опережением в своих взаимных отношениях (подробнее см. в главе шестой).

Стремятся эти страны и полнее использовать возможности ООН. Так, уже сейчас деятельность ЮНИДО практически полностью ориентирована на обслуживание их нужд. Перестроена структура экономического и социального департамента Секретариата ООН, развивающиеся страны получили дополнительные места при расширении ЭКОСОС. В последние годы ведущую роль в подготовке и проведении переговоров по вопросам НМЭП играла ЮНКТАД. Одновременно развивающиеся страны стремятся использовать и прозападные международные экономические организации: МВФ — для расширения компенсационного финансирования и увеличения объема «помощи» за счет вновь создаваемых специальных прав заимствования и урегулирования задолженности; МБРР — для увеличения возможностей долгосрочного кредитования; ГАТТ — с целью упрочения системы преференций на принципе невзаимности, либерализации нетарифных барьеров, принятия особого режима для наименее развитых стран. Однако во всех этих организациях требования развивающихся государств натолкнулись на жесткое противодействие Запада, ограничившегося незначительными уступками и сохранившего под своим полным контролем международную валютно-финансовую систему.

Стремясь повысить уровень переговоров по НМЭП, развивающиеся страны внесли предложение о проведении «глобальных переговоров» по его основной проблематике. Эти переговоры предполагалось тесно увязать с выработкой III Декады и Стратегии развития ООН на 80-е годы и организовать их в виде международной конференции на высоком политическом уровне. Результатом этой конференции должно было быть заключение комплексного

соглашения по ключевым вопросам НМЭП, обязательного для всех ее участников. Однако жизнь уже неоднократно показывала, что повышение уровня переговоров или создание для их проведения новых органов (что уже привело к неоправданному раздуванию аппарата и бюджета ООН) само по себе, без наличия политической воли со стороны стран-участниц не может решить проблемы. В знак солидарности с развивающимися государствами страны социализма поддерживали идею «глобальных переговоров». Но поскольку такие переговоры прямо затронули бы вопрос о реформе МВФ, МБРР и ГАТТ, западные страны пока уклоняются от их начала (подробнее см. в главе девятой).

В том же направлении идут и участвовавшие требования развивающихся стран о радикальной реформе ООН, в соответствии с которыми главные направления ее деятельности и ресурсы должны быть ориентированы на нужды развития, в том числе на реализацию НМЭП. Однако при всей важности социально-экономической тематики главной уставной задачей ООН является поддержание международного мира и безопасности, и эта задача не может и не должна ни умаляться, ни отодвигаться на второй план, особенно в современных условиях обострения международной обстановки, усиления черт авантюризма и агрессивности в политике империализма. Совершенно очевидно и то, что главной предпосылкой разрешения социально-экономических задач человечества (в том числе и задач развития) является сохранение мира, продвижение по пути разоружения, что, кстати, дает развитию и совершенно определенный экономический дивиденд (см. главу седьмую). Соответственно ООН может решать любые другие вопросы, включая и НМЭП, лишь постольку, поскольку обеспечено упорочение ее фундаментальной миротворческой основы.

Предложения о подобной реформе ООН нереалистичны и еще по двум причинам. Во-первых, такая реформа была бы равнозначна умалению универсального характера ООН, которая должна учитывать в своей деятельности интересы всех групп стран-членов, а НМЭП в своем современном виде еще далеко не равнозначен подлинной перестройке международных экономических отношений на справедливой, демократической основе. Во-вторых, предлагаемая реформа мотивируется необходимостью расширения компетенции существующих учреждений ООН и создания новых, хотя, как неоднократно подчеркивали в ООН делегации стран социализма, главным путем повышения действенности этой организации является прежде всего обеспечение исполнения странами-членами принятых решений и усиление эффективности работы уже существующих органов. Умножение же их лишь усилило бы и без того имеющий место в ООН параллелизм функций и деятельности различных ее звеньев, удорожило бы работу ООН, что неизбежно усложнило бы проведение здесь любых переговоров.

В свою очередь, многие явления противоречивости и непоследовательности в программе НМЭП и тактике развивающихся стран в борьбе за ее реализацию коренятся во все том же противоречии

вом единстве общности и многообразия развивающегося мира, в процессах дифференциации, проходящих как в этом мире в целом, так и внутри отдельных стран.

НМЭП и „группа 77“ как зеркало общности и различий развивающегося мира

Как уже указывалось в первой книге данной серии, общность и единство развивающихся стран в борьбе за НМЭП вытекает из общности их исторических судеб и задач, того особого места, которое они занимают в капиталистической системе хозяйства. Однако по мере социального развития и социальной дифференциации в этих странах вопрос об их отношении к НМЭП все чаще встает уже не в общенациональном, а в классовом ракурсе, как определение отношения к НМЭП различных классов внутри самих развивающихся стран.

Что касается формирующегося рабочего класса, то его позиция в отдельных странах определяется достигнутой степенью классовой зрелости рабочего движения. Однако в целом рабочее движение выступает за последовательное претворение в жизнь положений НМЭП, но рассматривает его не как конечную цель, а лишь как этап в борьбе за свои права и требует дополнения перестройки системы внешнеэкономических связей прогрессивными внутренними преобразованиями в интересах всего народа. И хотя определенная часть этого движения все еще находится под влиянием религиозных, утопических, националистических идей, а в последнее время и под влиянием усиливающейся здесь пропаганды идей западной социал-демократии, его отношение к НМЭП все более определяется осознанием необходимости сочетания борьбы против иноземной эксплуатации с борьбой против эксплуатации вообще.

Пока трудно говорить о наличии каких-либо стройных воззрений в отношении НМЭП у крестьянства, которое остается наиболее бедной, забитой и неорганизованной частью населения развивающихся стран, ограниченной к тому же локальным видением общенациональных, а тем более международных проблем. Оно оказывает лозунгам НМЭП поддержку в той части, в которой оно с ними знакомо, причем упор при этом делается на преодоление нищеты сельского населения и стабилизацию доходов производителей экспортных сельскохозяйственных товаров. В целом же кристаллизация его отношения к НМЭП идет рука об руку с преодолением патриархальности и классовым расслоением в деревне.

Наконец, весьма специфична позиция в отношении НМЭП местной буржуазии и сословно-бюрократической элиты. В том виде, в котором эта программа существует ныне, и при локализации ее применения сферой чисто внешнеэкономических связей она несет им наиболее близкие и непосредственные выгоды. Прежде всего в их руки (если не считать государственной казны) будет попадать основная часть возросших экспортных доходов и концессионных

платежей. Кроме того, западные меры по содействию развитию способствуют росту числа местных предпринимателей, что и является целью значительной части торгово-экономических уступок империалистических государств. Буржуазия и бюрократическая элита в странах капиталистической ориентации заполняет и часть тех хозяйственных сфер, которые образуются при уходе или отеснении иностранного капитала. С ними же этот капитал ищет партнерства, когда в его цели входит внешняя, фиктивная «национализация» своих операций.

Участие в борьбе за НМЭП дает этим слоям и определенный внутрисполитический выигрыш, так как позволяет относить вину за непреодоленную отсталость за счет исключительно внешних факторов, а часть дополнительных доходов от НМЭП обратить на цели социального маневрирования.

Разумеется, и в этих формах действия национальной буржуазии направлены против империализма, однако лишь как против более сильного конкурента, а не социального антипода, в чем и сказываются сущность и пределы прогрессивности национализма буржуазии угнетенных наций. НМЭП в его современном виде не подрывает условий капиталистической и докапиталистической эксплуатации внутри развивающихся стран, не несет непосредственной угрозы сословно-имущественным привилегиям. Именно поэтому во многих редакциях и толкованиях НМЭП упорно игнорируется тема взаимосвязи с внутренними прогрессивными преобразованиями, обходится классовая полярность двух групп развитых стран, огульно зачисляемых в «богатый Север».

Буржуазия и элита стараются перерастания антиимпериалистического движения в антикапиталистическое, демократизации его рядов, перехода инициативы в осуществлении конкретных акций в руки социально-политического авангарда национально-освободительного движения.

Вместе с тем такие ограниченные цели и соответствующие им стратегия и тактика отнюдь не остаются незамеченными, они все более перерастают в развивающихся странах в самостоятельный вопрос внутренней политики и борьбы идей, становятся объектом острой критики прогрессивных сил. «Важный урок опыта развития стран состоит в том, что вливание внешних ресурсов в существующую социальную структуру неравноправия и несправедливости лишь укрепляет эту структуру, препятствует развитию, — отмечает индийский профессор С. Пармар. — Не являются ли внутренние политико-экономические отношения во многих наших странах поразительным примером несправедливости, концентрации социально-экономической и политической власти в руках привилегированного меньшинства? Многие из наших обществ характеризует странная комбинация традиционализма, феодализма, остатков колониальных ценностей и нового милитаризма. Конечно, необходимо разоблачать международную несправедливость и бороться с ней. Но не будет ли огромным злоупотреблением доверием наших народов, обездоленного большинства, от чьего имени мы вы-

ставляем напоказ наш радикализм, если поборники международной справедливости на международных форумах будут оставаться защитниками социального статус-кво внутри своих собственных стран? Поэтому независимо от того, что происходит на мировом уровне, процесс радикальных социальных преобразований должен идти и в наших странах и, более того, стать тем краеугольным камнем, на котором единственно возможно воздвигнуть здание справедливости в международных отношениях» [290, с. 205].

Известный африканский экономист Самир Амин также считает, что программа НМЭП имела бы совсем иное звучание, если бы логика ее построения была обратной, а именно сначала ставились задачи «внутреннего развития в общенародных интересах» и лишь затем и на этой базе — преобразования мирового порядка в направлении, способствующем достижению этих задач. Подчеркивая объективную неспособность местной буржуазии решать проблемы самостоятельного национального развития, Амин предостерегает против превращения НМЭП «в стадию развития капитализма» в этих государствах [185, с. 13, 17].

На эти же обстоятельства неоднократно обращали внимание исследователи-марксисты развивающихся стран. В частности, международная исследовательская группа, созданная при журнале «Проблемы мира и социализма», пришла к выводу, что программа НМЭП лишена последовательно классового содержания, что внешнеэкономические отношения искусственно оторваны в ней от внутриэкономических, а экономические аспекты развития — от социальных [154, с. 18—21].

Таким образом, прогрессивные силы развивающихся стран — в том, что касается НМЭП, вынуждены вести постоянную борьбу на два фронта: против внутренних эксплуататорских классов и против сил империализма и неоколониализма. Однако пока эта борьба дает общенародно доступные плоды лишь в странах социалистической ориентации и в ряде государств с прогрессивными политическими режимами. В других же странах в интересах и в угоду национальной буржуазии и сословно-бюрократической элите этот «двойной стандарт» внешнего и внутреннего курса правящих кругов сохраняется, что и предопределяет главную слабость программы НМЭП в ее современном виде.

Более того, из этой внутренней противоречивости и непоследовательности на национальном уровне вытекает противоречивость и непоследовательность внешняя, ибо НМЭП как коллективная платформа неизбежно выступает как «равнодействующая» политических курсов отдельных стран, отсекающая отклонения от нее, в том числе нередко и отклонения в прогрессивную сторону. В итоге коллективная дипломатия развивающихся стран оказывается социально аморфной как по целям, так и по методам своей деятельности. Это находит свое выражение, как уже указывалось, в сепаратном характере требований, ограничивающих глобальные нужды перестройки международных экономических отношений интересами одной группы стран, в «деполитизации» тематики переговоров,

конформизме как методе достижения решений, неравноправии при распределении благ от полученных уступок внутри отдельных стран, да и между ними.

Это последнее обстоятельство коренится в том, что на мировом рынке многие развивающиеся страны и их группы выступают не только как антиподы в выборе пути развития, но и как конкуренты на соответствующих товарных и денежных рынках. Например, во время переговоров по «интегрированной программе по сырью» они выступали единым фронтом лишь в требованиях о создании «Общего фонда», тогда как при переговорах по заключению индивидуальных товарных соглашений (например, джут, олово) разбивались на группы экспортеров и импортеров, причем последние нередко объединялись в единый блок с импортерами развитых стран.

НМЭП несет на себе ту же печать непоследовательности по отношению к проблемам войны и мира, что и ранее рассмотренные позиции движения неприсоединения. Наконец, поскольку, в трактовке «группы 77», НМЭП должен распространяться на отношения развивающихся государств со всем внешним миром, то многие его конкретные положения идут в русле все той же концепции «богатый Север» и «бедный Юг», к империалистическим и к социалистическим странам предъявляются равнозначные требования, несмотря на коренную противоположность их общественных систем и практики торгово-экономического сотрудничества. Естественно, что все эти факторы в конечном счете лишь ослабляют способность развивающихся стран добиваться своих целей, что наглядно демонстрирует вся история многосторонних переговоров по НМЭП в последние годы.

Мера единства и противоположности интересов развивающихся стран и тактики их отстаивания наглядно проявляется в деятельности «группы 77», которая является орудием их коллективной экономической дипломатии в борьбе за НМЭП. Исторически возникнув в период подготовки и проведения I сессии ЮНКТАД и названная так по числу своих тогдашних стран-участниц, эта группа стала затем организационно-тактическим объединением развивающихся стран во всех органах ООН, форумом разработки и инструментом отстаивания их коллективных программ и требований в ходе международных переговоров. Группа работает в тесном контакте с движением неприсоединения, хотя членство в ней гораздо более широкое и не обусловлено ничем, кроме уровня развития и согласия самой группы на прием новых членов. В настоящее время в ее состав входят 129 стран, т. е. все страны Азии, Африки, Океании и Латинской Америки (кроме Японии, КНР, ЮАР, Австралии, Новой Зеландии и Израиля), а также Кипр. При переговорах по конкретным вопросам с группой нередко блокируются менее развитые страны европейского Средиземноморья (Турция, Греция, Мальта), а также Португалия. Из социалистических стран в группу входят КНДР, Куба, Лаос, Румыния и Югославия.

Кредо деятельности группы было сформулировано еще на

I сессии ЮНКТАД. «Развивающиеся страны, — говорилось в их совместной декларации по итогам сессии, — твердо убеждены в том, что жизненно необходимо сохранять и еще более укрплять их единство в последующие годы. Оно является незаменимым инструментом закрепления новых взглядов и новых подходов в международной экономической сфере... С этой целью они предпримут все возможные меры для расширения взаимных контактов и консультаций, с тем чтобы определить общие цели и сформулировать совместные программы действий в области международного экономического сотрудничества [298, с. 64—68].

Высшим органом группы являются сессии, созываемые на уровне министров стран-членов и предшествующие крупным международным экономическим конференциям, прежде всего сессиям ЮНКТАД. Таковыми были сессии в Алжире (1963 г.), Лиме (1971 г.), Маниле (1976 г.), Аруше (1979 г.) и Буэнос-Айресе (1983 г.), на которых принимались соответствующие программные декларации, основные положения которых затем вносились на рассмотрение ЮНКТАД в виде тематических резолюций. На них же определялись страна-спикер, призванная говорить в ООН от имени всей группы, и спикеры по отдельным проблемам. В перерыве между сессиями консультации и выработка совместных позиций происходят путем постоянных контактов представителей стран — членов «группы 77» при основных международных организациях: ООН в Нью-Йорке, ЮНКТАД, МОТ, ВОЗ и ГАТТ в Женеве, ЮНИДО в Вене, ФАО в Риме, ЮНЕСКО в Париже. Внутри каждой из этих групп выделены страны, отвечающие за конкретную тематику переговоров, для которых они готовят предварительные варианты коллективных позиций и выступают по ним впоследствии как спикеры. Большую роль в работе «группы 77» играют и региональные экономические комиссии ООН на развивающихся континентах, где регулярно готовятся региональные сообщения по обсуждаемым вопросам. «Группа 77» не имеет постоянного секретариата или юридического статуса, однако членство в ней подразумевает достаточно жесткую дисциплину в выполнении совместно принятых решений, причем как в ходе дискуссий, так и особенно при голосовании в ООН. Спикеры группы на переговорах обязаны строго следовать рамкам данных им мандатов и дополнительно запрашивать мнение пленума группы по всем вариантам решений, выходящих за этот мандат. Содержание внутригрупповых дискуссий рассматривается как конфиденциальное и не подлежащее разглашению (подробнее см. [152]).

Коллективные методы ведения экономической дипломатии позволили освободившимся странам добиться ряда несомненных успехов. Впервые были разработаны комплексные программы их требований и задач, к которым кроме НМЭП можно отнести Лимскую декларацию ЮНИДО 1972 г. (сформулировавшую долгосрочные цели и средства их индустриализации), Стратегии развития на II и III Десятилетия развития ООН. «Группа 77» коренным образом изменила весь механизм многосторонних переговоров в

ООН, сведя его к диалогу трех групп стран (страны ОЭСР — «группа Б», социалистические страны Восточной Европы — «группа Д», вместе с которой выступает Монголия, и «группа 77»)³, что упростило эти переговоры и сделало их более эффективными. Эта группа, прочно заняв позицию противовеса «традиционным» центрам принятия решений, контролируемым монополистическим капиталом, организует общую поддержку интересов своих региональных звеньев в их конфликтах с Западом. «Мы, маленькие рыбки, — заявил один из представителей развивающихся стран в интервью „Нью-Йорк таймс мэгэзин“, — можем теперь говорить как киты». Удивительно, продолжает журнал, «что все эти страны от крайне левых до крайне правых могут действовать так единодушно» [357, 16.12.1979].

Действительно, до сих пор «группе 77» удается в целом противостоять попыткам ее раскола, сохранять единство и дисциплину внешних акций. В свою очередь, это позволило «группе 77», прежде всего в тех случаях, когда она действовала в контакте с «группой Д», провести в ООН такие важные решения, как решение о самом НМЭП, принятие Хартии экономических прав и обязанностей государств, общей системы преференций, «Кодекса поведения» линейных судоходных конференций, Конвенции по использованию Океана и морского дна, Свода правил по борьбе с ограничительной деловой практикой, программ действий Венской конференции ООН по науке и технике (1979 г.) и III Генеральной конференции ЮНИДО (1980 г.). Были расширены и практически переориентированы на нужды развивающихся стран программы помощи, администрируемые ООН. Коллективная дипломатия обеспечила развивающимся странам стабильное абсолютное большинство голосов практически во всех нефинансовых органах ООН. Наконец, деятельность группы послужила центром притяжения интеллектуальных сил развивающихся стран, способствовала выработке ряда типовых моделей и решений, воспроизведенных этими странами в процессе совершенствования своего национального законодательства и освобождения его от пережитков колониального правопорядка, т. е. укреплению основ их государственности.

Вместе с тем «группа 77» и вся ее деятельность несут на себе все тот же отпечаток внутренней социально-политической неоднородности массива развивающихся стран, еще более усугубляемой конкретными торгово-экономическими противоречиями между ними. Это делает «внутреннюю дипломатию» при выработке общих позиций группы нередко значительно более сложным делом, чем отстаивание принятых общих позиций в ООН.

Противоречия возникают уже при консультациях развивающихся стран внутри отдельных регионов, когда «некоторые из них считают, — как отмечал суданский политический деятель А. Сахлоол, — что у них больше оснований вести за собой соседей по пути, который они предпочитают и который, по сути дела, отражает их собственные интересы» [279, с. 6]. Например, при подготовке общей позиции освободившихся стран на Конференции ООН

по морскому праву во всех четырех региональных экономических комиссиях развивающихся континентов возникли трудно примиримые противоречия между внутриконтинентальными и прибрежными странами. Не менее трудно бывает достичь компромиссов и между региональными группами, ибо характер и очередность проблем развития для них далеко не одинаковы. Страны Азии и Латинской Америки озабочены прежде всего ослаблением бремени задолженности и расширением экспорта готовых изделий, тогда как африканцев волнуют прежде всего льготы в пользу наименее развитых стран и проблемы сырья. Все более резкой становится критика деятельности ОПЕК в группе, ибо большинство ее стран-членов считают рост нефтяных цен одним из главных факторов ухудшения платежного баланса и «забвением солидарности». Об этом, в частности, говорили даже не в группе, а открыто, с трибуны Генеральной Ассамблеи представители таких стран, как Бангладеш, Бразилия, Заир, Пакистан, Таиланд, Танзания, Филиппины. Долгое время не удавалось достигнуть соглашения по общей системе преференций из-за того, что африканские государства не хотели терять своих прежних особых льгот при импорте в ЕЭС, тогда как Азия и Латинская Америка считали такую систему сепаратных преференций дискриминационной (см. [320]). Равным образом каждая отдельная страна «группы 77» стремится, как подчеркивал Э. Обминский, «не упустить своих преимуществ и не растворить их в общих привилегиях для всех развивающихся стран» [153, с. 86].

Действительно, баланс льгот, полученных «группой 77» от развитых стран, распределяется среди них пока весьма неравномерно и в целом благоприятен для относительно более развитых и «новых индустриальных стран». Прежде всего в пользу последних действуют общая система преференций, кодекс по линейным конференциям, схемы компенсационного финансирования, большинство товарных соглашений. И наоборот, минимум реальных преимуществ получили пока наименее развитые страны, вплоть до того, что на специальной Конференции ООН по выработке льгот в их пользу (1981 г.) вообще с трудом удалось использовать «группу 77» как переговорный инструмент, ибо на этой конференции страны первой категории оказались противопоставленными наименее развитым.

В этих условиях почти перед каждой крупной международной конференцией появляются сообщения о «кризисе» и даже «распаде» группы. Нередко фактическое начало работы этих конференций задерживается, ибо отдельные фракции группы начинают ревизовать заранее согласованные позиции при внесении конкретных резолюций (это имело место, например, на ЮНКТАД-V в Маниле). В итоге, если при согласовании общих позиций внутри «группы 77» центр тяжести этой позиции обычно бывает смещен в сторону радикализма требований, в конкретных переговорных документах, не говоря уже о финальных компромиссах, этот центр сплошь и рядом смещается к реформизму, в чем ясно про-

слеживается роль империалистической дипломатии, неизменно направленной на раскол «группы 77» (см. подробнее в главе девятой). Однако тенденция к единству действий развивающихся стран в международных экономических организациях является ныне преобладающей и, очевидно, сохранится таковой и на длительное время впредь. «Мы должны сохранить и усилить наше единство, — подчеркивал президент Танзании Дж. Ньерере. — Мы должны обеспечить, чтобы наши голоса звучали как один и чтобы никто из нас не заключал сепаратных двусторонних и многосторонних сделок, которые ослабляют общую переговорную позицию» [187, с. 5]. Такой курс на сохранение и упрочение единства в борьбе с империализмом поддерживает весь прогрессивный авангард «группы 77».

Принципиальная позиция социалистических стран по вопросам НМЭП была подробно изложена в их совместных заявлениях на ЮНКТАД и ЮНИДО. В полной преемственности со всей историей борьбы социалистической дипломатии за перестройку международных экономических отношений на справедливых, равноправных началах, исходя из естественного союза социализма и национально-освободительного движения в борьбе с империализмом, они поддерживают прогрессивные положения программы НМЭП, отражающие законные требования развивающихся стран и идущие в русле демократизации международных отношений и экономической деколонизации. «В середине 70-х годов бывшие колониальные страны поставили вопрос о новом международном экономическом порядке, — отмечалось на XXVI съезде КПСС. — Перестройка международных экономических отношений на демократической основе, на началах равноправия исторически закономерна. Здесь многое может и должно быть сделано. Но, конечно, нельзя, как это иногда делают, сводить вопрос просто к различиям между «богатым Севером» и «бедным Югом». Мы готовы содействовать и на практике содействуем установлению справедливых международных экономических отношений» [54, с. 15].

Вместе с тем Советский Союз и другие страны социализма отнюдь не ограничиваются в этой области одной лишь реакцией на предложения других стран. В своей борьбе за нормализацию международной торговли и стремлении содействовать экономической деколонизации они выдвигают собственную концепцию перестройки международных экономических отношений на справедливой, демократической основе, более универсальную, чем НМЭП, и идущую в русле магистральных тенденций современного мирового развития.

Эта концепция исходит из того, что, во-первых, такая перестройка происходит в мире, разделенном на две противоположные общественные системы, а это требует прежде всего безусловного признания и последовательного обеспечения равноправия в этом процессе социалистической системы собственности, учета в нем опыта реального социализма, отказа от любых форм игнорирования или дискриминации интересов социалистических стран.

Во-вторых, практическая реальность перестройки может быть обеспечена только в условиях мира, обеспечения доверия между государствами, разрядки и приостановки гонки вооружений, так как, создавая для этого благоприятный политический климат, разрядка позволила бы к тому же направить на цели развития часть средств, высвободившихся в результате экономии на военных бюджетах, создала бы новые рынки для продукции развивающихся стран (см. главу седьмую).

В-третьих, очевидно, что масштаб требований такой перестройки нельзя ограничивать, как это иногда делается, исключительно взаимоотношениями между развивающимися и империалистическими странами. Известные проблемы, ждущие решения и вырастающие из той же политики империализма, существуют и в торговле Восток—Запад. Поэтому конструктивным в перестройке международных экономических отношений может быть прежде всего универсальный подход, охватывающий не какие-то отдельные, изолированные, а все направления современных международных экономических и научно-технических отношений в их взаимной связи.

В-четвертых, сказанное отнюдь не умаляет необходимости учета при такой перестройке специфических проблем развивающихся стран. Поэтому и сам этот процесс должен развиваться в русле расширения сферы и углубления экономической деколонизации, укрепления суверенитета развивающихся стран над их природными ресурсами и экономической деятельностью, борьбы за изменение их неравноправного положения в мировой капиталистической системе хозяйства, предоставления освободившимся странам определенных льгот в торговле, способствующих развитию, содействия их мерам по преодолению гипертрофированной зависимости от рынков развитых капиталистических стран, в том числе на путях взаимного сотрудничества этих стран, расширения и упрочения их хозяйственных контактов с мировой системой социализма.

Именно здесь могут найти свое место многие конструктивные элементы и прогрессивные положения НМЭП, программы «коллективной опоры» развивающихся стран на собственные силы, их региональной интеграции. При этом, по убеждению социалистических стран, перестройка международных экономических отношений на данном конкретном их участке имеет не только чисто экономическое, но и общеполитическое всемирное значение. «Одним из фундаментальных факторов экономической стабильности и оздоровления международного политического климата является ликвидация слаборазвитости, постепенное сокращение разрыва в уровне экономического развития, обеспечение условий для гармоничного роста международных связей в области экономики, науки, техники, — подчеркивалось в Политической декларации государств—участников Варшавского Договора от 5 января 1983 г. — В этой связи участники совещания подтверждают свою позицию в пользу перестройки международных экономических отношений на спра-

ведливой и демократической основе, установление нового международного экономического порядка» [337, 7.01.1983].

В-пятых, эффект любой такой перестройки, включая и НМЭП, будет наибольшим лишь тогда, когда ее плоды будут поступать в распоряжение всего населения, а не его привилегированных групп, и потому любые внешнеэкономические реформы, в частности в освободившихся странах, должны дополняться также и проведением в них демократических внутренних преобразований в интересах всего народа.

В-шестых, совершенно очевидно, что как разработка, так и осуществление перестройки международных экономических отношений должны быть прерогативой исключительно суверенных государств, а не частного международно-оперирующего капитала, ибо только так можно обеспечить в ее ходе национальные интересы государств, при подчинении им частных коммерческих интересов ТНК.

Наконец, как в концептуальном, так и в практическом плане подобная перестройка несовместима с эклектической, надуманной концепцией «Север—Юг», совершенно неправомерно ставящей на одну доску империалистические и социалистические государства, хотя в современном мире существуют не только эти две противоположные социально-экономические системы, но и два принципиально различных типа отношений с развивающимися странами (см. главу восьмую).

Основанная на историческом опыте мирового социализма, нацеленная на укрепление его союза с национально-освободительным движением, на решение глобальных проблем человечества, эта концепция приобретает все больше сторонников.

Глава шестая

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РАЗВИВАЮЩИМИСЯ СТРАНАМИ

Степень общности и дифференциации развивающихся стран, как в зеркале, отражается в их межгосударственных отношениях друг с другом. События на этом политическом театре во многом влияют на коллективную дипломатическую дееспособность развивающихся стран, показывают степень зрелости их государственности. Более того, многие из этих событий — будь то мероприятия по взаимному сотрудничеству или, наоборот, локальные конфликты — приобретают подчас достаточно широкий международный резонанс, генерируют проблемы уже не региональной, а всемирной политики.

И хотя в ряде предыдущих глав и разделов названные проблемы уже получили свое частичное освещение, сохраняется необходимость в целевом и специальном исследовании политических и экономических взаимоотношений между развивающимися странами, чему и посвящена настоящая глава.

Специфика межгосударственных отношений

Начиная анализ, следует сразу же оговориться, что для абсолютного большинства развивающихся стран — и по экономическим, и по военно-политическим причинам — отношения вне их массива, т. е. с империалистическими или социалистическими странами, являются пока гораздо более важными, чем взаимоотношения со своими соседями, не говоря уже о странах более отдаленных регионов развивающегося мира.

Однако и на этом фоне складывающиеся в нем межгосударственные отношения приобретают ныне все большую важность, во-первых, ввиду необходимости выработки и проведения согласованной политики в рамках движения неприсоединения и «группы 77» и, во-вторых, вследствие усиления значимости субрегиональных и региональных взаимосвязей как в плане сотрудничества и интеграции, так и в плане регулярно возникающих здесь конфликтов, число которых за годы независимости уже составило около ста.

Закономерно возникает вопрос: под влиянием каких главных факторов складываются отношения между самими развивающимися государствами?

Прежде всего это, безусловно, крах колониальной системы, коренное изменение соотношения мировых классовых сил. Освобождение от колониального гнета обусловило возникновение у этих стран собственной дипломатии как таковой, а рост влияния мировой системы социализма и климат разрядки создали условия для проведения ими независимой внешней политики, способной противостоять империалистическому диктату и отвечающей национальным интересам. В этих условиях у государств бывшей колониальной периферии появилась и свобода внешнеполитического маневра, возможность отказа следовать в фарватере империалистической политики.

Так, пример Индии, Алжира, Замбии, Мексики, Сирии и ряда других стран показал возможность для страны, находящейся в капиталистической системе хозяйства, проводить стабильную независимую национальную внешнюю политику, руководствоваться в международных вопросах собственными интересами и интересами развивающегося мира в целом. Пример Египта времен Насера наглядно продемонстрировал, что даже прежде отсталая страна, зависящая от Запада в хозяйственном и военном плане, в состоянии открыто противостоять диктату и агрессии империализма, бросить ему вызов, найти альтернативные источники получения средств для развития и для укрепления обороноспособности. «Примите во внимание всю деликатность баланса сил... между СССР и США, добавьте сюда зависимость ключевых наций от ресурсов сырья, расположенных в менее развитом мире, — пишет американский политолог П. Габриэль, — и тогда станет ясно, почему правительства таких стран, как Ливия, Алжир, Перу или Гайана, могут себе позволить проводить гораздо более суверенную поли-

тику, чем та, на которую они могли осмелиться в эпоху канонеров, морской пехоты или наемных легионеров» [232, с. 9].

Налицо, однако, и иной, империалистический фактор, действующий в противоположном направлении. Внешняя, в том числе взаимная, политика развивающихся стран является во многом «заминированной» колонизаторами в том смысле, что, уходя, они сумели во многих случаях привести к власти заранее подготовленную прозападную элиту, которая до сих пор (несмотря на смену лиц и правительств) удерживает свои позиции в значительном числе стран. Именно эта элита воплощает в себе политическую силу, направленную против прогрессивных режимов, на раскол и конформистское перерождение коллективной дипломатии развивающихся стран. Более того, часть ее, по определению С. Амина, «перестает быть национальной и превращается в подчиненного союзника империализма», даже если она подчас «бунтует и требует нового статуса» или формально прикрывается флагом неприсоединения [189, с. 88].

Это прозападное влияние регулярно воспроизводится ТНК, сохраняющими во многих развивающихся странах контроль над основными командными высотами их экономики и активно вторгающимися в местные «коридоры власти». Располагая немалыми возможностями воздействовать на политическое поведение правящих кругов (см. подробнее в главе девятой), «они становятся порой не менее важными действующими лицами на международной арене, чем сами национальные государства», манипулируют внешней политикой принимающих развивающихся стран, наглядным свидетельством чего был саботаж Чили в Андском пакте и до сих пор является «особая политики» Малави в отношении ЮАР [255, с. 17].

Наконец, во многих регионах развивающегося мира сохранились семена раздора, намеренно посеянные колонизаторами. «Конфликты между развивающимися странами, — отмечал сотрудник Центра стратегических и международных исследований в Джаркарте Ю. Вананди, — возникают ввиду территориальных споров, которые зачастую коренятся в искусственно проведенных границах колоний или же в традиционных этнических расприх, оставшихся еще с доколониальных времен» [195, с. 17]. Наиболее известными примерами в этом смысле могут служить кашмирская проблема, более 30 лет омрачающая взаимоотношения Индии и Пакистана, и проблема Западной Сахары.

На многих территориях колониальные власти сознательно опирались на отдельные «привилегированные» племена или религиозно-этнические группы, дискриминируя другие (Нигерия, Бирма, Руанда, Кения, Уганда, Филиппины и т. д.). После завоевания независимости подобные ситуации стали источником дополнительной напряженности, привели к серьезным конфликтам. Достаточно сказать, что только в Африке конфликтные внутриполитические ситуации, имеющие в своей основе этнические, расовые или религиозные причины, имеют ныне место в Заире, Нигерии, Руанде, Бурунди, Танзании, Кении, Уганде, Замбии, Дагомее, Гане, Чаде,

Либерии, Берега Слоновой Кости, Габоне, Мадагаскар, Нигере, Сомали, Мавритании; в Азии — в Таиланде, Бирме, Сингапуре, Малайзии, Индонезии, Индии, Пакистане, на Тайване, Цейлоне и Филиппинах; на Ближнем и Среднем Востоке — в Иране, Судане, Ливане, Ираке, Египте, Йемене; в Латинской Америке — в Бразилии и Гайане. И если в таких развивающихся странах, как, например, Эфиопия, Афганистан, Конго, Алжир [218, с. 353], эти проблемы решаются на основе провозглашения равенства всех народностей и последовательного демократизма и помощи отсталым районам, с учетом исторического опыта многонационального Советского государства, то во многих других государствах Азии и Африки они сплошь и рядом становятся питательной почвой для сепаратизма или империалистического вмешательства во внутренние дела.

Проводя все ту же политику «разделяй и властвуй», неокOLONиалисты пытаются превратить соперничающие племена или религиозные общности в опору своей экспансии, заставить их искать внешних империалистических союзников. В итоге затрудняется процесс национальной и политической консолидации молодых государств, и, хотя подобные интриги далеко не всегда приносят успех, часть этих государств или расово-этнических элит, удерживающих (или захватывающих) в них власть, оказывается на положении «клиентов» Запада, во многом лишается возможностей проводить самостоятельную внешнюю политику, идущую вразрез с империалистическими интересами.

Далее, серьезным фактором, влияющим на формирование внешней политики многих развивающихся стран, является сама специфика становления в них государственности. В силу отсутствия у большинства правящих режимов этих стран широкой социальной базы, консолидировавшейся в класс, в частности буржуазный, они зачастую остаются на положении неформальной элиты, которая, хотя она и опирается на государственный сектор экономики, не в состоянии преодолеть внутреннюю социально-политическую нестабильность.

Такая особенность национального политического процесса прямо влияет и на внешнюю политику. В применении к взаимоотношениям внутри массива развивающихся стран она, как вариант, зачастую воплощается в последовательную оппозицию их правящих кругов любым левым течениям и режимам, в которых они видят себе альтернативу, а следовательно, и опасность. Именно такие страны, в частности, заняли в ОАЕ позиции, враждебные МПЛА, во время ангольского кризиса, воспротивились признанию ОАЕ Сахарской Арабской Демократической Республики. Однако за пределами подобной «последовательности» нестабильность их внутренней политики находит свое прямое продолжение во внешней. Как отмечал американский исследователь Дж. Эткинс, «политическая нестабильность — это и источник, и выражение слабости... политически нестабильные государства менее сплочены в международных вопросах... поглощенные внутренними проблема-

ми, они придают внешней политике относительно меньшее значение» [190, с. 31].

Конкретно у них обычно нет возможности фундаментально, на долгий срок планировать внешнюю политику, заключать стабильные союзы, преследовать долговременные цели. Нередко каждая очередная смена правительства влечет за собой дезавуирование новым правительством своих предшественников, пересмотр внешних обязательств. Соответственно и другие государства не придают большого значения соглашениям, подписанным с правительством хронически нестабильной страны. В этих условиях внешнеполитические отношения между развивающимися странами нередко приобретают конъюнктурный, прагматический характер, а их союзы и коалиции оказываются кратковременными, неэффективными на деле.

Разумеется, подобная нестабильность также исторически проходяща, равно как она не является и фатально predetermined для всех без исключения развивающихся стран¹. В государствах, образованных сложившимися нациями, обретающих внутреннюю устойчивость на основе сплочения широких народных сил или же имеющих демократические традиции во внутренней политике, такая тенденция успешно преодолевается. Однако пока что большинство развивающихся государств проявляют солидарность и блокируются лишь по принципиальным международным или крупнейшим региональным проблемам, тогда как их двусторонние взаимоотношения пронизаны прежде всего прагматическим подходом и далеко не всегда основываются на осознании какой-либо социально-политической общности.

Как представляется, объяснение феномена нестабильности в отношениях и конфликтов между такими странами следует искать кроме противоречий, имманентно возникающих между национальными отрядами их буржуазии (как одной из «внешнеполитических» издержек ее существования и развития), в специфике становления государственности, особенно остро проявляющейся в первые годы суверенитета. Ее не следует смешивать с фактором чисто национальным или этническим. Жизнь показывает, что этническая близость или даже родство также не гарантирует союзных или даже нормальных межгосударственных отношений. Арабы, живущие в Сирии, Иордании и Ираке, очень мало отличаются друг от друга в национально-этническом плане и даже обладают некоторыми признаками единой нации. Тем не менее мало кто решится предсказать создание устойчивого союза между ними. Аналогично в Тропической Африке также имеются примеры вражды между государствами, в пределах которых проживают одни и те же племена. Речь в данном случае идет о другом, а именно о своеобразном «государственном национализме».

Когда образуется новое государство, возникает новый общественный организм со своими внутренними законами, собственной логикой развития. Эта логика, в частности, заключается в том, что, чем далее, тем менее важно, насколько гомогенным и исторически

логичным в этническом, историческом, экономическом или географическом отношении является этот государственный организм.

Раз возникнув, такое государство проявляет сильнейшее стремление к самосохранению, противится любому изменению своего статуса, особенно слиянию или раздроблению. «Так как государство, — отмечает эксперт фонда Карнеги Б. Блехман, — представлено в международных делах его режимом, последний превращает свое самосохранение в синоним национальной безопасности» [195, с. 62]. Появляется соответствующий аппарат управления, заинтересованный в консолидации, упрочении, увековечении собственной государственности, в закреплении своих суверенных привилегий. Соответственно определяется и система взаимоотношений с соседями, одни из которых оказываются «полезными» с точки зрения сохранения и укрепления новой государственности, тогда как другие потенциально угрожают ее существованию или стабильности. В отношении этих последних возникает стимул дружить уже не с соседом, а через соседа, получить какие-то гарантии и поддержку извне, т. е. стимул к проведению государственно-националистической внешней политики, мало разборчивой в выборе потенциальных союзников, что в итоге может добавлять к староколониальным причинам конфликтов их новые поводы.

Одновременно подобный «государственный национализм» имеет и другой аспект, хотя и внутренний по своей направленности, но в конечном счете непосредственно влияющий на внешнюю политику. Там, где молодые государства населены различными этническими группами, агрегированными воедино лишь старым колониальным управлением, между ними также могут возникать опасные внутренние конфликты, вызываемые локальным национализмом и сепаратистскими устремлениями.

Разумеется, любое государство может успешно существовать и как многонациональное. Однако лишь в том единственном случае, когда оно проводит научно обоснованную национальную политику, опирающуюся, по В. И. Ленину, на последовательный демократизм [21, с. 132, 137—138], добровольный союз свободных народов [40, с. 43]. Такая политика вырабатывается и проводится в освободившихся странах социалистической ориентации, в государствах с прогрессивными режимами, но в полиэтнических странах государственно-национального толка, особенно тех, которые следуют по капиталистическому пути, нередко преобладает иной подход.

Административный или этнический (религиозный) центр может начать подавлять местный национализм, культивировать великодержавие, ассимиляцию. Как вариант, этот центр начинает воспитывать людей в духе приверженности не к своей этнической или религиозной группе, а к государственной надстройке, отождествляемой с понятием единой нации. Другими словами, нация создается искусственно, «под государство». Но этот курс, позависимый в известной мере у многонациональных переселенческих колоний, чрезвычайно сложен и далеко не всегда успешен,

коль скоро речь идет о многонациональном коренном населении, живущем на своей земле, а тем более если он проводится в условиях капиталистического развития.

Не имеющий собственных исторических, культурных, этнических и прочих корней, не опирающийся на дружбу местных народов, такой «государственный национализм» в итоге становится в сфере внешней политики, в том числе по отношению к соседям, сугубо прагматическим, не всегда способным правильно определить национальные интересы всей страны, хотя на них и делается подчеркнуто пропагандистский упор. За такие интересы выдаются нужды и амбиции правящих и господствующих групп, чаще всего не совпадающие с нуждами и чаяниями широких народных масс. Последние ввиду низкого уровня их общественного сознания хотя и идут за великодержавно-религиозной элитой, но делают это до определенного исторического предела, за которым следует социальный или религиозно-этнический взрыв.

Несмотря на угрозу возникновения взрывоопасных ситуаций, культивирование «государственного национализма» полезно правящим кругам. Оно позволяет канализировать недовольство населения, направлять его вовне, в русло конфронтации с нежелательным соседом. Поэтому в развивающемся мире нередки конфликты, для которых явно не существует достаточно серьезного рационального повода, а их сущность нельзя понять, если не иметь в виду, что их раздувание понадобилось правящим кругам одной (а иногда и обеих) конфликтующих стран, прежде всего для приглушения остроты их внутренних проблем, для попыток их решения за счет захвата военно-политической добычи за рубежом. Даже очевидная политическая или религиозная общность конфликтующих сторон отходит при этом подчас на задний план, равно как они делаются не слишком разборчивыми в привлечении себе союзников.

Наглядные иллюстрации плодов прагматического «государственного национализма» дает все тот же Ближний и Средний Восток, где бесчисленные зигзаги и хитросплетения межарабских отношений, возникновение и распад коалиций, альянсов, недолговечных союзов и федераций не могут быть объяснены ни в социально-политическом, ни в идеологическом, ни в религиозном плане, ни даже в контексте хронической конфронтации с Израилем (хотя все эти факторы, особенно последний, оказывали в той или иной мере влияние на взаимоотношения этих государств).

Наконец, на состояние межгосударственных отношений развивающихся стран оказывает немалое влияние и такой уже разобранный выше фактор, как сотрудничество этих государств в борьбе за их общие политические и экономические цели. Как известно, особенностью этой борьбы является наличие ее общей документированной платформы, под которой, даже в части, касающейся неприсоединения к блокам, солидарности в борьбе с колониализмом, расизмом и экономической эксплуатацией, свободы выбора пути развития, не могут ныне, без риска быть обвиненны-

ми в проимпериалистической позиции и оказаться в политической изоляции, не подписаться даже самые реакционные государственные деятели развивающегося мира.

Действительно, даже главы сугубо консервативных буржуазных правительств в Латинской Америке или диктаторы фашистского толка нередко выступают с антиимпериалистическими декларациями, понимая, что Запад это «поймет и простит», а на внутриполитической арене развивающихся стран подобная риторика может помочь им «набрать очки», поднять свой авторитет, претендовать на причастность к лидерству в движении, тем более что просто декларации мало к чему обязывают и могут сочетаться с практической политикой прямо противоположного толка. Например, бывший шах Ирана нередко позволял себе разговаривать с Западом в крайне резком, пренебрежительном и поучительном тоне; неоднократно фрондировал с ним с международной трибуны и гаитянский «папа Док» Дювалье.

Однако на отношения между самими развивающимися странами их глобальная коллективная дипломатия влияет лишь в относительно небольшой степени. Выступая единым фронтом на широкой международной арене, развивающиеся страны в более узком, региональном плане могут соперничать и враждовать, занимать полярно противоположные позиции даже в таких единых по фасаду и общим целям организациях, как, например, ОПЕК. Острые разногласия в нем постоянно возникают даже по «чисто нефтяным» вопросам (цены, квоты добычи), не говоря уже о вопросах идеологии и региональной политики. В политическом плане в развивающемся мире нет и особых групп «новых индустриализирующихся» и наименее развитых стран. Во внутренних взаимоотношениях между ними также бушуют дипломатические страсти. Таким образом, сложности становления государственности и региональных взаимоотношений сплошь и рядом оказываются сильнее общеэкономических, этнических, религиозных и даже идеологических факторов, способных, казалось бы, гарантировать этим странам добрососедство, мир, региональную общность.

Все выдвинутые выше тезисы наглядно иллюстрируются хотя бы кратким аналитическим обзором конкретных региональных ситуаций. Остановимся для начала на Юго-Восточной Азии. Страны этого региона (за исключением Индокитая и отчасти Индии и Бирмы) имеют много общего: большинство из них развиваются на капиталистической основе, создали благоприятный «инвестиционный климат» для иностранного капитала, располагают значительными природными ресурсами. Ряд из них имеет консервативные режимы, обеспокоенные развитием социально-политических процессов в Индокитае. Все это создает политическую и экономическую основу для функционирования здесь достаточно стабильного и деятельного блока — АСЕАН, охватывающего юг региона. В целом, пожалуй, данный регион можно считать наиболее однородным во всем развивающемся мире. Однако далеко не однозначно отношение стран региона к афганскому вопросу, к новому

правительству Кампучии, к военному присутствию флота НАТО в Персидском заливе, к путям демилитаризации Индийского океана. Существуют и спорные территориальные вопросы между Бирмой и Таиландом, Индонезией и Филиппинами, Индонезией и Малайзией и т. д. Однако даже Юго-Восточная Азия выглядит островом относительно стабильности по сравнению с региональной ситуацией на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Несмотря на такие, казалось бы, объединяющие факторы, как общеарабский национализм, базирующийся на разделяемом всеми странами региона постулате о единой арабской нации, и общая и влиятельная религия, разнообразие политических режимов, сект и систем, противоположность общественно-политических ориентаций, огромные различия в уровне развития, острое внутрорегиональное соперничество, наконец, непрекращающееся вмешательство империализма в арабские дела — все это делает данный регион наиболее «конфликтным», наименее однородным и сплоченным в развивающемся мире. Трудно привести пример стабильных добрососедских отношений между любыми двумя соседними странами этого региона.

Центральное место во внешней политике государств, расположенных в южной половине Африки, занимает проблема противостояния агрессии со стороны расистского режима ЮАР. Эта агрессия, вытекающая из самой сути системы апартеида, которая утвердилась в государстве, являющемся ныне одним из последних очагов колониализма и расизма, проявляется не только в оккупации Намибии и систематических нападениях на соседние страны. В арсенал подрывных действий Южной Африканской Республики, пользующейся поддержкой и покровительством США и других западных держав, входит помощь контрреволюционным бандам, орудующим на территории так называемых «прифронтовых государств», организация диверсий, провокаций и саботажа, заговоров против прогрессивных правительств.

Что же касается стран Западной Африки, то для них проблема расистского Юга хотя и признана как безусловная, но явно менее актуальна, и потому для их политики вообще вряд ли возможно подобрать какой-либо общий политический знаменатель. Здесь довлеют прежде всего отношения с ближайшими соседями, вопросы экономического сотрудничества и конкуренции, этнические факторы, учитывая то обстоятельство, что многонациональные (или многоплеменные) государства данного региона имеют в своем составе этнические группы, частично проживающие и на соседних территориях. Наиболее чувствительными «нервными узлами» здесь являются проблемы Западной Сахары и Чада.

Наконец, заметной спецификой отличаются и межгосударственные отношения стран Латинской Америки. Эти страны объединяют их общее прошлое и общий язык, а также общность задач борьбы с империалистической эксплуатацией, прежде всего со стороны монополий США. Однако в отличие от арабского мира идея единой нации, а тем более единого государства не пустила здесь серьезных корней. Поэтому «государственный национализм»

в Латинской Америке всегда оттеснял на второй план латиноамериканский национализм, проявившийся лишь в отношении наиболее общих, внешних для континента проблем. Конфликтные ситуации между этими странами в основном сводятся к старым спорам пограничного характера, оставшимся в наследство от колониальной эпохи или раннего периода независимости, когда их границы были подвижны.

На этой почве между латиноамериканскими странами возникли войны (Аргентина — Чили, Боливия — Чили — Перу, Сальвадор — Гондурас, Эквадор — Перу и др.). Однако в целом, несмотря на обилие переворотов, их государственность и гражданское общество являются более исторически опытными и зрелыми, чем где-либо в развивающемся мире, и потому здесь дальше всего зашла и экономическая интеграция, создающая, в свою очередь, базис для того, что называют «межамериканской системой» в области внешней политики, т. е. какой-то контур общей внешней политики, опирающейся на концепции регионализма. Отсюда «значительная степень сплоченности между латиноамериканскими государствами, считаящими, что межамериканская система служит их интересам, — отмечает американский политолог Дж. Аткинс, — хотя имеются и расхождения в вопросе о конкретной тактической линии, которую необходимо избрать» [190, с. 311].

Краеугольным камнем этой концепции является провозглашение необходимости развития всесторонних внутрирегиональных связей, независимо от политической ориентации участвующих в них государств. Соответственно концепция включает в себя принципы «идеологического плюрализма» и «ответственного прагматизма» — достаточно смутные, но свидетельствующие о растущем осознании общности задач стран Латинской Америки прежде всего в области экономической деколонизации. Как отмечал бывший президент Венесуэлы К. Перес, «история наших стран подтверждает, что мы не можем развиваться, не объединяясь» [214, с. 156]. Конкретизируя эту линию и с целью отмежеваться от США, в кругах ЭКЛА родилась инициатива замены прежнего тезиса о «континентальном единстве» обеих Америк на тезис о чисто «латиноамериканском единстве», опирающемся на «коллективную безопасность» в области внерегиональных связей. С 1975 г. начался процесс массового восстановления дипломатических отношений латиноамериканских государств с Кубой, хотя это и делалось «в соответствии с национальными интересами и политикой... на уровне, удобном для каждого государства» [236, с. 100]. Наконец, был согласован и договор Тлателолко, объявляющий Латинскую Америку безъядерной зоной.

Вместе с тем правительства правого толка и здесь стремятся блокироваться в первую очередь с США и с себе подобными, даже в ущерб «латиноамериканскому единству». Раздаются, в частности, призывы признать приоритет политических союзов стран Южного конуса региона над экономическими, пересмотреть «прежнюю ориентацию на создание региональных объединений торго-

го или интеграционного характера» [322, с. 143]. Ряд стран континента занял «особую позицию» даже в таком конфликте, как фолклендский. Еще больший разноречивый носитель политика отдельных стран Латинской Америки в отношении Никарагуа или конфликта в Сальвадоре.

Меняется и соотношение сил на континенте. В частности, под влиянием экономических и политических трудностей во «второй эшелон» влияния отошла Аргентина, а ее место в «лидирующей тройке» наряду с Бразилией и Мексикой заняла Венесуэла. Ослаб авторитет Перу. Центр прогрессивных преобразований сместился в Центральную Америку и Карибский бассейн. Однако в целом соперничество между латиноамериканскими государствами носит скрытый характер. Например, руководители бразильского режима вообще стараются избежать деклараций о лидерстве Бразилии на континенте, подчеркивают наличие у него общих интересов, необходимости латиноамериканской солидарности перед лицом эгоистичной экономической политики развитых капиталистических стран.

Этот мотив звучит все более сильно в обстановке, когда центр тяжести антиимпериалистической борьбы народов Латинской Америки, как и большинства других развивающихся стран, все больше перемещается в сферу экономики. Не случайно по мере того, как борьба за новый международный экономический порядок занимает все более важное место в движении неприсоединения, растет и удельный вес, и влияние Латинской Америки в этом движении.

Другими словами, по сравнению с Африкой и Азией взаимоотношения латиноамериканских государств выглядят как более спокойные и терпимые. Даже при весьма активном участии армии во внутривластной жизни латиноамериканских государств она крайне редко используется как орудие внешней политики. Правительства гораздо реже ищут «козлов отпущения» среди своих соседей в порядке компенсации за внутренние неудачи. Даже эпизодические территориальные конфликты не получают значительного регионального резонанса и не раскалывают субконтинент на враждующие лагеря.

Можно предположить, что все это объясняется специфической совокупностью факторов: практическим отсутствием национально-этнических и религиозных противоречий, трайбализма, ирредентизма, открытых агрессивных, гегемонистских поползновений крупных держав в отношении малых, большим политическим опытом субконтинента, непопулярностью здесь открыто проамериканских, марионеточных режимов, наконец, относительно социально-экономической однородностью большинства латиноамериканских государств. Эти обстоятельства помогают понять в целом спокойный тонус межгосударственных взаимоотношений внутри Латинской Америки. Но сохранится ли такая ситуация в будущем, в эпоху новых, неизбежных социальных бурь — об этом можно лишь гадать.

Все сказанное, в свою очередь, подводит к необходимости более подробного рассмотрения проблем конфликтов и, наоборот, тенденций к укреплению сотрудничества в массиве развивающихся стран.

Солидарность и конфликты на региональном уровне

Комплекс разнообразных экономических и политических факторов, объективно толкающих развивающиеся органы к совместным действиям в целях защиты своих интересов, действует не только на широкой международной арене, но и на региональном уровне, хотя здесь гораздо заметнее проявляется влияние социально-политической дифференциации этих стран, усложняющей их сотрудничество и даже ведущей к локальным конфликтам. Вместе с тем основной тенденцией развития внутрирегиональных отношений освободившихся стран в широкой исторической перспективе в большинстве районов мира является стремление к упорочению взаимных контактов. Кроме двусторонних связей такая тенденция реализуется через функционирование региональных и субрегиональных политических и экономических организаций развивающихся стран, выступающих как форумы обсуждения местных дел и принятия коллективных рекомендаций и решений.

Наиболее показательным примером в этом смысле является деятельность крупнейшей межгосударственной организации развивающегося мира — Организации африканского единства (ОАЕ), созданной в 1963 г. и объединяющей ныне 50 независимых стран Африки. Внутри ОАЕ также идут сложные и противоречивые процессы, связанные с различной социально-экономической и политической ориентацией африканских государств (в первую очередь с разногласиями между арабскими странами — участниками ОАЕ и странами Тропической Африки), осложняемые раскольническими происками империализма и ТНК [177, с. 181]. Это неоднократно приводило к резкой поляризации среди участников ОАЕ, ставившей ее на грань раскола, например, во время событий в Анголе, Чаде, заирской провинции Шабa, на Африканском Роге. Особенно тяжелый политический кризис ОАЕ пережила в 1982 г., когда из-за отсутствия кворума дважды срывалась Ассамблея глав государств и правительств ОАЕ. И хотя формально это происходило из-за процедурных разногласий (в частности, о статусе в ОАЕ провозглашенной фронтом ПОЛИСАРИО Сахарской Арабской Демократической Республики, о полномочиях делегации Чада), действительной причиной была углубляющаяся социально-политическая дифференциация континента в этом регионе.

Однако, несмотря на эти трудности, ОАЕ в целом зарекомендовала себя в качестве координирующего центра политики африканских стран на мировой арене, способствовала повышению их роли в международных делах. Она содействовала прекращению конфликтов между Сомали и Эфиопией в 1964 г., между Кенией

и Сомали в 1967 г. В ее рамках не раз создавались специальные комитеты (для урегулирования проблемы Западной Сахары, по суданско-эфиопским отношениям, по вопросам изоляции режима апартеида в ЮАР, борьбы за деколонизацию Намибии и т. д.).

ОАЕ последовательно выступает за окончательную ликвидацию остатков колониализма и расизма в Африке, на чем во многом и зиждется единство ее участников. Именно в рамках ОАЕ, а также в Экономической Комиссии ООН для стран Африки вырабатываются единые или скоординированные позиции континента по проблематике деятельности ООН. В последнее время организация уделяет значительное внимание вопросам экономического развития Африки. Так, в апреле 1980 г. в Лагосе состоялась чрезвычайная ассамблея ОАЕ, созванная с этой целью [353, 29.06.1980]. В принятом ассамблеей «Плане действий» основной упор делается на развитие регионального и субрегионального экономического сотрудничества на предстоящее десятилетие, в связи с чем был подписан протокол о создании Африканского экономического сообщества в масштабе всего континента. Разумеется, что претворение в жизнь этих решений будет нелегким делом. Но ассамблея показала, что руководители стран Африки при всех своих внутренних разногласиях четко видят необходимость создания экономической базы политической независимости континента.

Антиимпериалистический потенциал, свойственный деятельности ОАЕ, характерен и для другой крупной региональной межгосударственной организации развивающегося мира — Латиноамериканской экономической системы (ЛАЭС), образованной в 1975 г. и объединяющей ныне 26 стран Латинской Америки и бассейна Карибского моря. ЛАЭС стала первой в истории региона организацией, носящей подлинно общекоонтинентальный характер, ибо в ней полноправно участвует социалистическая Куба и, в отличие от ОАГ, отсутствуют США. Несмотря на проблемы и препятствия, связанные с серьезными, а иногда и принципиальными различиями в характере существующих в этих странах режимов, преобладающей тенденцией деятельности ЛАЭС является стремление к укреплению и развитию устойчивых форм регионального сотрудничества в целях борьбы за коренные экономические интересы стран Латинской Америки и бассейна Карибского моря (подробнее см. в следующем разделе данной главы). Следует особо отметить такое направление в деятельности ЛАЭС, как разработка практических мер, направленных на обеспечение контроля над деятельностью ТНК с целью подчинить ее задачам экономического развития региона и национальным интересам латиноамериканских стран.

Тенденция к усилению солидарности развивающихся стран проявляется и на субрегиональном уровне, в форме создания и деятельности самых различных объединений и организаций. Среди них заслуживают упоминания прежде всего Лига арабских государств (ЛАГ), АСЕАН и Андский пакт. Разумеется, антиимпериалистический потенциал этих организаций далеко не одинаков. Одни

из них (ЛАГ) были созданы под эгидой империализма, но постепенно превратились в активное оружие антиимпериалистической борьбы, другие еще испытывают сильное влияние Запада (АСЕАН), в трестях наблюдается процесс формирования развернутой антиимпериалистической платформы (Андский пакт). Но в любом случае их деятельность вызвана и стимулируется стремлением развивающихся стран к укреплению солидарности, к расширению политического, экономического, научно-технического и культурного сотрудничества, к совместным действиям в борьбе за перестройку международных экономических отношений на справедливой, демократической основе.

В последние годы распространенной формой солидарности развивающихся стран стали различные функциональные, специализированные объединения, чья деятельность сосредоточена на решении конкретных задач экономического характера. Это, например, такие организации, как Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК), Организация арабских стран — экспортеров нефти (ОАПЕК), Межправительственный совет стран — экспортеров меди (СИПЕК), Организация стран экспортеров вольфрама (ОТЕК), Африканский банк развития, Межафриканская организация по кофе, Комиссия по вопросам реки Нигер, Комиссия по вопросам бассейна озера Чад, Ассоциация стран — производителей натурального каучука. В сравнительно короткие сроки были созданы также ассоциации стран — экспортеров железной руды, бокситов, ргути, кофе, бананов, сахара, арахиса, цитрусовых, джута, получившие как органы, противостоящие соответствующим союзам монополистов, обиходное наименование «антикартели». Различные межгосударственные объединения играют все возрастающую роль в совместной борьбе развивающихся стран за экономическую деколонизацию и новый международный экономический порядок, в том числе за установление контроля над своими природными богатствами и экспортным ценообразованием, за укрепление их позиций на мировом рынке.

Кроме отмеченных выше основных форм реализации политической и экономической солидарности развивающиеся страны практикуют также различные встречи и конференции на том или ином уровне с целью выработки совместной платформы по актуальным международным и региональным проблемам. Такие встречи стали правилом и традицией для стран, придерживающихся сходной прогрессивной социально-политической ориентации. Например, периодически встречаются главы государств бывших португальских колоний — Мозамбика, Анголы, Гвинеи-Бисау, Сан-Томе и Принсипи и Республики Островов Зеленого Мыса, на которых обсуждаются вопросы, связанные с борьбой за ликвидацию остатков колониализма и расизма на юге Африки, проблемы взаимного экономического сотрудничества и т. д.

Регулярно встречаются руководители стран и с различной ориентацией, но имеющих общие проблемы, например граничащих с Сахарой: Мали, Алжира, Ливии, Мавритании, Нигера и Чада.

На их очередной, четвертой конференции, состоявшейся в середине марта 1980 г., была принята широкая программа экономического, технического, культурного и социального сотрудничества и учреждены специальные многосторонние комиссии в различных областях экономики и культуры [353, 16.03.1980].

Имеют место и целевые конференции; так, в начале апреля 1980 г. в Лагосе проходила встреча глав государств и правительств «прифронтовых государств» — Анголы, Мозамбика, Танзании, Замбии, Ботсваны, Лесото, Малави, Свазиленда и Зимбабве, на которой была одобрена программа действий с целью ускорения развития этих государств и ликвидации их прежней экономической зависимости от ЮАР [365, 12.04.1980]. В результате была принята декларация «Юг Африки: к экономическому освобождению», а также решено создать южноафриканскую комиссию по транспорту и коммуникациям и региональный центр сельскохозяйственных исследований.

Опыт организации таких конференций является, разумеется, достоянием не только Африки. Саудовская Аравия, Бахрейн, Кувейт, Катар, Оман, Объединенные Арабские Эмираты также неоднократно проводили совещания на высшем уровне с целью координации своих действий в зоне Персидского залива [341, 26.11.1982].

В последнее время критерием участия в подобных международных мероприятиях все чаще становится религия. Так, в 1971 г. была создана Организация исламская конференция, в состав которой ныне входят 20 азиатских стран и 22 африканские. Эта организация играет все более заметную роль в координации внешнеполитической деятельности мусульманских государств.

Потенциально масштабы такой возможной координации весьма впечатляющи. В начале 80-х годов на земном шаре насчитывалось 850 млн. мусульман, причем в 34 странах они составляли большинство населения, а в 14 — влиятельное меньшинство. Эти страны занимают 40% территории развивающегося мира, производят ВВП, суммарно равный 170 млрд. долл., формируют примерно 1/4 членства в ООН, почти половину в движении неприсоединения и в ОАЕ [277, с. 172]. Многие из них обладают дефицитными природными ресурсами и стратегическим географическим положением. Однако состав Организации исламская конференция крайне неоднороден, за пределами «общейисламских» лозунгов ее члены проводят очень различную индивидуальную политику, идут разными путями развития, конфликтуют и даже воюют друг с другом. Религиозные векторы в политике противопоставляют эту организацию подчас не только империализму (защита Ирана), но и прогрессивным преобразованиям (позиция в отношении Афганистана), делают ее бессильной в разрешении внутренних конфликтов (ирано-иракская война). Все это порождает сомнения в эффективности этой организации в будущем, ясно лишь, что в любом случае она также станет местом внутренней социально-политической борьбы.

Таким образом, для различных объединений развивающихся стран характерны наряду с согласованным подходом ко многим узловым вопросам международного развития острая борьба между прогрессивными и реакционно-консервативными силами, столкновения самых различных точек зрения. Поэтому региональные и субрегиональные организации этих стран, даже внося свой вклад в укрепление солидарности, сплошь и рядом не могут предотвратить конфликтов в своих собственных рядах.

Такие конфликты усиливают состояние нестабильности в отдельных регионах Азии и Африки, облегчают возможности для вмешательства империализма в региональные дела. Особенно опасны те конфликты, которые выходят за субрегиональные и региональные рамки и приобретают характер международных кризисов, самым непосредственным образом сказываясь на развитии международных отношений в целом. Так, авторы коллективной монографии «Международные конфликты» отмечают в связи с этим: «В настоящее время международно-политические кризисы быстро (чуть ли не мгновенно) приобретают всеобщий характер, включая прямо или косвенно все крупные державы и военные коалиции. Эта всеобщность современных кризисов обусловлена прежде всего последствиями научно-технической революции, приведшей к созданию глобальной системы коммуникаций, средств массовой информации, комплекса военно-технических средств, позволяющих в невиданные ранее сроки концентрировать силы в зоне кризиса. В большой мере способствует этому и разделение мира на противостоящие друг другу военные блоки, явившиеся следствием послевоенного курса империалистических держав» [148, с. 20].

Семена и импульсы конфликтов в странах Азии, Африки и Латинской Америки являются в большинстве случаев не местного происхождения, а привнесенными извне, что придает таким конфликтам как дополнительную частоту, так и дополнительную остроту на их отдельных фазах. Кроме наследия колониальных времен здесь продолжают играть свою роль непрекращающиеся поиски империализма, который сплошь и рядом стоит за спиной их непосредственных участников. «Начиная с 1945 г., — отмечает уже упоминавшийся Б. Блехман, — налицо буквально сотни случаев, когда внешние силы вмешивались в события в развивающемся мире, стремясь повлиять на их исход» [195, с. 30].

Такой курс прежде всего характерен для США, которые, по подсчетам советского политолога В. Кременюка, из 83 наиболее крупных конфликтов в 1945—1976 гг. в развивающихся странах вмешались в 45, причем в 36 случаях — чужими руками [143, с. 45]. В ряде случаев за спиной конфликтующих стран стоят монополии. Так, за сепаратистским движением в Нигерии, имевшим целью создать «республику Биафра», стояла французская полуправительственная нефтяная компания «Эль-Эрап», за сепаратистским движением Ж. Савимби на юге Анголы — южноафриканская «Англо-Америкен». В итоге в вооруженных столкновениях в раз-

вивающемся мире после второй мировой войны погибло примерно 10 млн. человек [287, с. 120].

Именно поэтому и подход к изучению и классификации таких конфликтов не должен быть искусственно суженным лишь кругом их непосредственных участников и не сводиться только к перечислению межгосударственных столкновений, как пытается трактовать эту сферу исследования буржуазная политология, а комплексным, относящим к таким конфликтам все столкновения действующих в этих районах противоположных политических сил, выходящие за рамки их политического урегулирования, будь то региональные, двусторонние или даже внутренние. В противном случае за рамками анализа остается ответственность империализма за большинство этих конфликтов, а справедливая борьба народов получает ярлык «дестабилизирующих акций». С учетом этого конфликтные ситуации с участием развивающихся стран можно, хотя и с большой долей условности, подразделить на четыре основные группы.

Первая группа имеет своим источником стремление к окончательному искоренению колониализма, прежде всего на юге Африки, где противоборство сил национально-освободительного движения с расистами и колониалистами осложняется также и необходимостью борьбы с местной проимпериалистической агентурой типа Савимби в Анголе или Музорева в Зимбабве, что ведет к возникновению как межгосударственных, так и внутренних сепаратистских конфликтов. В частности, отряды Савимби вместе с войсками ЮАР неоднократно совершали агрессию против Анголы, а также участвовали в борьбе против сил СВАПО на территории Намибии, а правительственные войска Зимбабве во время пребывания там у власти правительства Музорева неоднократно совершали вооруженные рейды на территорию соседних «прифронтовых» государств.

К этой группе конфликтов непосредственно примыкает вторая группа, связанная с отражением развивающимися странами атак местной агентуры империализма на уже завоеванную национальную независимость. Острые подобных атак направляется прежде всего против стран социалистической ориентации и прогрессивных сил, которые являются вызовом как империализму, так и реакционным режимам развивающихся стран. На протяжении 70-х годов объектами таких действий, причем иногда даже в форме открытой вооруженной агрессии силами армий соседних развивающихся государств, были Ангола, Бенин, Конго, Мозамбик, Эфиопия. Острейшую форму на фоне агрессии Израиля принял конфликт между правохристианскими силами и мусульманами (включая ООП) в Ливане.

Не менее распространенным поводом для таких конфликтов является и стремление стран Запада поставить под свой контроль источники дефицитного сырья. Обострение напряженности и прямое военное противоборство на этой почве имело место в Испанской Сахаре, в Белизе, Папуа — Новой Гвинее (от которой под

предлогом его «самоопределения» медные монополии пытались отторгнуть богатый нефтью о-в Бугенвиль).

Таким образом, конфликты первых двух типов являются хотя и локальными по форме, но явно привнесенными извне по своему содержанию.

Исторически привнесенными являются, по сути дела, и конфликты третьей группы, возникающие на базе территориально-этнических разногласий, оставшихся еще от колониальной эпохи, равно как и от ее социально-экономического наследия. Таковы, например, территориальные споры между Индией и Пакистаном, некоторыми странами Западной Африки, островов Южных морей. «Непреложным фактором является то, — подчеркивал премьер Гайаны Ф. Бэрнхэм, — что семена таких конфликтов не будут уничтожены до тех пор, пока нам не удастся устранить глубокие несоответствия существующего экономического порядка, которые постоянно порождают враждебную конфронтацию между народами» [337, 18.04.1978].

И лишь последняя, четвертая группа конфликтов является чисто локальными по своему происхождению. Они могут быть связаны с особенностями становления в этих странах собственной государственности, этническими, религиозными, личностными и иными причинами. «Единство страны и нации, — отмечает в этой связи Ю. Вананди, — все еще является проблемой для большинства развивающихся стран... и это прежде всего проблема их истории. Например, в каждой из стран АСЕАН существует множество этнических и религиозных групп, а это ведет к социально-политическим осложнениям. Так, Филиппины сталкиваются с проблемой мусульманского меньшинства на юге страны, Малайзия до сих пор озабочена вопросом интеграции малайцев и китайцев, составляющих соответственно 45 и 35% населения. Сингапур также все еще борется за создание единой сингапурской нации. Многочисленные этнические меньшинства населяют Таиланд, из множества таких меньшинств состоит также и население Индонезии» [195, с. 14—15].

Неудивительно, что на этой почве нередко рождается сепаратизм. Так, только в Африке сепаратистские движения действуют в Бурунди, Нигерии, Заире, Эфиопии, Руанде, Уганде, Судане, Кении, БСК, Мавритании, Анголе, Мозамбике; в Азии — в Бирме, Индии, Малайзии, Таиланде, Пакистане, Индонезии, Иране, Ираке, на Филиппинах; в Латинской Америке — в Колумбии. Таковы, например, конфликт между Танзанией и Угандой, комплексный по своим причинам ирано-иракский конфликт. Однако в их общей массе все еще просматриваются и те разногласия, которые порождены различием социальной ориентации отдельных стран, их политической дифференциацией.

Например, эти причины были налицо в столкновениях между Алжиром и Марокко, Ливией и Египтом, ИАР и НДРЙ, Сомали и Эфиопией. Нередко уже не только империалисты, но и сами консервативные режимы развивающихся стран поддерживают на территориях «неудобных» им соседей сепаратистов, остатки старых

социальных слоев, взявшихся за оружие после утери своих привилегий, надеясь тем самым ослабить внутренние позиции прогрессивных режимов, затормозить и повернуть вспять прогрессивные преобразования. Такова, например, помощь, оказываемая консервативными арабскими режимами сепаратистам Эритреи. Число таких примеров можно без труда продолжать.

Очевидно, что для советских политологов решающее значение при оценке и характеристике той или иной конфликтной ситуации этой последней группы имеют внутренняя социально-политическая природа и содержание этих конфликтов, непосредственные причины их возникновения, социально-экономическая и политическая ориентация государств-участников, соотношение в них внутренних политических сил, цель и стратегия сторон в конфликте, международно-политические связи его участников, их принадлежность к тем или иным союзам или военно-политическим группировкам регионального и субрегионального характера. Однако в любых случаях Советский Союз последовательно выступает за профилактику таких ситуаций, неприменение в них силы, политическое урегулирование споров, распространение принципов разрядки также и на развивающиеся континенты.

В снове такой политики лежит тот очевидный факт, что конфликтные ситуации, возникающие между развивающимися странами, отрицательно сказываются на солидарности молодых государств, ослабляют эффективность действий их межгосударственных организаций. Одновременно эти конфликтные ситуации все чаще оказывают отрицательное воздействие и на международные отношения в целом, включая и отношения между СССР и США. Провоцируемые и разжигаемые империалистическими кругами, они играют дестабилизирующую роль, негативно влияют на процессы борьбы за разрядку международной напряженности.

Если проследить характер непосредственных причин конфликтов третьей и четвертой групп, то их основная доля приходится на территориальные споры, или такие разногласия, в которых территориальные притязания фигурируют среди прочих поводов возникновения конфликтной ситуации. Такого рода споры чаще всего перерастают в вооруженные столкновения и оказывают наиболее отрицательное воздействие на межгосударственные отношения развивающихся стран. Первопричина этих конфликтов, их генезис тесно связан, как уже указывалось, с наследием колониального господства, ибо колонизаторы, как отмечал английский историк А. Лэмб, «присвоили себе право кроить Азию и Африку по своему усмотрению, не принимая во внимание интересы народов» [261, с. 74]. В наибольшей степени перекройке такого рода подвергся Африканский континент, и не случайно, что большинство территориальных споров в последние два десятилетия имели место именно между африканскими странами.

Так, при сложнейшей этнической ситуации 44% государственных границ континента проходят по меридианам или параллелям, 30% — по иным прямым и дугообразным линиям и только 26% —

по естественно-географическим рубежам, примерно совпадающим с границами расселения этнических групп (см. [61, с. 18]. «Границы африканских государств, — признавал даже такой историк имперского толка, как А. Тойнби, — были унаследованы ими от европейских колониальных режимов... а колониальные границы в Африке складывались по воле случая. В борьбе европейцев за Африку целью каждой из соперничающих держав был прежде всего захват максимума территории... Европейские дипломаты совершенно не учитывали границ между сложившимися издревле территориями различных африканских народов. Линии, которые они проводили на карте Африки, разрезали некоторые страны на куски и сводили воедино части различных усеченных африканских народов, создавая какую-либо единую английскую, французскую, бельгийскую или итальянскую колониальную территорию. Таким образом, территории, унаследованные суверенными африканскими режимами, с этнической точки зрения похожи на нечто вроде мозаики или лоскутного одеяла» [362, 5.12.1964].

Неудивительно, что вкупе со спецификой становления государственности и в ее ходе столь большое влияние во внутренней политике Африки играет территориально-этнический фактор. Нередко конфликты, в том числе вооруженные, мотивируются стремлением исправить случайности колониальных захватов, обеспечить национальное воссоединение этнических групп, их самоопределение. Более того, сразу же после начала процесса политической деколонизации на Африканском континенте в подходе к решению вопроса о границах сложились две диаметрально противоположные концепции. Одна из них предусматривала возможность и необходимость пересмотра сложившихся границ на исторической или этнической основе, и ее придерживались, например, такие страны, как Марокко, Гана и Сомали, считавшие свои территории необоснованно урезанными колонизаторами. Так родились территориально-этнические споры Гана — Того, Сомали — Эфиопия, Сомали — Кения. Некоторые из этих споров, например Сомали — Эфиопия, под влиянием внешних реакционных сил вылились в вооруженную агрессию Сомали в районе пустыни Огаден и стали, по оценке газеты «Вашингтон пост», «самой современной и разрушительной войной, которая когда-нибудь велась между двумя государствами Черной Африки» [368, 19.09.1977].

Концепция закономерности ревизии староколониальных границ была особенно сильна в 50-х годах, когда она получила резолютивное оформление на конференции народов Африки в Аккре в 1958 г., где по инициативе Ганы было отмечено, что «границы, разделяющие народы одного происхождения, являются противостественными и их сохранение не приведет к миру». Правительство Ганы мотивировало свою позицию тем, что «если оставить нынешние границы, то у нас будут бесконечные заговоры и контрзаговоры недовольных меньшинств, полных решимости добиваться своего этнического, культурного и экономического единства. Со временем эта проблема примет более угрожающие и внушитель-

ные размеры» [178, с. 42—44]. Правда, конференция призвала к ревизии границ лишь мирным, политическим путем.

Однако впоследствии подавляющее большинство африканских государств выступили против этой концепции, находя ее потенциально опасной для судеб африканского единства. Уже в 1961 г. участники Касабланкской конференции стран Африки заявили «о своем стремлении сохранить и закрепит... суверенитет и территориальную целостность своих государств». Возобладала, таким образом, концепция территориальной целостности и неприкосновенности границ, исходившая из реалистического представления о том, что сохранение территориального статус-кво является более предпочтительным, чем десятки пограничных споров или чреватые политической неопределенностью попытки установить новые государственные границы в строгом соответствии с этническими рубежами. В конечном счете это означало бы угрозу даже самому факту существования многих африканских государств, только что завоевавших независимость. Соответственно в интересах сохранения стабильности в Африке принцип территориальной целостности независимых африканских государств был в 1963 г. зафиксирован в Уставе ОАЕ, а на I Ассамблее глав государств и правительств стран — участниц ОАЕ в Каире (1964 г.) было провозглашено, что «африканские страны берут на себя обязательство уважать границы, существовавшие в момент достижения ими национальной независимости» [179, с. 45].

Одновременно ОАЕ рассмотрела вопрос о границах будущих независимых государств Африки, все еще находившихся на положении колоний. Вновь подтвердив в соответствии с Уставом ООН их неотъемлемое право на самоопределение, ОАЕ провозгласила, что границы, в рамках которых это самоопределение будет завоевано, также являются неприкосновенными и не подлежащими ревизии. Политическая зрелость этого решения не замедлила себя оправдать, ибо ОАЕ очень скоро пришлось иметь дело с такими сложными ситуациями, как попытки отделить Катангу от Заира и Биафру от Нигерии. В отношении этих территорий было определено, что такое отделение было бы нарушением принципа территориальной целостности, поскольку эти территории, даже при всем их этническом своеобразии, уже являлись составными частями независимых к тому времени государств. Такой подход справедлив и в отношении Эритреи и Огадена как неотъемлемых частей независимой Эфиопии, с чем не спорят, кстати, даже буржуазные юристы (см., например, [252, с.561—570]).

Очевидно, что во всех трех случаях подобный подход позволил сорвать крупномасштабные империалистические заговоры против народов Африки, ибо в Заире катангский сепаратизм находился на острие западных интриг, свержших прогрессивный режим П. Лумумбы, а в Нигерии сепаратисты фактически ввергли страну в пучину братоубийственной племенной войны. При этом от обоих государств отторгались бы районы, богатые сырьем, которые ныне составляют их основное национальное богатство. Что же касается

Эфиопии, то здесь ставкой империализма было восстановление своего контроля в районе Африканского Рога, дестабилизация одного из режимов социалистической ориентации, что в случае успеха могло бы создать группировку сил реакции на Северо-Востоке Африки в дополнение к расистским бастионам на ее Юге и изменить весь политический климат континента.

К историко-этническим причинам конфликтов между развивающимися странами ныне все чаще добавляются территориальные споры, возникающие на экономической почве (Алжир — Марокко, Алжир — Тунис, Тунис — Ливия, Верхняя Вольта — Гана, Нигер — Дагомея, Габон — Экваториальная Гвинея, Саудовская Аравия — Ирак, Филиппины — Малайзия, Перу — Эквадор, Сальвадор — Гондурас и др.). Типичным конфликтом такого рода был острый спор между Алжиром и Марокко относительно общей границы в Сахаре, которая не была точно фиксирована во французо-марокканском договоре 1845 г., в результате чего в объект спора превратился богатый полезными ископаемыми район Тиндиф. Во время национально-освободительной борьбы алжирского народа Марокко отказалось от притязаний на этот район, однако после провозглашения независимости Алжира начались инциденты на границе, переросшие в 1963 г. в самую настоящую пограничную войну. Ни Лига арабских государств, ни другие посредники не могли добиться здесь большего, чем прекращения огня, и только в 1972 г. Алжир и Марокко смогли подписать договор об окончательной демаркации границы.

Нередко поводом для экономических территориальных споров становится открытие минеральных ресурсов в малонаселенных и ранее «ничейных» районах типа части Западной Сахары. Можно предвидеть в перспективе и конфликты по поводу практического раздела прибрежных вод океана и континентального шельфа, и по крайней мере один из них уже налицо — между Таиландом и Малайзией в Сиамском заливе. Наконец, конфликты вызываются и стратегическими интересами, примером чего может являться доступ к тихоокеанскому побережью для Боливии, который ей закрывают Чили и Перу.

В целом в 1945—1979 гг. в Африке, а также в Азии и Латинской Америке имели место свыше пятидесяти территориальных споров, из которых немало переросло в прямые вооруженные конфликты (например, между Марокко и Алжиром в 1962—1963 гг., Сомали и Эфиопией в 1964 и 1977—1978 гг., Сомали и Кенией в 1963 и 1967 гг., Индией и Пакистаном в 1948 и 1965 гг., Гайаной и Венесуэлой в 1969 г., Гайаной и Суринамом в 1968 г., Гондурасом и Сальвадором в 1975 г.). Большинство этих споров остаются не разрешенными и по сей день. Вместе с тем на основе сохранения территориальной целостности и существующих границ удалось урегулировать территориальные споры между Ираком и Кувейтом, Либерией и Берегом Слоновой Кости, Гвинеей и Либерией, Ганой и Верхней Вольтой, Мали и Мавританией, Гвинеей и Сенегалом, Тунисом и Алжиром.

Видимо, в перспективе не исключен и рост конфликтных ситуаций, возникающих в результате формирования в Азии, Африке и Латинской Америке новых центров региональной экономической и политической силы (Саудовская Аравия на Ближнем Востоке, Иран на Среднем Востоке, Нигерия в Западной Африке и т. д.). Рост экономического потенциала этих стран сопровождается становлением их внешнеполитической доктрины, которая также бывает неоднозначной и далеко не всегда оказывается дружественной по отношению к соседям.

Так, Саудовская Аравия пытается довольно последовательно воздействовать на ход арабо-израильского конфликта, выступая с общеарабских позиций и даже оказывая антиизраильское давление на США. Вместе с тем политические амбиции саудовских лидеров являются явно консервативными в отношении прогрессивных арабских режимов и постепенно выходят за рамки ближневосточного региона. Используя поставки нефти и оружия или предоставление субсидий, Саудовская Аравия вмешивается в конфликты (или даже инициирует их) во всем мусульманском мире, выступая в конечном счете на стороне империализма.

Конфликты между развивающимися странами являются одной из важнейших причин их милитаризации. Начавшись в середине 60-х годов, она резко ускорилась в 70-е годы и сопровождается быстрым ростом численности вооруженных сил и арсенала вооружений в первую очередь тех развивающихся стран, которые оказались вовлеченными в разного рода межгосударственные конфликты. В 70-х годах резко возросло и производство в этих странах военной техники и стала реальной перспектива появления у ряда развивающихся стран собственного ядерного оружия.

Разумеется, было бы в высшей степени неверно ставить здесь все развивающиеся страны на одну доску. Многие государства вынуждены приобретать оружие в целях противостояния шантажу империалистических сил, а то и их прямой агрессии, создания противовеса военной мощи консервативных и реакционных режимов. Правящие же круги других стран вооружаются для проведения экспансионистской или проимпериалистической политики и для защиты своих классовых интересов.

В них важную роль подчас играет стремление их правящих кругов к военно-техническому превосходству над соседями, престижная тяга влиятельных военных к новейшим системам оружия. Иногда гонка вооружений вызвана гегемонистскими замыслами отдельных режимов в том или ином регионе или же их стремлением проводить агрессивный внешнеполитический курс по внутриполитическим соображениям.

Следствием милитаризации является рост локального экспансионизма со стороны реакционных военных режимов в отдельных регионах. Она приводит к усилению политической роли армейской верхушки, что, в свою очередь, стимулирует стремление к решению острых политических проблем, связанных с межгосударственными отношениями, военным путем.

Таким образом, здесь тесно переплетаются причина и следствие: конфликты ведут к милитаризации, а она, в свою очередь, к новым конфликтам. Стремление ряда стран увеличивать и модернизировать свои вооруженные силы, закупка ими современных видов оружия не способствуют созданию атмосферы дружеских, добрососедских отношений, вызывают недоверие и подозрения у соседних стран. Рост вооружений подрывает сотрудничество и солидарность развивающихся стран, крайне отрицательно сказывается на их экономическом развитии, затрудняет выработку согласованных решений по многим политическим и экономическим вопросам, ослабляет единство действий развивающихся стран в ООН. Так, ирано-иракская война крайне осложнила разработку единой позиции ОПЕК по поводу глобальных переговоров по энергетике. Не случайно развивающиеся страны голосовали на XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН за резолюцию, в которой подтверждалась необходимость заключения в ближайшее время Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях (проект этого договора был представлен СССР).

В этих условиях поиски мирного урегулирования конфликтных ситуаций в развивающемся мире приобретают исключительно важное политическое значение как с точки зрения интересов самих развивающихся стран, сохранения и укрепления их солидарности, так и исходя из интересов сохранения и дальнейшего развития политики разрядки. Положительную роль в этой области пытается играть движение неприсоединения.

Советский Союз в этой связи постоянно выступает за мирное и скорейшее урегулирование различных региональных конфликтных ситуаций на основе принципов суверенитета, территориальной целостности и нерушимости границ в интересах обеспечения мира и безопасности самих народов развивающихся стран. Руководствуясь этими принципами, Советский Союз и другие социалистические страны не раз предпринимали конкретные действия в целях мирного урегулирования таких ситуаций, примирения конфликтующих стран.

Так, в январе 1966 г. на Ташкентской встрече руководителей Индии и Пакистана, организованной по инициативе Советского Союза, был погашен вооруженный конфликт между этими странами.

Исходя из тех же принципов, Советский Союз выступил за быстрейшее прекращение ирано-иракской войны, внес конкретные программы нормализации обстановки в Персидском заливе и Средиземноморье. Этот курс был еще раз подтвержден XXVI съездом КПСС, съездами братских коммунистических и рабочих партий.

В подписанной 5 января 1983 г. Политической декларации государств — участников Варшавского Договора подчеркивается, что «для устранения причин многих конфликтов необходима окончательная ликвидация всех остатков колониализма и расизма, отказ от политики неоколониализма, угнетения и эксплуатации других народов... Опасность перерастания локальных конфликтов в во-

оруженное столкновение мирового масштаба в большой мере связана с попытками прямого и косвенного вовлечения государств Азии, Африки, Латинской Америки и Океании в военно-политические союзы, распространения на них сферы действия блоков. Подтверждая, что у государств — участников Варшавского Договора нет намерений расширить сферу действия своего союза, участники совещания призывают и государства — члены НАТО отказаться от распространения сферы действия своего блока на какие бы то ни было районы мира, в частности на Персидский залив» [337, 5.01.1983].

Несомненно, что атмосфера сотрудничества и стабильности, уважение границ друг друга отвечают самым насущным интересам развивающихся стран. В этом плане важное значение имело бы распространение соответствующих положений Акта Хельсинки также и на зону развивающегося мира, создание здесь систем коллективной безопасности на универсальной основе, активизации вклада развивающихся государств в борьбу за предотвращение ядерной войны, разрядку и разоружение, в деятельность ООН по поддержанию международного мира и безопасности.

Таким образом, выяснение соотношения между солидарностью и конфликтными ситуациями в развивающемся мире, между центристскими и центробежными тенденциями в группе развивающихся стран, перспектив и возможного исхода борьбы между этими двумя тенденциями является в настоящее время крайне сложным делом. Однако опыт дает основания считать, что, несмотря на углубляющуюся социально-экономическую и политическую дифференциацию развивающегося мира, его внутренние противоречия, острые конфликтные ситуации и прочие дезинтеграционные факторы, в конечном счете в обозримом будущем центристские тенденции в группе развивающихся стран будут в целом доминировать над центробежными и развивающийся мир, по крайней мере большинство его стран, будет выступать на международной арене по-прежнему в виде более или менее сплоченной группы.

Торгово-экономическое сотрудничество

Параллельно с формированием базы национальной экономики активизируется и взаимное торгово-экономическое сотрудничество молодых государств. Его объективная необходимость продиктована в конечном счете теми же причинами, которые обусловили необходимость единства политических действий этих стран на международной арене. Их объединяет прежде всего целенаправленное стремление в кратчайшие исторические сроки преодолеть унаследованную от колониализма экономическую отсталость. Более того, относительно небольшие размеры внутреннего рынка в большинстве стран, их искусственная разобщенность и гипертрофированная зависимость от рынков бывших метрополий, сохра-

нившиеся от прежнего колоннального раздела мира, сильно затрудняют, а часто вообще не позволяют добиться значительного ускорения экономического развития при использовании лишь ограниченных национальных ресурсов. Наконец, опыт последних лет, когда развивающийся мир пытался преодолеть отсталость с привлечением иностранного капитала, показал невозможность радикального решения таким путем своих проблем.

Поэтому наряду с борьбой за НМЭП в отношениях с развитыми капиталистическими странами молодые государства стремятся к ликвидации «отношений *кабалы* между „цивилизованными“ и нецивилизованными народами именно *на почве* вовлечения в мировое хозяйство» [32, с. 356]. Этому содействуют их экономические связи с миром социализма. Одновременно для этих же целей все более активно используется их взаимное экономическое и научно-техническое сотрудничество, призванное в какой-то степени преодолеть пороки структуры их хозяйства.

Базируясь на той же объективной тенденции к хозяйственному сближению наций (а неиспользованные резервы такого сближения в развивающемся мире особенно велики), такое взаимное сотрудничество рассматривается ими как важное средство ускорения экономического роста, формирования сбалансированного воспроизводственного процесса, наконец, как действенный способ защиты своих национальных интересов и подведения материальной базы под достигнутую степень политического единства.

Таким путем молодые государства могут успешнее противостоять коллективному неокOLONиализму в лице согласованных позиций и замкнутых экономических группировок Запада, преодолевать свою разобщенность перед лицом ТНК, улучшать позиции на мировых рынках, противостоять активизирующемуся империалистическому протекционизму.

Действительно, разработка форм и методов взаимного экономического сотрудничества наряду с коллективной «внешней» дипломатией является ныне ключевым моментом в стратегических установках молодых государств, относящихся к изменению их неравноправного положения в международном разделении труда, инструментом его преобразования. На это в значительной степени нацелена в последние годы деятельность «группы 77», движения неприсоединения, региональных и субрегиональных объединений развивающихся государств и их двусторонних договоров и соглашений.

Взаимное торгово-экономическое сотрудничество в этой зоне мира исторически началось в рамках интеграционных объединений в отдельных регионах и субрегионах, возникавших, как правило, там, где для этого была подготовлена почва в виде более или менее развитых двусторонних хозяйственных связей. Правда, по ряду причин (о которых будет сказано ниже) интеграционные процессы в развивающемся мире в последние годы несколько замедлились, а на первый план все отчетливее стали выступать различные виды многостороннего сотрудничества уже на межрегио-

нальной и даже межконтинентальной базе. Во многом это связано с крахом прежних колониальных валютных и преференциальных зон, однако с середины 70-х годов этот процесс начал стимулироваться сознательно и была выработана даже долговременная стратегия его развития, основанная на принципах «коллективной опоры на собственные силы». Подобная стратегия — это ныне уже не голый лозунг, а феномен, опирающийся на конкретные программы многостороннего хозяйственного сотрудничества молодых государств и их твердо выраженное намерение осуществить такие программы. Ими являются в первую очередь решения Конференции ООН по экономическому сотрудничеству развивающихся стран в Мехико (1976 г.), Конференции ООН по техническому сотрудничеству развивающихся стран в Буэнос-Айресе (1976 г.), Арушская программа экономического сотрудничества (1979 г.), Каракасская программа действий (1982 г.), Программы и планы действий, принятые на конференциях глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Коломбо, Гаване и Дели. Наконец, «коллективная опора на собственные силы» является одной из главных составных частей стратегии на III Декаду развития ООН.

В перечисленных документах подчеркивается, что экономическое сотрудничество развивающихся стран должно обеспечить реализацию их неотъемлемого права самостоятельно распоряжаться национальными природными ресурсами, ускоренное экономическое развитие всех, в первую очередь наименее развитых, стран, способствовать укреплению независимости и суверенитета и в конечном счете содействовать их экономической деколонизации. Базой развития сотрудничества на основе «коллективной опоры на собственные силы» является огромное богатство ресурсов развивающегося мира и различие уровней экономического развития отдельных регионов при условии создания соответствующих механизмов, регулирующих коллективный экономический прогресс.

Намеченные в этих документах программы охватывают самые различные стороны внешнеэкономической деятельности развивающихся стран. Некоторые из них реальны и вполне могут быть претворены в жизнь в обозримом будущем, тогда как другие представляются пока лишь как достаточно отдаленная цель стратегического порядка.

Конкретно развивающиеся страны решили прежде всего создать «систему торговых преференций исключительно между развивающимися странами, с тем чтобы содействовать развитию национального производства и взаимной торговли» [84, с. 3], а также приступить к разработке и проведению скоординированной импортной и экспортной политики, направленной на расширение торговли между ними как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Уже в 1979 г. преференциями в своей взаимной торговле пользовались 50 развивающихся стран, а 90 вели переговоры об их установлении [207, с. 165]. По существующему замыслу

эта система предпочтений должна включать и механизм, который охранял бы специфические интересы наименее развитых стран. Однако именно эта экономическая дифференциация служит пока главным препятствием на пути как выработки системы такого рода, так и ее реализации, требующей взаимной увязки ее с уже существующими предпочтительными соглашениями. «Развивающиеся страны сознают в целом полезность торговых предпочтений в качестве средства коллективной опоры на собственные силы и расширения торговли, — отмечает директор Секретариата по региональному сотрудничеству в целях развития Ф. Уддин (Пакистан). — Однако многие страны не решаются присоединиться к такой системе главным образом по таким причинам, как необходимость защиты молодой национальной промышленности, боязнь сокращения экспортных доходов, ухудшения платежных балансов и явная вероятность экономического и политического господства в системе более сильных партнеров» [91, с. 19].

В области индустриализации программа предусматривает развитие многостороннего сотрудничества, увязанного с национальными планами развития отдельных стран, включая совместное осуществление межрегиональных, региональных и субрегиональных проектов, создание многонациональных предприятий развивающихся стран и совместное использование их природных ресурсов. При этом первостепенное значение придается расширению обработки экспортируемого сырья в местах добычи, укреплению сырьевых «антикартелей» и обмену технологией. Для этой цели, в частности, уже организованы ряд региональных центров по разработке и передаче технологии (Карибский, Североафриканский, Азиатский). Не снята и задача выполнения Лимской декларации ЮНИДО 1972 г., призывавшей добиваться повышения доли развивающихся стран в мировом промышленном производстве до 25 % к 2000 г., хотя уже сейчас ясна нереальность этого. Кроме того, предусматривается расширение сотрудничества в сфере транспорта, подготовки кадров, информации, здравоохранения, образования и т. п.

На VII Конференции глав государств и правительств развивающихся стран было рекомендовано также создание Центра информации по ТНК (с местопребыванием в Гаване), Научно-технического центра (в Дели), Фонда солидарности неприсоединившихся стран для экономического и социального развития, общего органа для разработки проектов и Совета ассоциаций производителей сырья.

В целом все эти мероприятия имеют антиимпериалистическую направленность, идут в русле международных усилий по экономической деколонизации. Именно поэтому они встречают упорное сопротивление западных держав. Ссылаясь на то, что эти мероприятия будут иметь более широкий эффект, чем чисто региональное сотрудничество, западная дипломатия требует «учета и гарантий» при их проведении интересов развитых капиталистических стран на основе концепции «взаимозависимости», чем, по сути

дела, ставится под сомнение суверенное право молодых государств избирать формы взаимного сотрудничества.

Напротив, Советский Союз и другие социалистические страны позитивно воспринимают эти программы, считают их суверенным делом и правом освободившихся стран, подчеркивают их конструктивную роль в деле экономической деколонизации. Они выражают готовность развивать свои хозяйственные взаимоотношения с развивающимися странами также и на многосторонней основе (подробнее об этом см. в главе восьмой). При этом, естественно, для стран социализма небезразлично, в какой форме и под какими конкретными лозунгами будет осуществляться концепция «коллективной опоры на собственные силы», ибо имеют место и ее экстремистские интерпретации, призывающие к использованию развития сотрудничества между развивающимися странами как инструмента «торговой войны с богатым Севером», включая в него опять-таки и страны социализма. Поэтому советская экономическая дипломатия подходит к феномену этого сотрудничества не с одной только географической меркой, но и смотрит в глубь происходящих при этом политических и социальных процессов, отталкиваясь при определении своих конкретных позиций по отдельным разделам этих программ от «широкого комплекса экономических социальных, политических факторов» [57, с. 517].

Такой подход, очевидно, является единственно правильным, ибо в концепции «коллективной опоры на собственные силы» также обнаруживаются значительные непоследовательность и противоречивость, в первую очередь потому, что она, как и НМЭП, недостаточно акцентирует внимание на необходимости дополнения внешнеэкономических усилий коренными внутренними социально-экономическими преобразованиями.

Конкретные итоги развития экономического и научно-технического сотрудничества между развивающимися странами за последние годы являются крайне неоднозначными как по регионам, так и по сферам хозяйственного обмена. Что касается *взаимной торговли*, то она на протяжении 70-х годов росла заметно быстрее, чем торговля этих стран с остальным миром. С 1969—1971 по 1980 г. оборот такой торговли возрос в 12,5 раза против роста оборота всей мировой торговли в 6,5 раза и составил примерно 20,5 и 26,3% всего объема внешней торговли развивающихся стран соответственно. Разумеется, в значительной степени это является отражением роста цен на нефть. Однако и без жидкого топлива взаимная торговля была все эти годы наиболее динамичным сектором мирового рынка [97, с. 62—63, 73].

В 1979 г. на «взаимные» рынки развивающимися странами направлялось 22,6% их общего экспорта продовольствия, 27,6% сельскохозяйственного сырья, 23% руд и металлов, 20,6% топлива и, что наиболее примечательно, 35% общего экспорта готовой промышленной продукции. В свою очередь, по импорту они получали друг от друга 31, 47, 19, 86 и 13% указанных групп товаров соответственно [97, с. 88, 90].

Основная часть взаимной торговли развивающихся стран пока остается внутрирегиональной, однако доля последней постепенно снижается: с 76% в 1955 г. до 51,3% в 1979 г. Больше всего от внутрирегионального сбыта зависят Латинская Америка (около $\frac{3}{4}$ общего экспорта в развивающиеся страны) и Южная и Юго-Восточная Азия ($\frac{2}{3}$ общего экспорта). У Африки эта доля составляет $\frac{1}{2}$, а у Ближнего и Среднего Востока — около $\frac{3}{4}$, что дает определенное представление о степени хозяйственного сближения стран этих регионов.

Рост взаимных хозяйственных связей в отдельных регионах идет по различным направлениям. В Латинской Америке, где существует достаточно развитая внутрирегиональная инфраструктура и где уже получила определенное развитие экономическая интеграция (устранившая наиболее значительные барьеры на пути взаимной торговли), растет преимущественно внутрирегиональная торговля. Послевоенная стратегия замещения импорта и высокий уровень внешних таможенных тарифов, защищающих молодую национальную промышленность от внешней конкуренции, а также рост интеграционных объединений в значительной степени стимулировали преимущественное развитие внутрирегиональной торговли промышленными изделиями и полуфабрикатами.

В то же время в отдельных странах и территориях Юго-Восточной Азии (Сингапур, Гонконг, Тайвань, Филиппины) быстрые темпы экспортно ориентированной индустриализации, осуществляемой в основном транснациональными корпорациями, при слабом развитии региональных интеграционных процессов, ориентировали их экспорт в основном на другие регионы развивающегося мира. И наконец, слабое развитие производительных сил, отсутствие региональной инфраструктуры и реальной экономической интеграции обуславливают тот же самый процесс и для стран Африки.

Вместе с тем необходимо отметить, что основную массу товаров во взаимной торговле развивающихся стран экспортируют страны ОПЕК и «новые индустриализирующиеся государства», которые претендуют соответственно и на главные выгоды от региональной и межрегиональной торговли и интеграции. Более того, значительная часть экспортной продукции, особенно промышленной, по-прежнему производится здесь филиалами ТНК, которые осваивают рынки этих государств под «национальными» вывесками, проникая на базе экспорта капитала за торгово-политические барьеры «коллективной опоры на собственные силы» так же, как они проникали в свое время за внешние торгово-политические барьеры ЕЭС. С учетом этих обстоятельств, даже несмотря на значительные отдельные успехи в области развития взаимной торговли стран Азии, Африки и Латинской Америки, они все же в целом еще не в состоянии оказывать решающее воздействие на формирование своих взаимных хозяйственных связей, а доля их взаимной торговли в общемировой не превышает пока 7% [97, с. 458]. Соответственно их асимметричная привязка к рынкам За-

пада пока лишь несколько ослаблена, но не поколеблена, и эти последние все еще играют для них роль как основных каналов сбыта, так и получения инвестиционных и потребительских товаров и продовольствия. Сохраняется зависимость развивающихся стран от иностранного капитала и в области внешнеторгового транспорта (см. главу девятую).

Появление в развивающемся мире стран, располагающих крупными ресурсами иностранной валюты, наряду с возрастанием спроса на капитал в других странах значительно оживило их взаимные финансовые отношения. Определенную роль в ускорении такого процесса играют и многонациональные финансовые институты этих стран, действующие в региональных и субрегиональных масштабах: Межамериканский банк развития (МАБР), Африканский банк развития (АфБР), Азиатский банк развития (АзБР), Центральноамериканский банк для финансирования развития, Андская корпорация, Карибский банк, Карибская инвестиционная корпорация. Являясь в какой-то степени альтернативой МБРР, эти организации финансируют инвестиционные, особенно инфраструктурные, проекты регионального масштаба (строительство дорог, электростанций и телекоммуникаций, освоение природных ресурсов региона и т. п.), региональные программы развития, а ряд из них осуществляют также финансовую помощь наименее развитым партнерам.

Однако в 70-е годы всеобщее внимание к себе в этой связи привлекают нефтедоллары ОПЕК. Частично добровольно, частично под давлением общественного мнения страны ОПЕК в дополнение к рециркуляции своих излишков в развитые капиталистические страны начали осуществлять также и программы помощи развивающимся странам, передав им 1,3 млрд. долл. в 1973 г. и 7,0 млрд. долл. в 1980 г. Эти средства предоставляются как на двусторонней межправительственной, так и на многосторонней основе, в результате чего доля стран ОПЕК в общей сумме официальной помощи развитию возросла с 12% в 1975 г. до 18% в 1979 г., в том числе 0,7 и 30% было предоставлено ими на многосторонней основе [304, с. 257; 122, с. 109]. Для этой последней цели созданы специальный фонд ОПЕК с капиталом 1,7 млрд. долл., Арабский фонд экономического и социального развития (1,4 млрд. долл.), Арабский банк экономического развития стран Африки (451 млн. долл.), Исламский банк развития (2,4 млрд. долл.), Специальный арабский фонд для африканских стран — импортеров нефти (200 млн. долл.), Арабо-африканский фонд технической помощи, Арабская инвестиционная компания и др.

До 1974 г. помощь ОПЕК была сконцентрирована преимущественно в арабском мире. Однако затем, под воздействием уже указанных выше причин, началась ее географическая диверсификация. И если в 1973 г. $\frac{2}{3}$ стран, получавших эту помощь, были арабскими, то к 1980 г. они составляли лишь $\frac{1}{4}$ общего числа реципиентов.

Основная часть предоставленных средств идет на рефинанси-

рование платежных балансов стран — импортеров нефти, но усиливается и тенденция к финансированию за счет этих средств многосторонних и региональных проектов развития (в том числе вместе с другими международными финансовыми организациями).

Однако следует отметить, что большинство проектов по программам помощи ОПЕК реализуется транснациональными корпорациями, захватывающими позиции посредника между страной-донором и страной-реципиентом. Кроме того, консервативные режимы отдельных нефтедобывающих стран (Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ) используют предоставляемую ими на двусторонней основе помощь для стимулирования в странах-получателях прокапиталистического развития, поддержки религиозных движений. В целом же развивающийся мир остается второстепенной по значению зоной размещения нефтедолларов, львиная доля излишков которых идет в западные банки. Так, только Абу-Даби имеет там более двух десятков портфельных инвестиций, размещенных через английские, американские, западногерманские и швейцарские банки. Через них же проводится значительная часть инвестиционных операций и Саудовской Аравии. В итоге происходит сращивание арабских финансовых фондов с ведущими банковскими корпорациями западного мира, возникают новые, более закамуфлированные формы воздействия монополистической буржуазии на процесс развития.

Чрезвычайно характерно, что растущую долю в переливе финансовых средств между развивающимися странами составляет их взаимный экспорт частного капитала. Как уже указывалось ранее, свои инвестиции за границей наращивают фирмы и банки Бразилии, Аргентины, Мексики, Индии, Филиппин, Сингапура, Гонконга, арабских стран. За последние годы зарубежные инвестиции колумбийского капитала в других развивающихся странах составляли примерно треть суммы иностранных капиталовложений в самой Колумбии. Аргентинские капиталовложения в Бразилии составили в середине 70-х годов 400 млн. долл. [92, с. 61], а по расчетам советского экономиста Г. Чуфрина, капиталовложения сингапурских, гонконгских и тайваньских инвесторов в экономику Индонезии только за 1967—1978 гг. составили 950 млн. долл. [169, с. 13].

Вместе с тем как объемы, так и характер взаимной финансовой помощи, конечно же, далеко не могут решить инвестиционных и валютных проблем развивающихся стран. Напомним, что только ежегодная выплата ими внешних долгов превышает ныне сумму в 50 млрд. долл., или более 20 % текущей экспортной выручки. На VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран указывалось на необходимость создания новых инвестиционных институтов, способных взять на себя содействие развитию финансовых и хозяйственных связей между молодыми государствами. Однако этот вопрос остается открытым, поскольку большинство развивающихся стран бедно, а боль-

шинство экспортеров нефти, располагающих валютными ресурсами, пока не спешат финансировать подобные мероприятия.

Сравнительно новым явлением в рассматриваемой области является техническое сотрудничество, на ускоренном развитии которого делают акцент все без исключения совместные документы развивающихся стран. Как известно, общая численность научных и инженерно-технических работников в развивающихся странах примерно в 7 раз меньше, чем в развитых капиталистических, а в расчете на 10 тыс. экономически активного населения — в 40 раз меньше. Затраты на НИОКР в 43 раза меньше, чем в развитых странах, и на весь развивающийся мир в конце 70-х годов приходилось всего 3% производства технологически сложных товаров, 6% патентов, выдаваемых в капиталистическом мире [83, с. 25, 29]. И хотя молодые государства стремятся активнее решать задачи технического перевооружения, расширять свой отечественный потенциал науки и техники, пока что их затраты на НИОКР равны 0,35% ВВП против 2,29% в развитых капиталистических странах [102, с. 11].

Тем не менее предпринимаются шаги по созданию объединенными усилиями новых отраслей производства и сокращению технологической зависимости от ТНК.

Наиболее быстро прогрессируют в этой области взаимные поставки машин и оборудования, консультационное обслуживание и подготовка персонала.

Несмотря на общую технологическую отсталость развивающегося мира (хотя Индия, например, тратит на НИОКР больше, а Бразилия столько же, сколько Испания), некоторые из развивающихся стран становятся и экспортерами технологии, причем речь в данном случае идет зачастую о технологии, специально созданной или адаптированной для условий этих стран. Так, Бразилия разрабатывает «тропическую» технологию, и только в Африке действуют около 300 бразильских компаний, экспортирующих промышленное оборудование и технические услуги. Индия сотрудничает со многими развивающимися странами в области промышленного строительства и участвует в строительстве 188 объектов (частично уже готовых) в 33 странах. На этих предприятиях производятся текстиль, машины, химикалии, лекарства, бумага, чугунное литье, сталь, прокат, автомобильные детали, точные приборы, продовольственные товары. Индия заключила также контракты на строительство жилого массива в Кувейте стоимостью 270 млн. долл., строит крупный энергопроект в Ливии на 130 млн. долл., осуществляет программы электрификации в Саудовской Аравии и водоснабжения в Ираке, занимается работами по гражданскому и промышленному строительству в Бахрейне, Иране, ОАЭ.

Получают распространение и трехсторонние соглашения, связывающие воедино источник финансирования, источник технических знаний и страну-реципиента. Необходимые для этого финансовые средства обычно предоставляются нефтедобывающими

странами или их финансовыми институтами, а технические — наиболее развитыми из развивающихся стран, такими, как Бразилия, Аргентина, Индия. Растет также число совместных промышленных предприятий: Нигерия и Гвинея создали совместную компанию по добыче железной руды, Мексика и Ямайка — по добыче бокситов, начали действовать горнорудная компания с участием 12 африканских стран, металлообрабатывающая корпорация Аргентины и Боливии, завод дизельных моторов Индии и Филиппин, цементный завод, находящийся в совместном владении Ганы, Берега Слоновой Кости и Того.

С ростом технического сотрудничества (хотя, конечно, не только по этой причине) возросла миграция квалифицированных специалистов в этом районе мира. Выступая как частичная альтернатива «утечке умов» в страны развитого капитализма, она еще сравнительно невелика и обычно связана с программами технической помощи в рамках ООН. Однако в развивающихся странах сейчас налицо не только демографический, но и образовательный взрыв. Отдельные страны (Шри Ланка, Индия, Пакистан) уже превратились в крупных поставщиков специалистов для развивающихся государств. В последних работает, в частности, более 35% квалифицированных кадров, мигрировавших из Шри Ланки, и 45% — из Пакистана [93, с. VI]. Врачи-иммигранты составляют на Ближнем Востоке примерно 65% всех практикующих медиков, из них 71% — выходцы из других развивающихся стран. Таковыми же являются 47% всех врачей-иностранцев в Африке; в Замбии, например, 50% всего медицинского персонала — индийцы [93, с. VI; 74, с. 54]. И хотя, конечно, достижение развивающимся миром технологической самостоятельности может ставиться как задача лишь на весьма отдаленную перспективу, в этом направлении уже делаются первые шаги и сложилось ясное понимание того факта, что независимое развитие не может бесконечно ориентироваться на импорт технологий.

Особое место в системе экономического сотрудничества развивающихся стран занимает их *экономическая интеграция* на региональном и субрегиональном уровне. Начало ее активного осуществления приходится на 60-е годы, в частности под влиянием концепций антиимпортной индустриализации, авторы которых рассматривали экономическую интеграцию как основное средство увеличения необходимой для такой индустриализации емкости узкого внутреннего рынка многих развивающихся стран.

Исторически первой моделью такой интеграции было создание «общих рынков», т. е. территорий, огражденных единым таможенным барьером, защищающим вновь создаваемую промышленность от конкуренции извне (Центральноамериканский общий рынок, Восточноафриканское экономическое сообщество). При этом предполагалось, что успешное замещение импорта вместе с более рациональным использованием всех имеющихся ресурсов в региональных масштабах позволит резко ускорить развитие производительных сил.

Создавались в развивающихся странах и «зоны свободной торговли» стран-членов, не имеющие единого внешнего таможенного барьера (ЛАСТ, КАРИКОМ, АСЕАН).

Однако очень скоро выяснилось, что одного лишь торгового сотрудничества мало для того, чтобы реально двинуть вперед развитие производительных сил стран-участниц, создать в них дополнительные стимулы к росту. На интеграции непосредственно сказывалась неравномерность экономического и социального развития участвующих в ней стран. Нередко верх над общерегиональными интересами брали националистические тенденции в экономической политике отдельных государств, причины и итоги политических конфликтов в данных регионах и субрегионах.

В итоге, несмотря на общие положительные результаты и значительный потенциал интеграции как орудия независимого развития экономики, ее конкретные успехи по отдельным экономическим союзам и внутри их пока крайне неравномерны. После начального периода роста внутризональная торговля в ряде случаев начинала замедляться. Общий прирост хозяйственного потенциала концентрировался подчас в уже более или менее развитых зонах, складывалась неравномерность итогов интеграции для отдельных стран-участниц. Поэтому интеграция пока не привела к какому-то качественному скачку в развитии производительных сил освободившихся стран. Более того, в ряде союзов интеграционные процессы ныне замедлились, а некоторые из них даже распались под влиянием центробежных сил.

Для преодоления подобных трудностей более поздние объединения развивающихся стран пытаются выйти за пределы одной лишь либерализации внутризонального товарообмена, распространить сотрудничество также и на область производства, встроить в интеграционные модели какие-то перераспределительные и корректирующие механизмы, призванные выравнивать темпы роста и выгоды от интеграционных мероприятий (ЦАОР, Андский пакт). Однако это требует весьма высокой степени взаимодействия стран-членов, укрепления институциональных аспектов интеграции, повышения в ней роли государственного сектора, налаживания планирования, а главное, ограничения внутри таких союзов деятельности иностранного капитала, что в совокупности своей обеспечивается далеко не всегда.

Это особенно касается деятельности иностранного капитала и ТНК. Она сплошь и рядом идет вразрез с целями и планами интеграционных мероприятий, «забывает» их. В частности, иностранный капитал устремляется, как правило, только в более развитые внутризональные районы, лишь усиливая внутреннюю неравномерность экономического развития интеграционных зон в целом. Поэтому в Андском пакте, в ЛАСТ ныне предпринимаются конкретные меры по усилению контроля над деятельностью ТНК. Однако эти меры все чаще наталкиваются на примиренческое отношение местной буржуазии к ввозу такого капитала, на обход их транснациональными корпорациями (см. главу девятую).

В начале 70-х годов, когда борьба развивающихся стран за экономическую самостоятельность захватила и внешнеэкономическую арену, в ней заметно возросла роль объединений стран — экспортеров сырья. Эти объединения, обычно охватывающие все или большинство развивающихся стран, производящих и вывозящих данный вид сырья, ставят своей целью вырвать его рынок из-под контроля господствующих на нем монополий западных стран, лишить их инициативы в ценообразовании и управлении объемами производства, с тем чтобы самим воспринять эти функции и на этой основе увеличить свои экспортные доходы.

Соответственно в программах НМЭП и взаимного экономического сотрудничества, разработанных и принятых «группой 77» и движением неприсоединения, этим объединениям отводится важная роль, в том числе в получении от Запада переговорных уступок по этим программам. С конца 1960 до 1983 г. было образовано около 30 таких объединений, 16 из них контролируют свыше 50% капиталистического экспорта того или иного товара, в том числе 82% бокситов, 95% ртути, 61% меди, 60% вольфрама, 55% железной руды, 60% фосфатов, 93% натурального каучука, 88% какао-бобов, 84% кофе, 92% джута, 64% бананов [331, 1979, № 1, прил., с. 52].

Наиболее существенных результатов в борьбе за свои интересы добилась пока ОПЕК. Контролируя 90% экспорта нефти в капиталистическом мире и используя уникальные, частично невзаимозаменяемые характеристики этого товара, ОПЕК повысила мировые цены за 1973—1980 гг. в 16 раз и наладила контроль за объемами ее производства, вытеснив из этой сферы ряд крупнейших западных монополий. Однако результаты деятельности всех остальных таких организаций, получивших в просторечии название «антикартелей», гораздо менее впечатляющи, что объясняется несколькими причинами.

Во-первых, далеко не все «антикартели» обладают близкой к ОПЕК монополией производства на свой товар, значительная часть которого производится до сих пор вне их контроля в развитых странах, или же этот товар имеет заменители, что особенно характерно для металлов и текстильных волокон.

Во-вторых, различна эффективность деятельности самого внутреннего механизма этих ассоциаций. Так, часть из них регулирует лишь национальные запасы данного товара (например, сахар). Другие пытаются управлять движением рыночных цен, манипулируя объемом буферных запасов соответствующих товаров, но не имеют средств для создания таких запасов в необходимых объемах (медь, натуральный каучук). Третьи дополняют такие запасы (кофе, бокситы) квотированием производства и экспорта, однако так и не могут преодолеть стихию рынка, ибо все эти меры действуют обычно задним числом и способны бороться лишь с результатами рыночных колебаний, а не их причинами.

В-третьих, далеко не во всех «антикартелях» налицо действительное единство действий. «Рыночная дисциплина» не раз нару-

шалась в соглашениях по кофе, какао, меди. Например, когда в условиях резкого сокращения мирового спроса в 1974—1976 гг. члены СИПЕК приняли решение о сокращении производства медной руды на 10% с целью стабилизации рынка, военная хунта в Чили отказалась присоединиться к этому решению и, подчиняясь диктату горнорудных компаний США и Канады, продолжала увеличивать добычу, что привело к срыву мероприятий по регулированию цен.

В-четвертых, «антикартели» в лучшем случае контролируют производство сырья (значительно реже — каналы его сбыта). Однако транспортировка, переработка и распределение (в том числе биржевая торговля) остаются в руках все тех же сырьевых монополий Запада. Например, даже ОПЕК располагает лишь 3,6% тоннажа капиталистического танкерного флота, слаба и база хранения «буферных запасов».

Ряд участников «антикартелей» являются монокультурными экспортерами данных товаров, и получаемые ими выгоды (далеко не всегда определенные) от повышения цен нередко перевешиваются убытками от ограничения этого монокультурного экспорта в рамках «антикартелей». Главное же в том, что под личиной «национальных производителей» внутри «антикартелей» оперируют нередко все те же ТНК, а в ряд таких объединений (ртуть, железная руда, вольфрам) входят наряду с развивающимися также и западные страны.

Наконец, немаловажное значение имеет и состояние конъюнктуры на отдельных товарных рынках, подверженных «антикартелированию», которое сплошь и рядом подвергает единство участников «антикартелей» тяжелым испытаниям в случае ее ухудшения, диктует им политику, отличную от их первоначальных целей.

Все это ограничивает свободу рыночного маневра для «антикартелей», снижает их действенность. Так, в 1983 г. не смогла удержать контроль над мировым нефтяным рынком даже ОПЕК, вынужденная снизить свои официальные цены. Главное же в том, что они не могут выступать как универсальное средство подлинного регулирования рынков, которое возможно лишь на базе международных товарных соглашений с участием всех экспортеров и импортеров и с учетом их взаимных интересов. Следует учитывать и то, что молодые государства в возрастающей степени сами становятся покупателями различных видов сырья и тогда «антикартели» могут вызывать не увеличение внешнеторговых доходов развивающегося мира в целом, а лишь их передел, усиление разогласия между самими освободившимися странами по конкретным вопросам.

События последних лет со всей очевидностью показали, что взаимное экономическое сотрудничество молодых государств является важным инструментом ускорения их развития, отстаивания их интересов на мировой арене, что для такого сотрудничества существует объективная политическая и хозяйственная основа. Это дает молодым государствам возможность преодолевать наследие

колониализма в виде их гипертрофированной зависимости от рынков империалистических стран.

Хотя развитие взаимного экономического сотрудничества молодых государств в рамках борьбы за НМЭП — процесс противоречивый и длительный, можно с достаточной уверенностью предположить, что усилия в этом направлении будут оказывать значительное воздействие как на структурную перестройку мирохозяйственных связей будущего, так и на международные отношения в целом.

Однако не вызывает сомнения, что успех в борьбе за солидарность молодых национальных государств в экономической сфере возможен только лишь при условии подлинно антиимпериалистической направленности их стратегии сотрудничества, при проведении развивающимися странами прогрессивной внутренней и внешней политики.

СОЦИАЛИЗМ, ИМПЕРИАЛИЗМ И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

Возросшая роль освободившихся стран в мировых делах, их продвижение по пути политической и экономической деколонизации вызывают в остальном мире, разделенном на противоположные социально-экономические системы, неоднозначную реакцию. Ее суть и противоположность коренятся в месте этих двух систем в динамике исторического процесса, в различном видении ими смысла и направлений происходящих перемен.

Для марксистско-ленинского мировоззрения эти перемены закономерны, и потому социализм выступает как естественный союзник развивающихся стран в их борьбе за развитие и равноправие в мировых делах. Он видит в движении по пути деколонизации предпосылки далеко идущих социальных преобразований развивающегося общества в соответствии с объективными законами истории. Наоборот, для империализма эти перемены звучат как вызов, как угроза сохранению его внешнеэкономических позиций. Поэтому, комбинируя тактику приспособления и политику силы, он стремится удержать в этом районе мира экономическое и социальное статус-кво, сохранить периферийный и зависимый характер хозяйства и политики развивающихся стран.

Все это опровергает искусственное деление современного мира по оси «богатый Север — бедный Юг», делает проблему развития глобальной еще и в том смысле, что она становится полем соревнования двух систем, показывает различие в их подходах к нуждам и чаяниям народов освободившихся государств. Тем необходимее объективный анализ складывающегося положения в этой области.

Глава седьмая

МИРОВОЙ СОЦИАЛИЗМ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВКЛАД В ДЕЛО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ

Раскрывая содержание интернационального, исторического долга победившего социализма, В. И. Ленин подчеркивал, что в него входит и «поддержка демократического и революционного движения во всех вообще странах, особенно в колониях и в зави-

симых» [34, с. 76]. В соответствии с этим положением, выступив инициатором, активным участником и гарантом политического самоопределения народов бывших колоний, социалистическое содружество продолжает крепить свой союз с антиколониальным, антимпериалистическим движением этих народов на его современном этапе — в их борьбе за экономическую деколонизацию, развитие и прогрессивные внутренние преобразования.

Вклад мирового социализма в этой области многопланов. Это наглядный показ исторически кратчайшего пути преодоления отсталости и экономического сближения наций. Это и конкретный опыт решения национального вопроса, выравнивания уровней развития ранее отсталых окраин и целых стран, который, как подчеркивал Ю. В. Андропов, «внимательно изучается в десятках стран, освободившихся от колониального гнета» [337, 22.12.1982]. Это и обеспечение такого соотношения мировых классовых сил, при котором освободившиеся страны могут успешно противостоять империалистическому диктату, выбирать пути своего развития. Это, наконец, техническое содействие стран социализма освободившимся странам в создании ими основ независимой национальной экономики. В данной главе анализируются первые три из этих перечисленных выше направлений.

Социалистическая альтернатива преодоления отсталости и ее значение

Соревнование двух систем в сфере проблем развития необходимо предполагает наличие у них программных позиций в этой области, жизнеспособность и влияние которых проверяется практикой. Буржуазная наука выдвигает в этой связи целую совокупность теорий (см. главу одиннадцатую): от апологетических до реформистских, от призывающих освободившиеся страны к повторению опыта Запада до моделей движения вспять, к примитивному эгалитаризму. Однако все подобные теории не могут похвастаться эффективностью своего практического применения. Причина этого прежде всего в их презумпции необходимости сохранения процесса развития в капиталистической оболочке и в чисто технократическом подходе к его проблемам, не несущем в себе императива дополнения экономического роста коренными социальными преобразованиями. В итоге, как вынужден был признать даже такой убежденный сторонник капиталистических порядков, как Ф. Махлуп, «страны, которые затратили на свое развитие 100—200 лет, вряд ли могут давать советы другим государствам, как сделать это в 25 лет» [288, с. 501].

Наоборот, именно такую формулу дает заинтересованным государствам реальный социализм, весь опыт хозяйственного строительства в СССР, порвавшим с капитализмом и потому преодолевшем свою отсталость и разруху в небывало короткие исторические сроки. «Русский образец, — отмечал В. И. Ленин, — показы-

вае всем странам кое-что, и весьма существенное» [43, с. 4]. Общая закономерность опережающего роста социалистической экономики была затем подтверждена опытом СЭВ.

Более того, советский опыт дает совершенно конкретный ответ на вопрос о том, какую политику должен проводить промышленный центр, если он действительно хочет поднять до своего уровня отсталую периферию. По сути дела, царская Россия представляла собой современный мир в миниатюре; небольшое европейское индустриальное ядро было окружено в ней громадными и отсталыми многонациональными окраинами, являвшимися объектом эксплуатации русским и иностранным капитализмом. Однако с первых же лет Советской власти ускоренное, опережающее развитие этих окраин, преодоление их отсталости стало частью целенаправленной политики Советского государства.

Уже на X съезде РКП(б) в 1921 г. было определено в качестве политической установки социалистического строительства «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию». Через несколько лет XV съезд ВКП(б) заложил «более быстрый темп развития их экономики и культуры» в хозяйственные планы СССР [52, т. IV, с. 45]. В итоге к этапу построения развитого социализма задача выравнивания уровней экономического развития национальных республик СССР была в основном решена. Исчезли отсталые национальные окраины, в которых зачастую преобладали еще феодально-патриархальные и даже родовые отношения. На базе динамичного, направляемого общегосударственным планом экономического роста всех республик образовался единый союзный народнохозяйственный комплекс.

В международном плане, после образования мировой системы социализма, зона СЭВ стала тем районом мира, где реально происходило выравнивание уровней развития промышленных и ранее отсталых государств. Межгосударственные отношения нового типа содействовали созданию основ современной индустрии в МНР, на Кубе, во Вьетнаме и Лаосе.

Разумеется, определяющей особенностью этих процессов было то, что они происходили внутри социалистического содружества наций, осуществлялись «своими приемами, — скажем конкретнее, *советскими приемами*» [33, с. 178], тогда как освободившиеся страны находятся в капиталистической системе хозяйства, хотя и занимают там особое место. Однако на современном этапе своего развития национально-освободительное движение также вполне способно выдвигать и отстаивать задачи, ставящие целью преодоление отсталости освободившихся стран. И хотя такие задачи в силу специфики переходного периода в этих странах являются по своему содержанию не социалистическими, а общедемократическими, мировой социализм занимает позицию естественного союзника освободившихся стран в борьбе за их реализацию.

Выступая в такой роли, он исходит из своего интернационального долга активного вмешательства в международный политический процесс на стороне прогрессивных сил, из того, что достиже-

ние конечных целей социализма в любом случае предполагает историческую эпоху многих битв, включающих в себя «целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных движений в исразвитых, отсталых, угнетенных нациях» [30, с. 112]. Поэтому и вне социалистического содружества, в этой весьма специфической зоне мира, наши страны твердо помнят о «своей обязанности быть *впереди всех* в постановке, обострении и разрешении *всякого* общедемократического вопроса» [18, с. 83].

Соответственно мировой социализм не ограничивается в деле развития одной лишь демонстрацией присущих ему преимуществ на своей территории, он вносит свой вклад в теорию и стратегию развития также и в освободившемся мире, равно как и в создание благоприятного для этого международного политического климата.

Необходимость глубокой теоретической разработки проблемы преодоления отсталости стала очевидной сразу же вслед за крахом колониальной системы, особенно в условиях усилившихся попыток буржуазной науки удержать освободившиеся страны в своем идеологическом плену (см. [167, с. 147]). В этой связи громадное принципиальное значение имело раскрытие марксистско-ленинской наукой такой важной закономерности современных национально-освободительных революций, как их незавершенность на этапе завоевания политической независимости и необходимость последующего перехода ко второму этапу деколонизации, распространению ее на экономическую сферу. Впервые указанная В. И. Лениным (см. [20, с. 187]), эта закономерность была подробно раскрыта в Программе КПСС, документах Международных совещаний коммунистических и рабочих партий, а затем получила признание со стороны основных сил национально-освободительного движения. «Прогресс, достигнутый в деле деколонизации, — подчеркивал Х. Бумедьен, внося на рассмотрение ООН программу нового международного экономического порядка, — позволил ООН и ее учреждениям сосредоточить свое внимание на проблемах развития... создании таких международных и национальных условий, при которых нынешние отношения господства могли бы быть заменены справедливыми отношениями, основанными на равенстве и уважении суверенитета государств» (цит. по [138, с. 30]).

Давая подробную расшифровку задач второго этапа деколонизации, документы съездов КПСС и братских партий, международного коммунистического движения указывали, в частности, на необходимость уничтожения в освободившихся странах остатков колониализма и феодальных и дофеодальных пережитков, проведения демократических аграрных реформ, ликвидации засилья иностранных монополий, радикальной демократизации общественной и политической жизни, государственного аппарата, возрождения национальной культуры и развития ее прогрессивных традиций (см. [55, с. 29—31; 53, с. 12]). При всей своей специфике и дифференциации события в развивающемся мире идут именно в этом русле, хотя и не всегда однозначно и последовательно. Оправ-

дался и прогноз марксистско-ленинской науки о возрастании на данном этапе деколонизации значения социально-классовых аспектов в освободительной борьбе. В этой связи более масштабно встал вопрос, как в теории, так и на практике, о социалистической ориентации в развитии.

Творческая разработка этой концепции может и должна рассматриваться как один из самых конструктивных вкладов марксистско-ленинской теории и хозяйственного опыта мирового социализма в дело преодоления отсталости и обеспечение исторического прогресса человечества в целом. Действительно, такая ориентация открывает перед освободившимися странами, на которые приходится абсолютное большинство населения земного шара, реальную перспективу избрать «путь... сокращенного процесса развития» [15, с. 446], миновать стадию капитализма, вырваться за рамки вторичной эксплуататорской макроформации, сразу же после обретения собственной государственности выйти на магистральный путь общественного развития в интересах всего народа.

Комплексный анализ социалистической ориентации (содержание которой, конечно же, не сводится лишь к аспектам ускорения и демократизации развития) будет дан в третьей книге данной серии. Здесь же важно подчеркнуть, что выбор освободившимися странами такого пути — это отнюдь не волевой эксперимент, «нарушающий» социальную хронологию истории. Напомним, что К. Маркс решительно протестовал против попыток превращать его «исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы» [6, с. 120]. И хотя, разлагая (своими методами) добуржуазные или предбуржуазные структуры освободившихся стран, капитализм также может сообщать им определенные потенции роста, в истории все познается в сравнении. На закате буржуазного строя, при наличии в мире социалистической системы хозяйства и ее опыта какое-то полномасштабное «вываривание» этих структур в «капиталистическом котле» перестает быть обязательным этапом в их социальной истории, для них создается «возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации» [51, с. 380].

Впервые проанализированная В. И. Лениным на II конгрессе Коминтерна [42, с. 246], эта возможность первоначально реализовалась лишь в ранее отсталых странах, непосредственно вошедших в состав социалистического содружества. Однако при современном соотношении мировых классовых сил число стран, избравших путь социалистического развития, растет и на периферии капиталистического хозяйства (см. [54, с. 11]). Это переносит соревнование двух систем в данной области с двух территориально противостоящих плацдармов уже вовнутрь капиталистической экономики.

Поэтому не случайно, что декларируемое отказа от традиционного капиталистического пути развития, восприятие отдельных элементов социалистического хозяйственного опыта (включая огосударствление отдельных сфер и инструментов хозяйствования)

ныне распространились в освободившемся мире и за пределы стран социалистической ориентации. «Я хотел бы подчеркнуть, — отмечал, например, президент Замбии К. Каунда, — что я желаю национальному хозяйству расширения и процветания. Но, бог свидетель, я не предлагаю строить в Замбии капитализм» (цит. по [307, с. 210]).

Все эти годы социалистическая общественная наука уделяла также немало внимания анализу роли государственного сектора и индустриализации в процессе развития, разработке научной концепции перестройки международных экономических отношений на справедливых, демократических началах, взаимосвязи разрядки и развития, путям решения глобальных проблем человечества. Вопреки попыткам замалчивания и искажения со стороны буржуазных, а иногда и немарксистских оппонентов социализм существенно продвинул вперед мировую экономическую и социальную мысль по проблемам развития, вывел ее на новые исторические рубежи.

Политическая и дипломатическая поддержка молодых государств

Заповедью социализма является не только создание передовой теории, но и ее единство с практикой, в данном случае практикой внешнеполитической. Принципиальная позиция поддержки национально-освободительных движений, столь активно способствовавшая завоеванию молодыми государствами национальной независимости, осталась во внешней политике социализма неизменной и на этапе их экономической деколонизации. При этом изменились формы союза мирового социализма и национально-освободительного движения, возросли их многообразие и действенность.

Так, если на первом этапе деколонизации этот союз осуществлялся в основном с общественными силами стран Азии, Африки и Латинской Америки, то на втором, при сохранении широких связей с этими силами, преимущественным каналом такого сотрудничества стали межгосударственные отношения со странами, обретшими свой суверенитет. Расширилась и тематика сотрудничества, охватывающая ныне все основные сферы общедемократических преобразований и мировые проблемы. Поддержка этих двух сил в антиимпериалистической борьбе все более становится взаимной. «Тесное сотрудничество стран социалистического содружества, национально-освободительного движения и молодых развивающихся государств, — подчеркивалось в Генеральной декларации XII сессии Совета Организации солидарности народов Азии и Африки, — становится решающим фактором мирового процесса» (цит. по [134, с. 90]).

Конечно, и на этом участке внешняя политика социализма остается классовой и принципиальной, исходит из учета движущих сил происходящих изменений, крайнего разнообразия конкретных ситуаций, дистанцирования от попыток соединения освободительно-

го движения с укреплением позиций национальной реакции, постоянного видения общемировой обстановки и конечных целей борьбы.

В зависимости от социально-политического характера сил, стоящих у власти в конкретных освободившихся странах, их встречной политики в отношении социализма содержание и объем соответствующих межгосударственных отношений может меняться. Однако в целом при современном соотношении классовых сил в мире соревнование двух систем, социалистическая экономическая дипломатия, ограничивая возможности империализма, оказывают самое благоприятное воздействие на создание для освободившихся государств международного климата, способствующего их развитию.

Это относится прежде всего к такому фундаментальному достижению социализма, как внедрение в международную жизнь процесса разрядки, который уже пустил в ней глубокие корни. Разрядка является процессом общечеловеческого значения, но в ней есть и свои специфические особенности, действующие как прямо, так и косвенно в пользу развивающихся стран.

Во-первых, любое движение в направлении обуздания военной силы как орудия внешней политики укрепляет международные позиции этих стран, не располагающих такой силой, уменьшает возможность давления на них империализма и; следовательно, позволяет им проводить самостоятельную национальную и коллективную политику, выдвигать с надеждой на успех далеко идущие требования в его адрес, включая и те, которые формируют программу нового международного экономического порядка. Ценность этого аспекта разрядки особо важна для освободившихся государств в настоящее время, когда агрессивные круги США и НАТО пытаются вернуть мир к временам «холодной войны», создать новые формы военно-технической зависимости этих стран.

Во-вторых, прогресс в деле разрядки и расширения ее географической зоны способствует уменьшению числа конфликтов между самими развивающимися странами, что обуславливает как укрепление их политического единства, так и сохранение средств на развитие, затрачиваемых ныне на вооружение.

В-третьих, она открывает возможность расширения внешней помощи развитию, особенно в случае реализации известных предложений СССР о сокращении военных бюджетов стран — постоянных членов Совета Безопасности и использовании части высвобождающихся средств для экономического и технического содействия молодым государствам в этой области.

В-четвертых, разрядка в состоянии привести к таким изменениям в экономике развитых стран, которые также могут оказать весьма благотворное воздействие на решение проблем развивающихся стран. Так, самоочевидно, что ядерный конфликт в развитой зоне мира привел бы к крупномасштабному разрушению основной части современного мирового научно-производственного потенциала, а это отбросило бы далеко назад все человечество,

практически сняло бы с повестки дня всякую возможность направления в развивающиеся страны не только помощи, но и основной части коммерческих поставок оборудования, технологии и продовольствия. И, наоборот, осуществление хотя бы частичной гражданской реконверсии военных отраслей и исследований открыло бы для таких поставок новые массивы товаров и технологии, увеличило бы их предложение (а следовательно, улучшило конкурентные позиции стран-покупателей), спрос на товары самих развивающихся стран (ибо гражданское производство более материалоемко, чем военное), включая потребительский спрос (ибо гражданское производство имеет более высокую удельную занятость, чем военное, а это уменьшило бы безработицу). Одновременно сокращение военных расходов помогло бы уменьшить дефициты государственных бюджетов, снизить налоги, облегчить обуздание инфляции. На гражданские нужды пошли бы и дополнительные партии сырья и топлива, ныне используемые вооруженными силами или оседающие в стратегических запасах. Все это способствовало бы оздоровлению мировых денежных и товарных рынков.

Наконец, в-пятых, атмосфера доверия между государствами позволила бы им существенно разнообразить формы сотрудничества, практически приступить к решению совместными усилиями глобальных проблем человечества, сдвинуть с мертвой точки переговоры о перестройке международных экономических соотношений.

По подсчетам экспертов ООН, даже частичное разоружение дало бы для развивающихся стран совершенно определенную добавку в их экономическом росте (табл. 2).

Разумеется, закрепление и материализация разрядки, гражданская реконверсия части военного производства, приостановка дальнейшей милитаризации (включая освободившиеся страны) являются далеко не простым делом как в экономическом, так и в техническом отношении. Однако определяющим является насущная необходимость проведения этих мероприятий, и здесь у дипломатии социализма множатся ряды сторонников в самих же молодых государствах. Напомним, что еще основатели движения неприсоединения были активными борцами за мир. «Нет более безотлагательной задачи, чем сохранение мира, — говорил А. Сукарно еще в 1954 г. — Без мира наша независимость стоит немногого» [165, с. 290].

Эта истина становится все более очевидной в наше время, перед лицом рецидивов силы в политике империализма. «Мы действительно озабочены негативными последствиями напряженности, которая постепенно подрывает сами принципы мирного сосуществования и позитивные последствия, ожидавшиеся от всеохватывающего процесса разрядки, — отмечал президент АНДР Ш. Бенджедид. — При этом необходимо, чтобы разрядка не ограничивалась какой-либо одной частью планеты, а распространялась на все районы мира, в частности на страны третьего мира, охватила бы все аспекты международной жизни. Наши опасения тем более серьезны, что современная история показывает нам, что пе-

риоды напряженности ведут к посягательству на национальную независимость государств и являются тормозом на пути расцвета народов» [334, 10.06.1981]. «Мы твердо верим, — подчеркивал спикер Народной палаты парламента Индии Б. Джакхар, — что человечество кровно заинтересовано в сохранении мира, поскольку только благодаря ему народы, в особенности стран третьего мира, могут рассчитывать на осуществление грандиозной задачи экономического развития с целью обеспечения лучшей жизни своим народам» [337, 11.12.1980].

Т а б л и ц а 2

Предполагаемый экономический рост отдельных групп развивающихся стран к 2000 г. в условиях продолжения гонки вооружений или ее ограничения *

Группа стран	Сценарии роста**		Выигрыш развивающихся стран от ограничения гонки вооружений, %
	продолжение гонки вооружений	ограничение гонки вооружений	
1. Среднедушевой ВВП, долл.			
Страны засушливой зоны Африки .	143,4	353,1	146,2
Страны Азии с низким доходом . .	136,1	190,4	39,8
Бедные ресурсами страны Латинской Америки	418,2	488,1	16,7
Страны Тропической Африки	244,9	381,3	55,8
2. Занятость в промышленности, млн. человеко-лет			
Страны засушливой зоны Африки .	20,6	48,4	134,9
Страны Азии с низким доходом . .	134,1	177,6	32,4
Бедные ресурсами страны Латинской Америки	52,8	58,3	10,4
Страны Тропической Африки	41,6	67,9	63,2
3. Размер основных фондов, млрд. долл.			
Страны засушливой зоны Африки .	57,3	135,8	139,6
Страны Азии с низким доходом . .	364,4	501,3	37,5
Бедные ресурсами страны Латинской Америки	327,5	378,3	15,5
Страны Тропической Африки	110,6	185,4	67,6

* [98, с. 123—124].

** Первая колонка — при возрастании военных расходов прежним темпом, вторая — при предположении, что в 2000 г. военные расходы будут на $\frac{1}{3}$ меньше тех, которые имели бы место при сохранении их доли в ВВП и географическом распределении на уровне 1970 г.

При этом важно отметить, что конкретная политика социализма опровергла левацкие утверждения о том, что разрядка, как «сговор двух сверхдержав», якобы сковывает национально-освободительную борьбу, изолирует социализм от поддержки этой борьбы. Наоборот, лидеры социалистических стран неоднократно подчеркивали, что она отнюдь не означает «замораживания» социального и политического статус-кво в современном мире, отвергали

призывы дополнить ее каким-то предложенным Западом «кодексом поведения» в развивающихся странах, скроенным на неокOLONиалистский манер. Политическая и материальная поддержка, оказанная социалистическими странами народам Анголы, Эфиопии, Афганистана, солидарность, которую они проявляют с борьбой народов Никарагуа, Намибии, Сальвадора, демонстрируют последовательность курса мирового социализма в этом районе мира, верность его своему интернациональному долгу.

Тот факт, что разрядка представляет собой для развивающихся стран не какой-то внешний, абстрактный феномен, а уже и фактор их внутрорегиональной политики, подтверждают и многочисленные инициативы, выдвинутые Советским Союзом в духе разрядки с целью предотвращения и ликвидации локальных конфликтов, разобщающих освободившиеся страны и способствующих военному проникновению в них империализма. Таковы, например, усилия социалистической внешней политики по урегулированию конфликта между Индией и Пакистаном, советские доктрины безопасности для района Персидского залива и Средиземноморья¹.

Одновременно интересам разрядки и развития служит и свод норм взаимоотношений развитых стран с развивающимися, предложенный Советским Союзом как альтернатива идее упомянутого выше западного «кодекса поведения». На основе Устава ООН, положений Акта Хельсинки и межправительственных соглашений о закреплении разрядки этот свод включает признание права каждого народа самостоятельно решать свои дела и отказ от установления господства, гегемонии и сфер влияния; строгое уважение территориальной целостности, неприкосновенности границ и отказ от поддержки сепаратистских движений; безоговорочное признание права каждого развивающегося государства на равноправное участие в международной жизни, их суверенитета над природными ресурсами, усилий по достижению полного равноправия и деколонизации; уважение статуса неприсоединения.

Равным образом в отличие от Запада страны социализма всегда позитивно относились к коллективной дипломатии освободившихся стран, их региональным организациям, поддерживали их законные, прогрессивные требования в ООН. Это видно, в частности, из посланий советского руководства важнейшим конференциям по проблемам развития, международным организациям освободившихся стран. «Мы с уважением относимся к движению неприсоединения, миролюбивая политика которого вносит полезный вклад в международную жизнь, — подчеркивал Ю. В. Андропов, — мы решительно и неизменно на стороне тех, кто еще и сегодня вынужден бороться за свободу, независимость, само существование своих народов, кто вынужден отражать натиск агрессора или подвергается угрозе агрессии» [56, с. 20].

При этом социалистическая дипломатия отмечает попытки сблизить ее позиции с позицией западных стран в ООН под предлогом «сходства конкретных интересов» в реакции на отдельные предложения развивающихся стран. Разумеется, позиции социалистиче-

ских и развивающихся государств в ходе обсуждения конкретных вопросов не обязательно совпадают. Однако в подавляющем большинстве случаев это происходит из-за противоречивости или непоследовательности предложений развивающихся стран, являющихся равнодействующей их индивидуальных мнений. Естественно, что социалистическая дипломатия с позиций своего классового и политического опыта обращает внимание своих партнеров на эти элементы их позиции, ведет с ними диалог. В то же время Запад, хотя он и использует термин «диалог Север — Юг», обычно встает на позиции конфронтации по существу абсолютного большинства рассматриваемых вопросов, как это было, например, на ЮНКТАД-VI в Белграде в июне 1983 г. Соответственно и в тех немногих случаях, когда реакция Запада и социализма на конкретные элементы программы развивающихся стран оказывается внешне сходной, это диктуется принципиально разными причинами и аргументацией, что обычно и видно из заявлений этих двух групп стран по мотивам голосования.

Кстати, при голосовании документов, предложенных развивающимися странами в ООН, страны социализма, даже при наличии у них частных замечаний, обычно голосуют за такие документы в целом (оговаривая свои замечания в протоколе), тогда как Запад чаще всего идет на встречные ультимативные требования, а при их отклонении голосует против этих документов (или воздерживается, что бывает значительно реже).

Наконец, на современные международные отношения (включая экономические) оказывают свое влияние и двусторонние отношения между социалистическими и развивающимися странами. Многие цели и принципы, которые родило национально-освободительное движение, оставались бы, говоря словами Д. Неру, «выражением благочестивой надежды» [151, с. 57], пока они не были применены на практике в межгосударственном сотрудничестве с социалистическими странами.

Таким образом, изменение соотношения мировых классовых сил, конкретная внешняя политика социалистического содружества способствовали наполнению политической независимости освободившихся стран новым содержанием, упрочению их суверенитета, необратимости процесса экономической деколонизации. В итоге в 70-х годах, как отмечает советский политолог К. Брутенц, «начался такой поворот во взаимоотношениях этих стран с империалистическим миром, который по своему историческому значению может быть сравним с распадом колониальных империй» [128, с. 6], и его действенность будет тем большей, чем более прочным будет союз мирового социализма и национально-освободительного движения.

Следует отметить, что проведение подобной политики является для всего социалистического содружества, и в первую очередь для Советского Союза, отнюдь не легким делом, причем не только дипломатически, но и экономически. Способность «диктовать мир там, где его так называемые хозяева кричат о войне» [5, с. 373],

«иметь решающее влияние на всю мировую политику» [44, с. 165] стоит немалых усилий и жертв. В первую очередь это относится к поддержанию стратегического паритета в ядерных вооружениях, который выступает ныне как убедительный военно-технический аргумент за ограничение таких вооружений и разрядку со всеми вытекающими отсюда позитивными последствиями. Советский Союз, социалистическое содружество несут на себе нелегкое бремя защиты мира, сковывания агрессивных устремлений империализма, причем не только в своих собственных интересах, но и в интересах освободившихся стран.

В свете вышесказанного крайне слепыми и неубедительными являются попытки зачислить СССР и другие социалистические страны Восточной Европы в стан «богатого Севера», противостоящего «бедному Югу», откуда бы эти попытки ни исходили. Мир социализма в таком концептуальном обрамлении предстает уже не как естественный союзник освободившихся стран, а как сила, противостоящая вместе с империализмом их коренным интересам. В широкой исторической перспективе такая концепция искажает роль социализма в мировом развитии, снимает с империализма единоличную ответственность за целую эпоху колониального разбоя, стремится посеять рознь между социализмом и национально-освободительным движением, разобщить эти два потока антиимпериалистической борьбы, вновь оживить теорию «конвергенции» двух систем, перед лицом требований развивающегося мира.

Однако жизнь опровергает эти искусственные построения, показывает, что в современном мире существуют не только два противоположных подхода к отношениям с развивающимися странами. «Экономическое и торговое сотрудничество между молодыми государствами и странами социализма основывается на взаимной выгоде и равенстве, — отмечается в заявлении Организации солидарности народов Азии и Африки, — они представляют собой образец новых экономических отношений, резко отличающихся от тех, которые навязывают миру капиталистические государства» [337, 4.07.1979]. Эта истина находит признание даже в буржуазной литературе. «Традиционное разделение планеты на имущих и неимущих, на богатых и бедных, на развитых и слаборазвитых, — отмечает американский экономист Ф. Бертстен, — больше не соответствует действительности» [196, с. 351].

В этих условиях делаются попытки избирательного очернения политики и практики социализма на отдельных участках его взаимоотношений с развивающимся миром. В последнее время эти попытки концентрируются вокруг тезиса о «недостаточности» объема экономического и технического содействия СССР освободившимся странам, о более «жестких» условиях советской помощи по сравнению с западными, причем опять-таки они исходят и из явно антикоммунистических источников, и из определенных кругов в самих этих странах. Рассмотрение истинного объема и эффекта такого содействия, содержащееся в следующей главе, показывает полную несостоятельность подобных маневров.

МИРОВОЙ СОЦИАЛИЗМ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ТЕХНИЧЕСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ ОСВОБОДИВШИМСЯ СТРАНАМ

Еще в первые годы после Октября В. И. Ленин предвидел «экономическую необходимость союза с Советской Россией» [45, с. 107] для всех стран, стремящихся сбросить колониальное иго и ликвидировать хозяйственную гегемонию империализма. В наши дни экономическое и техническое содействие СССР и других стран социалистического содружества освободившимся странам стало многоконтинентальным по своей географии, разнообразным по формам и крупномасштабным по объему. Оно основано на принципах, рожденных социализмом, знаменующих собой разрыв с эксплуататорской практикой империализма, вклад в перестройку международных экономических отношений на справедливых, демократических началах.

Выступив как альтернативный источник внешнего содействия развитию, помощь социалистических стран ликвидировала монополию Запада в этой области, коренным образом изменила положение в сфере индустриализации молодых государств, создания в них основ национальной промышленности. Другими словами, и здесь социализм создает «совершенно иные международные отношения, дающие возможность всем угнетенным народностям избавиться от империалистического гнета» [45, с. 107].

Принципы и характер сотрудничества

Концептуальная основа экономического и технического содействия социалистических стран развивающимся государствам вытекает из общих принципов политики социализма в отношении этой группы стран, из социалистической научной концепции перестройки международных экономических отношений, включая кредитно-технологические.

Первым и главным принципом является суверенное равенство сторон, что далеко не всегда является нормой отношений между кредитором и получателем кредитов в капиталистической системе хозяйства. Это равенство реализуется прежде всего в том, что вся помощь социалистических государств оказывается в рамках межгосударственных отношений, выступающих альтернативой частному произволу ТНК. Равным образом совместно, а не по желанию зарубежного вкладчика капитала определяется и круг объектов сотрудничества. В 1981 г. только Советский Союз имел таких 65 межправительственных соглашений с освободившимися странами (против 6 в 1951 г. и 14 в 1961 г.) [156, с. 16]. Все же страны — члены СЭВ имеют такие соглашения уже с 80 освободившимися странами [105, с. 24].

В этих соглашениях отражено глубокое уважение к суверените-

ту стран-получателей, будь то суверенитет над их природными ресурсами или экономической деятельностью. Соответственно сооружаемые на основе соглашений предприятия и объекты, итоги геологоразведочных работ передаются в полную собственность этих государств. Сюда же возвращаются все специалисты, проходящие подготовку в социалистических странах, что исключает такое пагубное для молодых государств явление, как «утечка умов». К началу 80-х годов только с помощью СССР в освободившихся странах было построено 1700 предприятий и других объектов и подготовлено 1,25 млн. специалистов. Соответствующие страны сохранили в своей полной собственности разведанные специалистами из социалистических стран запасы полезных ископаемых: нефти и газа в Индии, Ираке, Пакистане и Алжире, железной руды в Нигерии, золота в Мали, руд цветных металлов в Алжире и Конго.

Уважение социалистических стран к суверенитету стран-партнеров проявляется и в увязке содействия их экономическому и социальному развитию с национальными планами в этой области. Подавляющее большинство объектов, сооружаемых при содействии социалистических стран, являются плановыми, а доля кредитов социалистических стран в общем государственном финансировании промышленности составляла в отдельные годы: в Иране — 27%, АРЕ — 40, Афганистане — до 75% [163, с. 42].

В противоположность странам Запада, использующим предоставление технологии, займов, продовольствия и т. п. в качестве политического оружия в ущерб суверенитету принимающих государств, незыблемым правилом социалистического содействия развитию является невмешательство во внутренние дела стран — получателей помощи, уважение их социально-политических порядков и национальных ценностей. «Наши отношения с Советским Союзом, — говорил в 1970 г. президент АРЕ Г. А. Насер, — это уникальный опыт. Советы никогда не пытались влиять на нас, никогда не пытались говорить нам о том, что мы должны делать, как поступать!» [150, с. 212]. «Мы никогда не чувствовали, — отмечал М. Каддафи, — чтобы дружба с вами и развитие двустороннего сотрудничества осуществлялись бы за счет нашей приверженности политическим и социальным ценностям, связанным с нашей национальной независимостью, нашим арабским устремлением к единству, утверждением нашего позитивного нейтралитета, нашим социальным выбором и духовным убеждением» [334, 28.04.1981].

Наконец, при согласовании конкретных условий содействия принимается во внимание и принцип взаимной выгоды. Это отнюдь не противоречит самому понятию оказания помощи, ибо она связана с перераспределением через внешние кредитные каналы значительной части национального дохода социалистических стран и является не филантропической, а в массе своей возмездной. При этом выгода и возмездность, конечно, отнюдь не означают, что выделяемые из государственного бюджета социалистических стран средства направляются за границу с единственной целью получения там прибылей. В наших странах при плановом хозяйстве и

отсутствии частной собственности нет явлений перенакопления денежного капитала, а разница между отечественной нормой рентабельности и зарубежным уровнем процента не служит основой инвестиционных решений. Поэтому при льготных условиях социалистической помощи взаимовыгодность выступает скорее как окупаемость таких операций для страны-донора, необходимость достижения определенной внешнеэкономической эффективности обмена оборудованием и технологией, выделяемых под кредит, на получаемые в его уплату товары с учетом фактора времени и динамики цен. Отсюда и низкий процент на государственные кредиты социалистических стран, не превышающий 3% годовых при среднем сроке кредитования в 10—12 лет, с покрытием этих кредитов традиционными экспортными товарами стран-получателей, включая продукцию сооружаемых предприятий.

Факт перераспределения дохода социалистических стран на льготных для получателей кредита условиях, отсутствие при принятии решений в этой области критериев максимальной прибыльности операций, присущих империализму, пуск во внешний оборот не индивидуальных капиталов, а средств, находящихся в общенародной собственности, отсутствие у социалистических стран каких-либо обязательств за колониальное прошлое развивающегося мира объясняют тот закономерный вывод, что страны социализма действуют в этой области исключительно на добровольных началах и в меру своих народнохозяйственных возможностей. Необходимо также учитывать, что развивающиеся государства вне мировой социалистической системы не являются их единственными партнерами. Страны с относительно низким уровнем развития (кстати, также бывшие колонии, но такие, которым империализм прекратил всякую помощь после вступления их на социалистический путь) имеются и в рамках самой этой системы. Еще не полностью решена задача выравнивания уровней развития социалистических стран Восточной Европы. Значительные суммы ассигновались и ассигнуются национальным республикам или ранее отсталым районам внутри социалистических стран. Наконец, как уже указывалось выше, мировой социализм несет на себе бремя сковывания агрессивных устремлений империализма, предупреждения глобальной ядерной катастрофы.

Следовательно, материальный вклад мирового социализма в развитие нужно оценивать в глобальных, исторических измерениях, с учетом приведенных выше качественных критериев. Это, в свою очередь, лишает смысла простые сопоставления объемов *всех видов переводов* средств из стран Запада в развивающиеся страны и государственной помощи социалистических государств, направляемой вне границ социалистического содружества. Так, у Советского Союза по этому последнему каналу в 1976—1980 гг. распределялось лишь 31,5% всего стоимостного объема экспорта комплектного оборудования, тогда как в социалистические страны, относимые статистикой ООН к категории развивающихся, — около 35,5% и в развитые страны — члены СЭВ — 31,5%. При этом доля

помощи Советского Союза, направляемой вне границ социалистического содружества, непрерывно возрастает: в 1956—1960 гг. она составляла 14,5%, в 1971—1975 гг. — 27% [156, с. 18, 33].

Если учесть, что средства для содействия экономическому развитию изымаются из фондов социалистического строительства, но тратятся в мировой капиталистической системе хозяйства, то эти затраты закономерно соотнобразовываются с нашими собственными представлениями о том, какие пути развития являются наиболее эффективными в современную эпоху, и, следовательно, приоритет в получении этих средств могут иметь государства социалистической ориентации, страны, проводящие политику экономического развития в своих национальных интересах.

«Транссистемность» оказания социалистическими государствами содействия развивающимся странам, остающимся в капиталистической системе хозяйства, закономерно ставит вопрос и о взаимоприспособлении внешнеэкономических механизмов и контрактной практики этих двух групп стран на данном участке их отношений, об использовании здесь какой-то суммы норм и обычаев не только социалистической, но и мировой торговли. Как и в торговле Восток — Запад, социалистические государства идут здесь на использование тех из них, которые оправданы жизнью и не нарушают взаимных интересов сторон. Однако при этом они отвергают целый ряд операций, включаемых по западным понятиям в помощь, равно как такие формы контрактной практики, которые родились на базе деятельности монополий и рассматриваются международным сообществом как ограничительные, нарушающие равноправие стран.

Так, социалистические государства не осуществляют в развивающихся странах прямые производственные инвестиции за пределами зарубежной инфраструктуры, необходимой для продвижения на эти рынки отечественных экспортных товаров, не участвуют в картелях и других союзах монополистов, ограничивающих конкуренцию и навязывающих неравноправные, неэквивалентные условия обмена противостоящим им местным продавцам и покупателям. Деятельности социалистических внешнеторговых организаций чужды и другие виды ограничительной деловой практики, и они добросовестно соблюдают «свод правил», одобренный в этой области ООН (см. [94]).

Эта позиция прямо вытекает из программы борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, одобренной XXV съездом КПСС, которая требует «добиваться устранения дискриминации и любых искусственных препятствий в международной торговле, ликвидации всех проявлений неравноправия, диктата, эксплуатации в международных экономических отношениях» [53, с. 26].

Справедливые, демократические принципы оказания экономического и технического содействия, практикуемые и отстаиваемые социалистическими странами, оказывают все возрастающее воздействие на перестройку международных экономических отноше-

ний. В частности, они значительно способствовали изменениям в контрактной практике и оказали влияние на содержание многих документов ООН, в частности таких, как принципы международных экономических отношений, принятые в 1964 г. на I сессии ЮНКТАД, Хартия экономических прав и обязанностей государств (1974 г.), «Кодекс поведения» для линейных судоходных конференций (1976 г.), проекты аналогичных кодексов для регулирования операций ТНК и в области передачи технологии, всеобъемлющая конвенция по морскому праву. Таким образом, социалистические нормы экономических отношений с освободившимися странами все более пронизывают и деятельность ООН, способствуя выработке здесь нового права и новой политики, способствующих развитию.

Основные направления и сферы оказания содействия

Как неоднократно подчеркивалось в коллективных документах самих развивающихся стран, определяющим в процессе развития выступает прежде всего мобилизация их внутренних ресурсов. В то же время ввиду современного состояния их экономики важным стимулирующим и дополняющим фактором в этом развитии является и внешнее содействие, которое в практике социалистических стран оказывается через каналы торговли, экономической и технической помощи.

Взаимный внешнеторговый оборот стран СЭВ и развивающихся стран в 1960—1980 гг. вырос с 1,7 млрд. до 26,0 млрд. руб. при среднегодовом приросте в 14%, что выше темпа увеличения оборота на многих других участках торговли этих двух групп стран. Всего страны СЭВ торгуют с более чем 100 государствами Азии, Африки, Латинской Америки и Океании, при доле последних в общем товарообороте СЭВ около 12%. Примерно половина этого товарооборота падает на Советский Союз, чья торговля с этой группой стран возросла с 785 млн. руб. в 1960 г. до 12 млрд. руб. в 1980 г., или почти в 15 раз при их доле в общем объеме торговли СССР в 13% [105, с. 10—11].

В динамике товарооборота двух групп стран примечательно значительное превышение экспорта стран СЭВ над импортом, что прямо связано с их поставками в счет кредитов и займов развивающимся странам. Однако, если учесть, что эти кредиты погашаются в товарной форме, это не отягощает платежных балансов развивающихся стран. Так, в частности, по состоянию на 1981 г. Индия уже погасила 77% этих кредитов, а Египет — 66% [156, с. 156].

По структуре торговли социалистические государства выступают прежде всего как поставщики промышленных изделий, на долю которых приходится до половины всего вывоза (а третью часть его составляют машины и оборудование). Особое внимание уделяется поставкам комплектного оборудования в счет выделенных креди-

тов (в экспорте Советского Союза в страны, которым он оказывает крупномасштабное содействие, на долю такого оборудования приходится примерно половина экспорта). Другими важными статьями вывоза социалистических государств являются предметы широкого потребления, продовольствие, химикаты, топливо, сырье. СССР в значительном количестве вывозит прокат черных металлов, нефтепродукты, удобрения, пиломатериалы, ткани. В свою очередь, развивающиеся страны поставляют продукцию тропического земледелия и животноводства, многие виды минерального сырья, а в последние годы — и промышленные изделия (их импорт в 1970—1979 гг. возрастал в среднем на 11% ежегодно) [97, с. 102].

Основными контрагентами социалистического содружества среди освободившихся стран являются прежде всего страны, провозгласившие социалистическую ориентацию. Однако быстро развиваются торговые связи и с другими странами, в том числе с африканскими и латиноамериканскими. Успешное развитие товарооборота в значительной степени явилось следствием того, что по инициативе социалистических государств оно поставлено на прочную договорно-правовую базу в виде среднесрочных и долгосрочных (на 3—5 лет и более) торговых соглашений. Эти соглашения основаны на принципе наибольшего благоприятствования, содержат списки товаров, намечаемых для взаимной торговли, и предусматривают гибкие условия расчетов — от клиринга до свободно конвертируемой валюты. Наличие таких соглашений вносит во внешнюю торговлю развивающихся государств элементы плановости и оказывает на нее стабилизирующее воздействие. Это видно, в частности, из того факта, что товарооборот между странами СЭВ и развивающимися странами продолжал расти даже во время экономического кризиса и тяжелых потрясений в мировой торговле в 70—80-х годах.

Сам факт постоянного присутствия социалистических стран на важнейших товарных рынках вносил, даже при относительно небольших размерах их взаимной торговли с развивающимися странами, качественно новый эффект стабильности во внешнеэкономические связи молодых государств. Это было особенно важно для государственного сектора этих стран, так как доля социалистического рынка во внешнеторговых операциях государственного сектора большинства развивающихся стран была много выше доли этого рынка в их внешней торговле в целом и в адрес этого сектора направлялся практически весь объем экономической и научно-технической помощи стран — членов СЭВ. Государственный сектор оказывался благодаря этому уже не столь уязвимым со стороны стихии рынка и сознательной дискриминации его как «чужеродного тела» частным бизнесом бывших метрополий и мог полнее играть свою роль движущей силы развития.

Наличие и рост социалистического рынка все больше сужали возможности использования империализмом внешнеэкономических связей как орудия давления на молодые государства, санкций против них, проведения крупномасштабных спекулятивных операций

на товарных рынках, ограничительной деловой практики монополий. В частности, импортные операции социалистических стран не раз оказывали стабилизирующее влияние на рынки шерсти, каучука, арахиса, чая, какао, цветных металлов, хлопка, риса и других товаров. В трудные для развивающихся стран времена социалистические государства выступили крупными покупателями бирманского риса, египетского хлопка, алжирского вина, индийской стали, ангольского кофе, поддержали ассоциацию центральноамериканских национальных экспортеров бананов «Комумбана». Советские поставки нефтепродуктов в Аргентину и Бразилию помогли сорвать бойкот их государственных нефтяных компаний картелем «семи сестер», а поставки оборудования — преодолеть последствия отказа западных компаний строить ряд предприятий тяжелой промышленности в Индии, Иране, Ираке, Египте, Алжире.

Наряду с торговлей быстро растет и объем экономического и научно-технического содействия социалистического содружества развивающимся странам. В 1979 г. оно включало сооружение около 4,7 тыс. промышленных и иных объектов, из которых около 3,3 тыс. уже введено в строй [105, с. 18, 19]. Это содействие основано на долгосрочных межправительственных соглашениях, которые имелись в 1980 г. с 90 странами против 34 в 1962 г. [105, с. 18, 19]. Заключаемые на срок до 10—15 лет, эти соглашения органически увязывают такое содействие с долгосрочными планами и программами экономического развития партнеров и ставят перспективу подъема народного хозяйства развивающихся стран на надежную основу в той ее части, которая базируется на развитии сотрудничества с социалистическими государствами.

В 70-е годы были заключены первые многосторонние соглашения между СЭВ в целом и отдельными развивающимися странами (в частности, с Мексикой и Ираком). Кроме того, эксперты социалистических государств принимают участие в составлении планов развития освободившихся государств (Ирак, Алжир, Сирия, НДРГ) и увязке этих планов с перспективами деятельности СЭВ. Текущее согласование объектов сотрудничества и планов развития осуществляется в рамках смешанных межгосударственных комиссий по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Производственные мощности предприятий, построенных и строящихся при содействии стран — членов СЭВ в развивающихся государствах, составляют: по выплавке черных металлов — 30 млн. т в год, добыче нефти — 67 млн., переработке нефти — свыше 50 млн. т, мощности электростанций — 23 млн. кВт, переработке глинозема — 300 млн. т, производству минеральных удобрений — 200 млн. т. Ряд крупных гидротехнических сооружений и оросительных систем, сооруженных при содействии стран социализма, позволяют освоить 3 млн. га засушливых земель. Строятся 180 машиностроительных и металлообрабатывающих заводов, 250 предприятий химической и нефтехимической, 900 — легкой и пищевой промышленности. В области инфраструктуры сооружаются

3 тыс. км железных и 2,7 тыс. км шоссейных дорог. В странах СЭВ в 70-х годах получили высшее и среднее образование свыше 47 тыс. граждан из 100 стран Азии, Африки и Латинской Америки. Этими странами построено и оснащено в освободившихся государствах 56 высших и средних специальных учебных заведений и 124 учебных центра и профессионально-технических училища, которые окончили 300 тыс. специалистов различной квалификации. В процессе строительства находится еще 100 учебных заведений [105, с. 26, 31, 33—34].

При всей разносторонности содействия главное направление в нем — содействие развитию промышленности. Такой приоритет вполне логичен, так как именно индустриализация позволяет быстрее ликвидировать экономическую отсталость, полнее вовлечь в народное хозяйство природные и трудовые ресурсы, ослабить зависимость от импорта, увеличить в экспорте долю полуфабрикатов и готовых изделий, преобразовать на новой технической базе сельское хозяйство, создать диверсифицированную и современную экономику, поднять уровень грамотности и культуры широких народных масс, двинуть вперед отечественную науку, повысить общественную производительность труда и на этой основе — уровень жизни трудящихся.

В сферу промышленности направляется почти $\frac{3}{4}$ всех выделенных кредитов, причем львиная их доля приходится на тяжелую индустрию: добычу и переработку сырья, выплавку черных и цветных металлов, производство проката, оборудования и машин. При содействии СЭВ возводятся металлургические и машиностроительные комплексы, включая предприятия по производству металлургического, горно-шахтного, кузнечно-прессового, подъемно-транспортного и энергосилового оборудования, а также станков. При содействии социалистических государств не только закладывается фундамент индустриализации освободившихся стран, но и возводится само ее здание. «Мы исключительно высоко ценим значительный вклад Советского Союза в наши усилия, направленные на создание мощной промышленной инфраструктуры, — указывал спикер Народной палаты парламента Индии Б. Джакхара, — которая позволила нам уверенно идти по пути самостоятельного национального развития» [337, 11.12.1980].

Содействие претерпевает определенную эволюцию. Вначале по просьбе развивающихся стран акцент делался на создание импортзамещающих производств для сокращения ввоза продуктов питания, изделий легкой промышленности и металлов, а сами масштабы предприятий были рассчитаны на емкость их внутренних рынков. Однако затем акцент в развитии был перенесен на сооружение крупных, рентабельных предприятий, в том числе экспортной ориентации. Это позволяло в определенной степени изменить прежнюю одностороннюю аграрно-сырьевую специализацию, повысить технический уровень промышленности, увеличить экспортные доходы, поднять роль развивающихся стран в международном разделении труда, ограничить их эксплуатацию со стороны

международных монополий. Одновременно часть продукции этих предприятий шла на оплату кредитов стран СЭВ, что создавало гарантированный экспортный рынок и облегчало погашение самих кредитов, содействовало переходу к производственной кооперации между партнерами, способствовало становлению нового международного разделения труда. Так, уже действует около 30 компенсационных соглашений между СССР и освободившимися странами, а советский импорт из этих стран на $\frac{1}{4}$ состоит из продукции сооруженных там предприятий [127, с. 267; 156, с. 155, 156].

Особенность сотрудничества развивающихся стран с социалистическим содружеством состоит и в том, что оно все больше переходит от отдельных предприятий к созданию целых народнохозяйственных комплексов, состоящих из ряда взаимосвязанных объектов промышленности (добыча и переработка полезных ископаемых, выпуск оборудования и машин для горнодобывающей промышленности и т. д.). Такого рода комплексы, за строительство которых Запад попросту не берется, создаются как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, например аграрно-промышленные комплексы на базе Асуанской и Евфратской плотин в Египте и Ираке, а также на границах с сопредельными странами, как приграничный территориально-производственный комплекс на базе использования вод р. Аракс (подробнее см. [135, с. 145—153; 171, с. 189—190]).

Только за 70-е годы общий объем обязательств стран — членов СЭВ по оказанию экономического и технического содействия развивающимся государствам увеличился почти в 3 раза. Со стороны СССР его объем за последние 25 лет возрос в 12,7 раза, на 1981—1985 гг. предусмотрен его рост еще в 1,4 раза [105, с. 18; 145, с. 24].

Очень заметное влияние экономическое сотрудничество мирового социализма с развивающимися странами оказало на прогрессивные сдвиги в их социальной структуре. Эти сдвиги выражаются прежде всего в росте местного рабочего класса, который становится все более надежной социальной базой деятельности национальных демократических и прогрессивных сил. Быстро растут кадры собственной интеллигенции, из среды которой уже вышли многие ведущие политические и общественные деятели молодых государств. «Активная и решительная борьба Советского Союза за ликвидацию колониализма, неизменная поддержка им дела освобождения и равноправия народов, — подчеркивал Ю. В. Андропов, — облегчают им путь к свободе и прогрессу, об этом хорошо знают народы Азии и Африки, Арабского Востока и Латинской Америки» [56, с. 19].

Развитие форм сотрудничества и его проблемы

Объективные потребности дальнейшего развития экономического и научно-технического сотрудничества социалистического содружества с освободившимися странами обуславливают необходимость совершенствования форм и методов хозяйственного обмена

и распространения его на новые сферы в целях повышения эффективности этого обмена и все более полного удовлетворения потребностей обеих групп партнеров. «Техническое содействие развивающимся странам со стороны государств СЭВ может стать и постепенно становится фактором рационального и достаточно прочного разделения труда между двумя группами государств, усиливающейся взаимодополняемости их хозяйственных структур», — отмечал советский экономист О. Богомолов [127, с. 272].

В этих условиях такие формы, как обычная торговля и поставка в кредит оборудования и машин, представляются подчас недостаточными, поскольку они не создают необходимой основы для устойчивых внешнеэкономических связей. И, наоборот, таким требованиям отвечают производственная кооперация и другие формы долгосрочного сотрудничества. Производственная кооперация представляется здесь главным направлением, поскольку именно она ведет к созданию и развитию взаимодополняющих производств, связи между которыми меньше поддаются колебаниям политической и экономической конъюнктуры, чем обычные торговые отношения. Она может налаживаться при поставках оборудования и услуг в рамках кредитно-компенсационных соглашений, на основе поставок промежуточной продукции для изготовления конечного продукта, на базе специализации в производстве определенных узлов и деталей, а также в рамках совместных или смешанных предприятий.

Если первая форма (поставка в кредит оборудования и машин) успешно используется прежде всего в горнодобывающей промышленности, то остальные могут иметь и имеют практически всеобщее применение в обрабатывающей промышленности. Примером первой формы может служить разработка гвинейских бокситов при содействии СССР и советско-марокканское соглашение об освоении в Марокко богатых месторождений фосфоритов.

Другие формы успешно применяют европейские партнеры СССР по СЭВ. Они создали совместно с развивающимися странами смешанные компании в самых различных отраслях народного хозяйства, в частности в производстве автобусов (Венгрия — Ирак), судов (Польша — Алжир, Польша — Индия), нефтепродуктов (Румыния — с рядом развивающихся стран). В последние годы число совместных (смешанных) предприятий достигло уже почти 200 [127, с. 278].

СССР пока ограничивается здесь сферой реализации и обслуживания своих товаров на рынках освободившихся стран и рыбным промыслом. Развивающиеся страны охотно применяют эту форму, так как она дает им доступ к передовой технологии и зарубежным рынкам сбыта. Иностранные участники совместных компаний имеют больше оснований рассчитывать на бесперебойное поступление продукции таких предприятий, в том числе сырья, полуфабрикатов и готовых изделий, чем обычный покупатель. Не представляется принципиальным препятствием и тот факт, что социалистический партнер получает в них свой доход в виде прибыли,

поскольку она здесь является прежде всего денежным выражением рентабельности, грамотного хозяйствования в условиях товарно-денежных отношений.

Все шире применяются и трехсторонние соглашения о сооружении того или иного объекта в развивающихся странах совместными усилиями местных фирм, социалистических организаций и фирм из капиталистических государств. Такое сотрудничество, равноправный характер которого гарантируется участием социалистического партнера, позволяет комбинировать финансово-технологический потенциал участников, повышать качество исполнения проектов. И таких проектов ныне также насчитывается около 200 [105, с. 16].

Наконец, входит в практику привлечение социалистическими государствами нефтедолларов для сооружения на своей территории различных производственных объектов, в том числе и для экспорта продукции в страны ОПЕК. Значение последней формы кооперации ныне возрастает в связи с тем, что европейские социалистические государства осуществляют закупки некоторого количества нефти у стран — членов ОПЕК по мировым ценам. Это позволяет им сэкономить свободную валюту, повысить надежность поставок, а экспортерам жидкого топлива — получить политически благожелательного партнера и емкий рынок.

Разумеется, было бы упрощением считать, что сотрудничество между двумя группами государств развивается без трудностей и проблем. Различны социально-экономические и политические системы партнеров. Социалистическая собственность у одних и до-социалистические ее формы у других осложняют возможности согласования планов экономического сотрудничества, налаживание его механизма. Господствующие в развивающихся странах эксплуататорские или мелкобуржуазные группировки подчас пытаются использовать связи с социалистическим содружеством не только для подъема экономики своих стран, но и для удовлетворения собственных интересов, которые в той или иной степени расходятся с нуждами широких масс трудящихся, а также для оказания давления на развитые капиталистические государства, чтобы обеспечить свое вхождение в мировую систему капиталистического хозяйства на более выгодных условиях.

Наконец, среди части правящих и деловых кругов развивающихся стран подчас бытуют различные предубеждения и антисоциалистические настроения. Они поддерживаются и стимулируются подрывной деятельностью внутренней и внешней реакции. Западная пропаганда огульно охаживает советскую технику и квалификацию специалистов из социалистических стран, использует каждую заминку в осуществлении технико-экономического содействия, запугивает общественность, деловые и политические круги развивающихся стран «советской угрозой». Так, профессор Техасского университета Э. Таборски бездоказательно утверждает, что «использование (социалистическими государствами. — Авт.) экономических и финансовых инструментов и манипулирование ими

для насаждения коммунистического влияния всегда являлось интегральной частью коммунистической стратегии» [313, с. 202]. Реакционный арабский публицист М. Айюб, признавая стремление сирийцев, иракцев и египтян при президенте Насере получить долгосрочные кредиты у СССР на выгодных условиях для строительства предприятий тяжелой и легкой промышленности, тут же пытается доказать, что ныне арабские страны якобы разочарованы экономическими и техническими возможностями Советского Союза, качеством советского оборудования и эффективностью советской помощи (см. [213, с. 81—82]). Официальная египетская пропаганда в 70-е годы пыталась внушить населению мысль о «серьезных изъянах» в проекте и исполнении Асуанской плотины. К сожалению, подчас подобные измышления буржуазных ученых и публицистов оказывают свое влияние на общественное мнение в развивающихся странах, дезориентируют его.

Сохраняющаяся зависимость освободившихся стран от мирового капиталистического хозяйства оборачивается перепадами экономической конъюнктуры, помехами сотрудничеству этих стран со странами социализма, чинимыми Западом. Подчас низкий уровень экономического развития освободившихся стран сужает для социалистических государств возможность получения необходимых товаров от партнеров, ограничивает взаимовыгодный торговый обмен.

Масштабы и темпы увеличения импорта социалистических государств из группы развивающихся стран могли бы быть значительно выше, если бы качество экспортной продукции этих стран в большей степени соответствовало мировому уровню и удалось бы избежать посредничества ТНК и товарных бирж при закупках продукции тропического земледелия и цветных металлов и если бы некоторые партнеры не стремились подчас неоправданно завышать цены на экспортируемые товары.

Отдельные страны, с которыми практикуются расчеты по клирингу, порой пытаются ограничить поставку социалистическим государствам товаров, приоритетно продаваемых на свободную валюту. Другие предпочитают получать у социалистических государств не товарные кредиты, а займы в свободной валюте для использования их в развитых капиталистических странах. Наконец, социалистические государства несут потери и при росте цен на сырье, которое они получают в порядке погашения кредитов, предварительно рассчитывая их рентабельность.

Определенные трудности возникают и у самих социалистических государств. К ним относятся прежде всего конкретные возможности выделения на цели содействия экспортных фондов в условиях высокого внутреннего спроса, обязательств по социалистической экономической интеграции и долгосрочному, крупномасштабному сотрудничеству в рамках «Восток — Запад». Не всегда оказываются адекватными выбор и качество товаров. Необходимо также преодолеть тенденцию к снижению доли машин и оборудования в экспорте ряда социалистических государств и расширить содействие развивающимся странам в области сельского хозяйства

и в таких лидирующих отраслях промышленности, как химия, электроника, приборостроение, средства транспорта.

Становится все более важной задача противостояния экспансии ТНК в эти страны и их технологической зависимости от Запада.

Все эти проблемы и задачи не представляются неразрешимыми. Правильно было бы рассматривать их как определенные трудности на пути развития сотрудничества и одновременно как резервы его роста. По мере осуществления народнохозяйственных планов социалистического содружества вырастут и его возможности по расширению экономического обмена с освободившимися странами, в том числе и для преодоления указанных «узких мест».

Об этом свидетельствует программа действий по дальнейшему развитию всестороннего хозяйственного сотрудничества между социалистическими и развивающимися странами, предложенная странами СЭВ в ООН. Конкретно в рамках III Декады развития ООН на 1981—1990 гг. Советский Союз и другие социалистические страны заявили о своей готовности «в таких формах, которые соответствуют их социально-экономическому строю и основополагающим принципам их внешнеэкономических связей», содействовать укреплению государственного и кооперативного секторов в экономике развивающихся стран, комплексному развитию их экономического и научно-технического потенциала, освоению ресурсов полезных ископаемых, передаче им технологии, подготовке кадров, предоставлять кредиты с оплатой товарами, расширять импорт промышленной продукции этих стран, использовать для развития сотрудничества межправительственные комиссии, обмениваться плановой информацией и т. д.

Этот курс находит в развивающихся странах все более широкое признание. Так, индийский экономист К. Датта, отмечая, что в целом «зависимое положение развивающихся стран от Запада не уменьшается», подчеркивает в то же время, что многие из этих стран «добились в этом отношении некоторых успехов в значительной степени благодаря помощи Советского Союза и других социалистических стран. Без этой помощи Индия, обладающая потенциальными условиями для хозяйственного развития, не достигла бы нынешних рубежей в экономическом прогрессе» [220, с. 68].

Разностороннее влияние социализма на ход событий в развивающихся странах не могут не признать и объективные буржуазные специалисты. Так, австралийский политолог Д. Джукс отмечает, что пример советских республик Средней Азии «служит доказательством того, что можно достигнуть... без участия частного предпринимательского сектора» [251, с. 64—65], английский специалист по Среднему Востоку У. Лакер пишет, что «советский образец экономического развития привлек азиатских и средневосточных плановиков и общественность больше, чем западные модели» [263, с. 266], западногерманский экономист Г. Бишоф указывает на равноправный льготный характер социалистических кредитов [200, с. 343—347].

Суммируя все вышесказанное, можно с полным основанием утверждать, что мировой социализм вносит свой достойный вклад в дело преодоления отсталости и в развитие. Он успешно ликвидировал в своих границах такие понятия, как «зависимое развитие» или «хозяйственная периферия». Он сделал сам процесс развития социально-вариантным, выходящим за узкие рамки частнособственнического хозяйствования и тем открывающим перед освобожденными странами перспективу создания развитого хозяйства, минуя капиталистические издержки его создания. Его идеи, пример его хозяйствования активно питают происходящий в этих странах процесс общедемократических, антиимпериалистических преобразований. Сама нынешняя роль освобожденных стран в мировых делах стала возможна во многом благодаря росту могущества социализма. Наконец, эти страны получают от социалистического сотрудничества разностороннее экономическое и техническое содействие, видят в нем альтернативный источник сотрудничества, разрушающий прежнюю монополию Запада на средства и технологию для развития. «СССР, — подчеркивал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, — за демократизацию как политических, так и экономических отношений между государствами. Что касается нашего участия в оказании содействия освобожденным государствам в преодолении своей экономической отсталости, то в этом отношении Советский Союз делает не меньше, а больше, чем какая-либо из развитых капиталистических стран» [337, 2.10.1982].

Продолжая ленинскую политику интернационалистской солидарности с угнетенными и эксплуатируемыми империализмом трудящимися массами, социалистические страны полны решимости и впредь содействовать социальному прогрессу освобожденных стран. Что касается самих развивающихся стран, то их демократические, прогрессивные силы все более убеждаются, что только в прочном единстве с мировым социализмом можно добиться значительных успехов и заставить империализм сдавать свои позиции. «Экономическая независимость, — указывала танзанийская газета „Дейли ньюс“, — требует ясного понимания социального смысла социализма и капитализма, противодействия теории богатых и бедных наций, основанной на отрицании классового характера двух лагерей в современном мире. Эта теория искажает существо современного революционного процесса и запутывает вопрос о том, кто является врагом, а кто союзником освобожденных народов» [342, 18.06.1979].

Глава девятая

ИМПЕРИАЛИЗМ: КУРС НА СОХРАНЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ

Наступление освобожденных государств на экономические и политические позиции империализма порождает в его центрах достаточно сильную ответную реакцию, определенную консолидацию позиций западных стран перед лицом этого вызова со стороны их

хозяйственной периферии. В. И. Ленин специально указывал, что, чем сильнее оказывается натиск на эксплуататоров со стороны прогрессивных сил, «тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решительные наступления» [39, с. 244]. Нечто подобное происходит ныне и на фронте борьбы за экономическую деколонизацию. После шокового периода начала 70-х годов позиция империализма здесь резко активизировалась, в ней объединяют свои усилия монополистический капитал и буржуазная дипломатия. Комбинируя тактику приспособления, «уступок неважного, сохранения важного» [31, с. 158] и рецидивы политики силы, используя неоднородность развивающегося мира, свой подавляющий технико-экономический перевес над ним, империализм на рубеже 80-х годов сумел притормозить процесс перестройки международных экономических отношений, направить с помощью национальных эксплуататорских классов развивающихся стран часть происходящих здесь перемен в русло все тех же капиталистических порядков, замкнутых рамками вторичной макроформации.

В итоге после первых успехов в деле распространения деколонизации на экономическую сферу национально-освободительное движение ныне нуждается, видимо, в определенной перегруппировке своих рядов, в поиске новых средств и методов борьбы, в движении на ее острие наиболее последовательных антиимпериалистических сил. Подробно все это будет рассмотрено в следующей книге серии. Здесь же представляется необходимой своеобразная инвентаризация и оценка возможностей империализма, которыми он все еще обладает перед лицом освободившихся стран, инструментария его политического и экономического давления на свою хозяйственную периферию и удержания ее на статусе зависимости.

Слагаемые экономического и социального влияния империализма в молодых государствах

Как было показано выше, в современную эпоху, в условиях сосуществования двух систем, освободившиеся государства могут оказываться в противоборстве с империализмом сильнее, чем это следует из оценки непосредственного, двустороннего баланса их сравнительной мощи. Такое приращение их сил знаменательно и служит одним из несомненных проявлений общего кризиса капитализма. Однако само по себе оно еще не может целиком компенсировать глубинных факторов разномасштабности потенциалов двух борющихся полюсов капиталистической системы хозяйства, ибо политика в конечном счете остается концентрированным выражением экономики (см. [46, с. 278]).

Действительно, в регионах развивающегося мира проживает примерно 50% населения Земли, тогда как в развитых капиталистических странах — всего 18%. Однако в хозяйственном отношении эта картина является зеркально противоположной. На разви-

вающиеся страны ныне приходится лишь около 18% мирового ВВП, тогда как на развитые капиталистические страны — примерно в 3,5 раза больше. Несмотря на все успехи развивающихся государств в деле создания национальной экономики, в 1980 г. доля стран ОЭСР в несоциалистическом мире составляла: в расходах на науку и технику — около 95%, в капиталистическом экспорте — 70, в экспорте готовых изделий — 85% [97, с. 2, 3, 347, 478, 479, 490, 491]. Разрыв в душевом ВВП лишь к началу 80-х годов, как уже указывалось, стабилизировался в пропорции 1:12, причем для наименее развитых стран такая пропорция составляла 1:39 [197, с. 34]. Несопоставимы и военно-промышленные потенциалы этих двух групп государств. Несмотря на расширение взаимной торговли и торговли с социалистическими странами, на долю западных держав до сих пор приходится $\frac{2}{3}$ общего объема экспорта развивающихся стран, львиная доля импорта последними капиталов, технологии, технических, управленческих, транспортных, финансовых и страховых услуг. Разумеется, в пользу развивающихся стран мощно действует фактор наличия у них природных ресурсов. Однако зависимость их производителей и потребителей носит взаимный характер. Даже «члены ОПЕК, — отмечал английский экономист Н. Джакоби, — нуждаются в рынках для сбыта их нефти столь же остро, как нефтяные компании в ее получении» [249, с. 281].

Таким образом, при любой оценке хозяйственных потенциалов этих двух групп стран налицо фундаментальная и структурная слабость потенциала стран развивающихся, не нивелируемая целиком факторами политического порядка, а это составляет основу, с одной стороны, для силовых действий империализма в экономике и политике, а с другой — для сохранения, хотя и в существенно модифицированном виде, механизма неравноправия и эксплуатации бывших колоний. В свою очередь, этот механизм конкретно базируется на удержании освободившихся стран на положении периферийного, зависимого звена вторичной макроформации капиталистической системы хозяйства, на все еще сохраняющемся контроле ТНК над значительной частью ключевых отраслей экономики молодых государств и их внешнеторговой товаропроводящей сети, на продовольственной и технологической зависимости этих последних от бывших метрополий, на достигшей громадных размеров задолженности и т. д. При этом империализм в последние годы принимает целенаправленные попытки усиления своих позиций на тех направлениях, по которым молодые государства ранее сумели укрепить собственные позиции. В итоге, хотя уже и на суженной базе, это позволяет монополиям извлекать на территории освободившихся стран неокOLONиальную сверхприбыль, а заодно переносить на потребителей в развитых странах то повышение в доходах, которого сумели добиться развивающиеся в процессе экономической деколонизации.

В основе этого лежат прежде всего особенности включенности развивающихся стран в капиталистический цикл. При тенденции к переходу их воспроизводственного процесса на национальную

базу этот процесс в большинстве стран остается пока разомкнутым в основных своих пропорциях и зацепленным на события в империалистических центрах, что регулярно переносит на развивающиеся страны значительную часть бремени воспроизводственных издержек этих последних. Механизм такого переноса уже освещался в советской литературе, однако в 70—80-х годах объектами такого переноса, которому освободившиеся государства не могут пока противостоять, стали последствия не только классических циклических кризисов, но и структурных диспропорций, а также инфляции.

В наиболее общем виде последствия циклических кризисов сказываются на сокращении спроса на продукцию освободившихся стран на рынках развитых капиталистических. Это касается как сырья, так и готовых изделий, причем недобор ими экспортной выручки усугубляется подчас падением цен, что ведет, в свою очередь, к сокращению импорта и производства в экспортных и связанных с ними отраслях экономики молодых государств. В 70—80-х годах эти процессы затронули практически все группы развивающихся стран, причем если кризис 1974—1975 гг. сильнее поразиł развитые капиталистические страны, то кризис 1980—1983 гг. сказался гораздо сильнее как раз на развивающихся государствах (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Влияние кризиса 1980—1983 гг. на отдельные группы государств
(динамика ВВП)*,
% к предыдущему году

	1976—1980 гг.**	1981 г.	1982 г.***	1983 г.****
Развитые капиталистические страны	3,5	1,3	—0,3	2,0
Развивающиеся страны	5,2	0,7	—0,7	2,0
В том числе:				
нефтеэкспортеры	5,2	—0,4	—2,6	1,0
нефтеимпортеры	5,1	1,6	0,9	2,5

* [81а, с. 3].

** В среднем за год.

*** Оценка.

**** Прогноз экспертов ООН.

В 1981—1982 гг. развивающиеся страны впервые в истории своего независимого существования испытали падение объема производства, впервые за последние 20 лет сократился объем их экспорта, а в реальном выражении — также и импорта, были сорваны планы развития многих государств, колоссальных размеров достиг внешний долг.

Сокращение производства поразило как раз те страны (в основном нефтедобывающие), которые ранее выступали в развивающемся мире своего рода локомотивами экономического роста, а

рост задолженности — те государства, которые наиболее далеко продвинулись по пути индустриализации («новые индустриализующиеся государства»). Более того, неустойчивое оживление, обозначившееся в 1983 г. в некоторых развитых капиталистических странах, стало распространяться на развивающиеся с заметным разрывом во времени. Цены на сырье в 1983 г. продолжали находиться на самом низком уровне за последние 45 лет. Таким образом, в 1983 и начале 1984 г. молодые государства боролись с рецессией в основном на национальной производственной базе, при практическом исключении внешней торговли с бывшими метрополиями из числа факторов экономического роста.

Что касается последствий структурных диспропорций, то они выражаются прежде всего в переносе на большинство развивающихся стран роста цен на нефть и нефтепродукты. «Энергетический счет» развивающихся стран — импортеров нефти возрос с 4,5 млрд. долл. в 1970 г. до 52,6 млрд. долл. в 1979 г. [97, с. 474]. Имел место также перенос в развивающиеся страны из развитых капиталистических стран части мощностей по первичной переработке вздорожавшего топлива и некоторых видов минерального сырья, что во многом «очистило» структуру экономики Запада от нерентабельных или капиталоемких отраслей, но заметно увеличило приростную капиталоемкость индустриализации молодых государств.

Зависимое положение развивающихся стран в капиталистической системе хозяйства делает их жертвами также и инфляции, причем в двух взаимосвязанных измерениях. Во внутрихозяйственном плане она рождается во многом на базе структурных диспропорций отсталой экономики, методов ее капиталистического преобразования. К этому, в особенности в последние годы, регулярно добавляется и импорт инфляции извне, через хозяйственные связи с пораженными ею империалистическими центрами, т. е. в этой своей части инфляция находится вообще вне контроля молодых государств и выступает по отношению к ним как внешняя, принудительная сила. Главным каналом такого переноса служат возрастающие цены импортируемых промышленных товаров в той части, в которой такое возрастание превышает степень их технико-экономического совершенствования. Импорт инфляции может идти и через колебания курса национальной валюты, который у большинства развивающихся стран, даже после того как они покинули прежние валютные зоны, остается привязанным к определенным «корзинам» обратимых валют, а потому зависит от соотношения курсов валют внутри и вне этих «корзин». В итоге в 1981 г. темп инфляции в 70 развивающихся странах был двузначным [212, с. 36]. В самостоятельную проблему в последние годы превратился и инфляционный рост процентных ставок по внешним кредитам, который обусловил катастрофическое увеличение задолженности развивающегося мира.

На этом последнем обстоятельстве нужно остановиться особо, ибо еще до недавнего времени западные специалисты утверждали,

что международная инфляция выгодна странам-должникам (позволяя им оплачивать свои долги обесценившимися деньгами). Приводились даже цифры такого «выигрыша» для развивающихся стран в 13 млрд. долл. в течение 70-х годов [207, с. 43]. Однако «это утверждение, — отмечают эксперты ЮНКТАД, — может быть обоснованным лишь в том случае, если кредиторы абсолютно не учитывают воздействия инфляции при установлении процентных ставок. По мере же расширения практики использования возобновляемых кредитов, что обеспечивает возможность довольно часто пересматривать процентные ставки, кредиторы быстро осуществляют их корректировку с учетом изменения в темпах инфляции... Это привело к существенному увеличению процентных платежей развивающихся стран... сокращению объема долгосрочных кредитов, в результате чего средний срок погашения задолженности уменьшился, а бремя ее погашения стало в результате еще более тяжким» [87, с. 43].

Действительно, в конце 70-х — начале 80-х годов освободившиеся страны вынуждены были занимать на западных денежных рынках средства уже под «плавающий» (т. е. заранее не оговоренный, а периодически корректируемый) процент, прибегать к займам для рефинансирования задолженности (которые не оставляют следа в инвестициях и фонде накопления) и т. д. В итоге их суммарная задолженность западным странам в 1982 г. составила 626 млрд. долл., платежи возросли до 25% общей суммы погашения против 11% в 1970 г., что говорит о резком удорожании займов, а общая оплата задолженности отбирает ныне свыше $\frac{1}{4}$ экспортной выручки против 12% в 1970 г. Так, Бразилия в 1982 г. была должна 87 млрд. долл. при объеме платежей в погашение на 1983 г. в 30,8 млрд. долл., или 117% экспортной выручки, Мексика — соответственно 80 млрд., 43 млрд. и 126%, Аргентина — 43 млрд., 18,4 млрд. и 153%, Венесуэла — 28 млрд., 19,9 млрд. и 101%. У Замбии, например, эта последняя цифра была равна даже 195%. На уплату старых долгов в 1981 г. было потрачено 85% сумм вновь мобилизованных займов [207, с. 86, 88, 90; 81а, с. 51].

Инфляция ставит перед этими государствами и другие проблемы. Ввиду вздорожания импорта и обесценения экспортной выручки в 70—80-х годах у многих из них сокращался физический объем импорта. Это оказало негативное влияние на осуществление планов и экономический рост, вызвало ряд девальваций их валют и удорожание импортных компонентов производства, что также питало внутреннюю инфляцию. Наконец, независимо от того, по каким каналам идет импорт инфляции, он стимулирует неравенство в распределении доходов, ложится на плечи лиц с фиксированными доходами и тех, чьи номинальные доходы не растут с ростом цен. В конкретных условиях развивающихся стран это городская рабочая сила, не объединенная в профсоюзы, служащие, мелкие производители и сельскохозяйственный пролетариат [87, с. 37].

При этом необходимо особо отметить, что передача кризисно-инфляционных импульсов в развивающиеся страны из империали-

стических эпицентров их возникновения отнюдь не обязательно идет лишь фатально-автоматически, как это пытаются представить идеологи «взаимозависимости», требующие от развивающихся стран «разделения жертв». Налицо здесь и сознательная политика корпораций и буржуазного государства, имеющая целью использовать сильные стороны западной и слабые — развивающейся экономики как орудие экономического и политического давления на эту последнюю.

Так, в связи с вздорожанием сырья и топлива на Западе были осуществлены серьезные программы его экономии. При росте ВВП в странах ОЭСР с 1973 по 1980 г. на 19% потребление всех видов энергии возросло здесь лишь на 4%, а нефти — на 3%, что означало снижение удельного потребления энергии на единицу ВВП на 16% и нефти — на 25%; на перспективу каждый процент прироста ВВП будет обуславливать прирост потребления энергии лишь на 0,6%, в том числе нефти — на 0,5% [115, с. 22; 202, с. 133]. Достигнута заметная удельная экономия и других видов минерального сырья. Разумеется, все это идет в русле научно-технического прогресса, повышения эффективности производства. Однако ввиду стихийности этого процесса и структурной зависимости развивающихся стран издержки подобной перестройки во многом падают на их экономику. В частности, сократился в физическом выражении экспорт нефти, и после длительного периода роста цен на нее ОПЕК в 1983 г. не смогла предотвратить их падения. Аналогично, если раньше развитые капиталистические страны предпочитали импортировать дешевое минеральное сырье развивающихся государств, держа в резерве свои собственные ресурсы, то в условиях вздорожания сырья они приступили к целевой разработке отдельных его видов для оказания давления на сырьевые «антикартели». Капиталовложения ТНК в добывающие отрасли в значительной степени передислоцированы в новые районы Австралии, Канады, Аляски, ЮАР, Мирового океана и другие «стабильные» источники снабжения с целью диверсификации набора этих источников в целом. Разумеется, и эти усилия ослабляют остроту энергосырьевого кризиса. Но если учесть, что сырье все еще составляет 70% всего экспорта развивающихся стран, что в 65 странах оно дает 60% всех экспортных доходов, в 48 — 89% и в 20 — свыше 90% [358, 20.10.1980, с. 9, 123], то издержки географической диверсификации капиталистической добывающей промышленности опять-таки ложатся на развивающиеся страны, ограничивая для них хозяйственный маневр с их собственными ресурсами.

Что касается структурной политики, то для нее на Западе характерна прежде всего целевая избирательность, базирующаяся опять-таки на сохранившейся степени монокультурности экспорта развивающихся стран. Переноса на территорию этих стран капиталоемкую переработку минерального сырья, они явно воздерживаются от такой передислокации производственных мощностей по переработке сельскохозяйственного сырья и продовольствия, чьи цены имели на протяжении 70-х годов понижательную динамику.

Например, переработка кофе и какао вполне доступна промышленности развивающихся стран, и во многих из них созданы соответствующие производственные мощности. Однако 92,3% всего кофе ввозится в развитые капиталистические страны в сыром и даже необжаренном виде и только 6,4% — в виде растворимого кофе. В импорте ими какао 65% приходится на сырые бобы и лишь 7% — на порошок какао. Между тем кофе формирует свыше $\frac{4}{5}$ экспорта Руанды и Бурунди, более половины — Эфиопии, Уганды, Колумбии, Сальвадора, а всего фигурирует в вывозе 27 развивающихся стран. Какао формирует $\frac{4}{5}$ экспорта Ганы, около $\frac{1}{3}$ — Гренады, Бенина, Самоа, БСК, а всего экспортируется из 12 освободившихся стран [107, с. 3, 9; 108, с. 3, 10].

Препятствием на пути изменения структуры такого экспорта в сторону его облагораживания является эскалация тарифных ставок на импорт из развивающихся стран по мере повышения степени обработки товара, «выжимающая» обработанное сырье с рынка стран-потребителей. Например, в ЕЭС даже для стран, пользующихся принципом наибольшего благоприятствования при импорте, порошок какао облагается в пять раз более высокой пошлиной, чем сырые бобы, в Японии их обложение равно 21 и 0% соответственно. Растворимый кофе в ЕЭС облагается пошлиной почти в четыре раза выше, чем зеленые зерна, в Японии пошлины на них составляют 17,5 и 0% [107, с. 14; 108, с. 14]. Если учесть, что переработка на месте только 10 сырьевых товаров (медь, бокситы, фосфаты, каучук, хлопок, джут, кожа, древесина, кофе, какао) может увеличить экспортные поступления освободившихся стран на 27 млрд. долл. в год [88], плоды такой политики будут очевидны — постоянно повышая свою долю в капиталистическом ВВП, освободившиеся государства гораздо медленнее увеличивают ее в стоимости, добавленной обработкой, вынуждены менять в международном обороте свой простой труд на сложный, а это закономерно сказывается и на пропорциях такого обмена. Более того, значительная часть стоимости, добавленной обработкой, прямо изымается у них в пользу импортирующих стран самой указанной выше эскалацией таможенного обложения, всей своей тяжестью падающей на овеществленный труд.

В импорте промышленных товаров развивающихся стран на рынки Запада в 70-е годы сложился и такой феномен, как «новый протекционизм». Он комбинирует высокое таможенное обложение с нетарифными барьерами (квотами, лицензированием ввоза, техническими стандартами, регулированием цен импорта, режимом госзакупок и т. д.), которые, сохраняя эффект удорожания, присущий пошлинам, выступают в руках правительств западных стран также и как средство оперативного регулирования и ограничения такого импорта. По подсчетам экспертов ЮНКТАД, общий уровень протекционистской защиты местных рынков от промышленного экспорта молодых государств составил (в скобках соответственно эффект тарифной и нетарифной защиты): в США — 32% цены товара (7+25), во Франции — 47% (17+30), в Швеции — 67% (7+

+60), в Японии — 77—82 % (32+45—50) [330, с. 51]. «Новый протекционизм» сокращает потенциальный промышленный экспорт молодых государств, обрывает на недогрузку их промышленность, снижает эффективность индустриализации и внедрения новой техники, рентабельность которой на их узких внутренних рынках невозможна без массового экспорта. Но он же выступает в руках западных держав мощным средством вымогания у развивающихся стран разного рода встречных уступок.

Наглядный пример протекционистского давления на экспортеров развивающихся стран даст международное соглашение по текстилю, заключенное под эгидой ГАТТ и котирующее его экспорт из этих стран на западные рынки. Оно покрывает ныне 85% экспорта текстиля и одежды и содержит около 3000 ограничительных квот для индивидуальных стран-экспортеров, причем в 1983 г. Комиссия ЕЭС вновь уменьшила эти квоты по сравнению с 1982 г. для четырех главных поставщиков [353, 24.08.1982]. То же имеет место в отношении стали, электроники, судов, обуви, игрушек. «Рецессия, — отмечает „Файненшл таймс“, — сделала такую, по сути дела, ограничительную практику вполне респектабельным делом» [347, 24.08.1981].

Формально эти ограничения оправдываются на Западе целью сохранить в условиях кризиса рабочие места, которым угрожает возрастающий импорт. Но, во-первых, безработица в развивающихся странах ныне в 10 раз выше, чем в развитых, а во-вторых, многочисленные исследования показывают, что «потеря рабочих мест из-за импорта» из развивающихся стран формирует на Западе едва 5% общего контингента безработицы, тогда как остальные 95% возникают там по внутренним циклическим и структурным причинам. Кроме того, импорт менее дорогих товаров сбивает и темпы инфляции. Так, по расчетам западногерманского экономиста Г. Гирша, полная либерализация импорта из развивающихся стран на рынок ФРГ, конечно, может привести к потере определенного количества рабочих мест и росту правительственных расходов на пособия по безработице примерно на 700 млн. марок в год. Но выигрыш потребителей от приобретения этих более дешевых товаров составит 1,5 млрд. марок в год только по текстилю и одежде. В целом же, если подобная либерализация пройдет организованно и постепенно в течение 10 лет, то потери от нее рабочих мест в ФРГ не превысят 1% всего контингента рабочей силы, тогда как протекционизм все равно не в состоянии предотвратить упадок отраслей, конкурирующих с дешевым импортом [234, с. 273, 276].

Кроме структурно-социальных причин протекционистские круги Запада приводят в свое «оправдание» и довод о том, что защита местной промышленности активно практикуется и самими развивающимися странами. Но этот довод не выдерживает критики хотя бы уже потому, что в молодых государствах такая защита является вполне правомерной и официально разрешается многими международными соглашениями, включая ГАТТ. Кроме того, импортные пошлины в развивающихся странах, в отличие от развитых,

до сих пор играют важную фискальную роль, их протекционизм не является дискриминационным, уровень импорта предопределяется в условиях необратимости валют объемом экспортных поступлений и кредитов, а главное, здесь вовсе не наблюдается в последние годы усиления протекционизма, а скорее отмечается его ослабление (см. [86, с. 34—36]).

Известно, далее, что в начале 80-х годов многие развивающиеся страны вновь в широких масштабах столкнулись с проблемой голода. Решить эту проблему в ее основе, на базе повышения эффективности земледелия, им помогают страны социализма, с чьей помощью здесь сооружаются свыше 300 объектов в аграрном секторе. Однако острота проблемы заставляет ряд стран прибегать к массовому импорту зерна и продовольственной помощи, что опять-таки используется Западом как орудие давления. «Предоставлять продовольственную помощь странам только потому, что там голодают люди, — заявил эксперт Совета национальной безопасности США Д. Эллерман, — это весьма несостоятельный побудительный мотив». А бывший министр сельского хозяйства США Э. Батц подчеркивал, что «продовольствие — это оружие, это ныне главный инструмент в нашем арсенале международных переговоров» (цит. по [230, с. 63]). И американская дипломатия активно пользуется этим «инструментом» в отношениях с развивающимися странами как на двустороннем, так и на многостороннем уровне.

Нельзя, наконец, забывать и о том, что развивающиеся страны, их правительства и предприятия сталкиваются в сфере международных экономических отношений, как правило, с ТНК, чья финансово-техническая мощь далеко превосходит их собственный потенциал и возможности. Так, только на долю филиалов транснациональных корпораций США приходится около 10% капиталистического производства, и вместе со своими материнскими компаниями они контролируют не менее 25% производства в 39 отраслях мировой капиталистической промышленности, 26—50% — в 29 отраслях, более половины — в 6 и более 75% — в одной отрасли [325, с. 267—268]. Такой концентрации не всегда могут противостоять и «антикартели» производителей сырья, и это одна из причин, почему ни один из них даже отдаленно не смог повторить эффект ОПЕК [349, 27.02.1981]. На индийском рынке действуют 50 ТНК, причем объем продаж каждой из них превышает годовой бюджет индийского правительства. «Индийский рынок, — отмечал „Индиен экономик джорнэл“, — составляет менее чем 1% объема глобальных операций таких ТНК, как „Юнион Карбайд“, „Ай-Си-Ай“ или „Юнилевер“. Уже одно это наделяет их подавляющей силой воздействия на коммерческих переговорах, которой не обладает никто на отечественном рынке», с соответствующими последствиями для ценообразования и пропорций обмена [348, 1977, № 2, с. 181].

Даже после всех актов национализации в 1980 году в развивающихся странах действовало около 27,5 тыс. предприятий и других объектов, принадлежащих ТНК [81, с. 318]. В Индии, на-

пример, оперировала 171 иностранная дочерняя компания, причем 25% их операций приходилось всего на 5 фирм с оборотом более 1 млрд. рупий каждая. Не случайно поэтому VII конференция глав государств и правительств присоединившихся стран вновь выразила «серьезную тревогу по поводу транснациональных корпораций, которые проводят незаконную и нежелательную политику, практикуют коррупцию в развивающихся странах, а их стремление получать максимальные прибыли ведет к нарушениям в экономике этих стран» [117, с. 161].

Мощным рычагом экономического и политического сжатия на развивающиеся страны служит и передача им новой технологии. Зависимость этих стран от нее практически безальтернативна, ибо 94% выдаваемых в них патентов принадлежит иностранцам (80% из них — фирмам США, Англии, ФРГ, Швейцарии и Франции), а местные лица владеют всего 1% действующего мирового патентного фонда [227, с. 24]. Даже национальные нефтяные компании стран ОПЕК сталкиваются при закупках оборудования, как правило, лишь с 6 ведущими западными фирмами (американские «Бейкер», «Дрессер индастриз», «Халлибартон», «Ходж тулс» и английские «Шумбергер» и «Смит интернешнл»), на долю которых приходится 70—92% производства различных видов этого оборудования и инженерных услуг в капиталистическом мире. В итоге создаются условия для технологической дискриминации местных фирм и правительств, ибо 85—90% американской технологии идет в адрес местных фирм, так или иначе связанных с ТНК, и $\frac{3}{4}$ — прямо в адрес филиалов ТНК США [361, 1979, № 798, с. 36, 38]. «Эффективный перелив технологии возможен лишь в том случае, — отмечают эксперты ЮНИДО, — когда приобретающее предприятие развивающейся страны располагает каким-то минимальным уровнем технологического потенциала... и может вплести ее в ткань отечественного производства» [103, с. 157]. Однако при отсутствии национальной базы исследований и разработок в этих странах подобная ситуация возникает крайне редко. Наоборот, «отношения между собственником патента и лицензиатом складываются по своего рода феодальной формуле: господин и вассал» [348, 1977, № 2, с. 186].

Чрезвычайно важное значение имеет и сохранение контроля ТНК над инфраструктурой современной капиталистической торговли — транспортировкой, финансированием, хранением, сбытом и т. д., — что позволяет им занимать позиции посредников между производителями в развивающихся странах и конечными потребителями в западных странах — к невыгоде обеих сторон.

Хотя на долю развивающихся стран приходится 60% экспортных и 22% импортных грузов в мировой морской торговле, их доля в тоннаже мирового морского флота составляет всего 10%, т. е. подавляющая часть этих грузов перевозится на судах западных стран [90, с. 82]. Что касается сбытовой сети, то «главные сбытовые агентства располагаются в столицах потребляющих стран, таких, как Лондон и Париж, а не в столицах стран-производите-

лей, таких, как Лусака или Киншаса, — пишет американский экономист Р. Скляр. — Эти агентства с их многообразными деловыми связями являются все еще незаменимыми для производителей сырья, ибо они не могут быть ни национализированы, как шахты, ни быстро заменены без катастрофических последствий». В итоге «правительства, которые экспроприируют производственные мощности, должны искать договоренности с теми, кто контролирует необходимые каналы сбыта» [307, с. 82], а это влияет на конечное ценообразование, в частности, по товарам биржевой торговли. Так, английские компании до сих пор контролируют закупки 95% индийского чая, скупая его в нерасфасованном виде по 10 руп. за 1 кг, тогда как расфасованный чай продается по 15—26 руп. и быстрорастворимый — по 45 руп. за 1 кг. То же происходит с 90% экспорта индийского табака. В целом же через руки ТНК проходит 50—60% экспорта из развивающихся стран фосфатных удобрений и сахара, 70—75% бананов, каучука, риса, сырой нефти, 75—85% олова, 85—90% какао, чая, кофе, табака, хлопка, дерева, меди, 90—95% бокситов и железной руды [360, 1981, № 10, с. 59].

Что касается промышленного экспорта развивающихся стран, то в значительной своей части он идет также с местных филиалов ТНК (их продукция составляет 50% такого экспорта стран Латинской Америки, 73% — Бразилии, 82% — Мексики). В этих условиях нередко случаи сохранения старых порядков в отношениях между суверенными государствами и ТНК, рецидивов заключения неравноправных договоров, широкого применения корпорациями ограничительной деловой практики. Например, в БСК предприятия ТНК получают освобождение на 5 лет от налогов на промышленные и торговые прибыли, собственность и добычу полезных ископаемых, тарифные льготы на импорт оборудования и сырья, скидку в 50% на 10 лет с экспортных пошлин, и поэтому не случайно иностранный капитал контролирует здесь 75% обрабатывающей промышленности [270, с. 13—15, 65].

В арсенал ограничительной деловой практики входят такие инструменты, как картели экспортеров и импортеров, промышленные и банковские консорциумы, транспортные конференции, ограничительные условия лицензионных соглашений, бойкот поставщиков (покупателей). Так, на развивающиеся страны распространяется действие практически всех экспортных картелей фирм США, 54 картелей ФРГ, почти 95% зарегистрированных экспортных картелей Японии, около 100 международных картелей. Консорциумы нередко создаются для блокировки фирм на торгах на сооружение отдельных проектов с целью навязать развивающимся странам завышенную стоимость их осуществления. Такие случаи имели место в азотной промышленности Индии, Индонезии, Пакистана. В нефтяной промышленности такая форма использовалась для противостояния нефтяных компаний правительствам Ливии и Ирана. Конференции объединяют судовладельцев, работающих на линиях, по которым перевозятся грузы развивающихся стран, и бесконтрольно устанавливают тарифы на такие перевозки.

В соглашения о предоставлении развивающимся странам лицензий включаются ограничения на сферы использования передаваемой технологии, на объем производства, уровень цен, на масштабы и направления экспорта лицензируемой продукции [303, с. 134]¹.

В свою очередь, вся эта материальная база сохранения неокolonизма сочетается с политикой приспособления и маневрирования, проводимой империализмом перед лицом нарастающего движения за экономическую деколонизацию и перестройку международных экономических отношений. Эта политика, выработанная совместно западной дипломатией, бизнесом и академическими кругами, имеет ныне и свои долгосрочные, стратегические и краткосрочные, тактические аспекты и обширный правовой, дипломатический и контрактный инструментарий. В ее выработке, в частности, активное участие принимали участники Трехсторонней комиссии, объединяющей политиков, бизнесменов и ученых США, Западной Европы и Японии, Комиссии Брандта, МБРР, Международной торговой палаты, Римского клуба.

Что касается стратегических целей, то главной из них является ставка на трансформацию существующих многоукладных структур развивающихся стран по капиталистическому пути, гарантирующая их сохранение, пусть на модифицированном статусе, во вторичной макроформации и в мировой капиталистической системе хозяйства. Все исследования Римского клуба, Трехсторонней комиссии и аналогичных им организаций исходят из положения о неизбежности этой системы, игнорирования социализма как исторической альтернативы для развивающихся стран. Другими словами, идеологи империализма пытаются подменить сам характер противоречий, разделяющих бывшие колонии и бывшие метрополии, снизить их качественный уровень с антагонистических до внутрибуржуазных.

Питательную среду для такой эволюции освободившихся стран создает уже сам по себе процесс разложения патриархальных структур, а также развитие тех элементов капиталистического уклада, которые ранее были пересажены в колонии. Кроме того, В. И. Ленин специально предупреждал, что когда империализм разрушается, то «приходится иметь дело с разрушением верхушки и обнажением основания», которое также является капиталистическим [37, с. 155]. Это во многом справедливо и для такой специфической формы отеснения империалистических отношений, как экономическая деколонизация. В зависимости от конкретного соотношения социально-политических сил в конкретных развивающихся странах, как и характера власти, она может стать как трамплином для прогрессивных преобразований в интересах всего народа, так и, наоборот, дать толчок к «фабрикации фабрикантов», укрупнению местной буржуазии, ее слиянию с сословно-бюрократической элитой. В этом случае между буржуазией бывших метрополий и местной буржуазией складывается классовая общность, которая проявляется в противостоянии не только социалистической ориентации, но даже и отдельным элементам демократических

реформ, радикальным требованиям других освободившихся стран. «Чем больше экономически более передовые страны Юга чувствуют себя в состоянии достичь целей своего развития в рамках существующей глобальной экономической системы, — пишет американский политолог Р. Хансен, — тем меньше их интерес в изменении этой системы в том направлении, в котором к этому стремится „группа 77“» [242, с. 101].

Конечно, идеологи монополистической буржуазии вынуждены отдавать себе отчет в том, что в современных условиях их стратегические концепции не могут осуществляться самотеком, в расчете на некое автоматическое и предопределенное торжество капитализма в многоукладной экономике. При наличии социалистической альтернативы в развитии, радикализации неимущих масс империализм вынужден идти на целевое и форсированное возвращение местной буржуазии в освободившихся странах, содействие в превращении ее в массовый класс, способный удержать политическую власть. Поэтому он готов идти на целевые уступки ей (включая внешнеэкономические). Он переходит от «помощи вообще» к форсированию экспорта частного капитала, который переносит в бывшие колонии капиталистический уклад. Этому, кстати, способствует появление на рубеже 80-х годов в некоторых особенно сильно обуржуазившихся развивающихся странах наряду с критическим и примиренческого отношения к иностранному капиталу, нашедшему способы приспособиться к происходящим переменам. Так, за последние два десятилетия доля частных средств в общем притоке ресурсов из западных стран в освободившиеся увеличилась с 40 до 64% [97, с. 330—331]. Связями с частным капиталом обросли и международные кредитные институты.

Вместе с тем монополистическая буржуазия Запада отдает себе отчет в том, что, возвращая своих туземных братьев по классу, она создает себе не только опору, но и конкурентов, а само это возвращение отнюдь не означает прекращения неокOLONиальной эксплуатации, предполагает контрмеры против притязаний туземной буржуазии на самостоятельность в национальных и мировых делах, ибо эти дела продолжают решаться в зависимости от силы и капитала. Подобное противоречивое единство классовой солидарности и коммерческой конкуренции пронизывает всю империалистическую стратегию приспособления и накладывает очевидный отпечаток на конкретные участки и направления попыток ее реализации.

В самом широком плане таким направлением является поиск монополиями «смычки» с туземной буржуазией с двойной целью: укрепления ее классовых позиций на местах и одновременно удержания в зависимом положении. Этим целям служит целая система льгот в международной торговле, предоставляемых развивающимся странам по государственной линии (преференции, удешевление помощи и пр.). На частном уровне это находит свое выражение в передислокации в эти страны части производственных мощностей, уступке местному бизнесу вспомогательных и обслуживающих

операций, созданию смешанных обществ и т. д. Так, в Латинской Америке американские ТНК передали местному бизнесу многие субконтрактные работы, ряд транспортных и обслуживающих предприятий. Компания «Нэстлэ», например, построила в рамках Центральноамериканского общего рынка завод порошкового молока, передав местному бизнесу 26% акций [229, с. 130]. Филиалы ТНК все чаще становятся участниками национальных ассоциаций предпринимателей. «Такая политика, — пишет американский экономист М. Уилкинс, — стимулировала развитие местного бизнеса. Старые барьеры между иностранными предприятиями и обществом были ослаблены» [327, с. 400].

В том же направлении действуют и различные целевые организации западных корпораций, созданные для операций в развивающихся странах. Три из них — «Адела», «Пика» и «Сифида», действующие соответственно в Латинской Америке, Африке и Азии, — созданы специально для финансирования местного бизнеса, а их членами состоят сотни западных фирм. Западноевропейский капитал, имеющий интересы в Африке, создал специальную «группу семи», которая стала «общим органом частных ассоциаций по экономическому сотрудничеству с Африкой» [352, 20.10.1978]. Проводником того же влияния служит и Европейский центр промышленного развития и освоения заморских территорий, изыскивающий конкретные возможности «партнерства» на Африканском континенте. Характерно, что в самое последнее время в экспорт капитала при поддержке западных правительств и организаций предпринимателей активно устремился также и средний и даже мелкий бизнес, который, по мысли буржуазных идеологов и политиков, легче ассоциируется с местным капиталом и даже преподносится как «альтернатива» ТНК, хотя в социальном плане их конечные цели едины.

Одновременно ТНК, зачастую при содействии западных реформистских профсоюзов, насаждают в развивающихся странах рабочую и менеджериальную аристократию, вербуемую из персонала своих и ассоциированных предприятий, патерналистские схемы и закрытые профсоюзы, противопоставляющие себя национальному рабочему движению и являющиеся рассадником реформизма и соглашательства в местном неокрепшем пролетариате. Так, «хозяйский» профсоюз «Алкан» на бокситовых рудниках Демба в Гайане в 1971 г. объявил... антиправительственную забастовку в поддержку иностранного капитала [303, с. 132].

Вместе взятые, эти силы формируют ныне своеобразную «пятую колонну» империализма, средство уже не только внешней, политической, но и внутренней, структурной и идеологической, колонизации развивающихся стран. «Эти институциональные структуры и рост потребительского общества, копирующего Запад...кооптируют себя в элиту развивающихся стран, которая становится тесно привязанной к многонациональным корпорациям и мировой капиталистической системе, — суммирует положение американский экономист Л. Соломон. — Глобальные гиганты создают груп-

пы своих клиентов, чьи интересы, привилегии и статус создаются за счет их связей с иностранными фирмами. Эти группы клиентов имеют свои предвзятые интересы в воспроизведении доминирующих позиций многонациональных корпораций в местной экономике» [310, с. 94]. При этом ТНК активно идут на подкуп своих потенциальных союзников, обработку общественного мнения средствами массовой информации. Они ищут «лиц с хорошими связями, базирующимися на их социальном статусе и (или) политическом или бюрократическом опыте» [193, с. 54]. Так, директором англо-южноафриканской компании «Лонро» в Кении был родственник президента Кении. ТНК финансируют 80% радио- и 75% газетной рекламы в Кении. В Колумбии филиалы ТНК США запустили в прокат 43-серийный телефильм «Частные инвестиции — благо для общества» и т. д. [271, с. 377]. Подобная «пятая колонна» активно используется для вмешательства во внутренние дела и экономическую политику развивающихся стран, включая формулирование их национальных планов развития и отношение к иностранному капиталу (подробнее см. [136, гл. 3]).

Таким образом, даже в условиях политической независимости развивающихся стран и перед лицом их экономической деколонизации ТНК находят пути «широко использовать свою экономическую и неэкономическую силу с целью не только приспособиться к новым условиям хозяйствования, навязываемым извне, но также и изменять и формировать их» [101, с. 36]. Оправдывается предвидение В. И. Ленина, что самоопределение наций само по себе еще не устраняет господства в них финансового капитала [26, с. 254]. При этом весьма характерно, что, делая определенные круги местной буржуазии проводниками своей политики, империалистические страны и их транснациональные корпорации, формально заявляя о «партнерстве» с ней, тем не менее продолжают культивировать в ее отношении все те же неравноправные формы экономических связей, прежде всего по двум линиям: попыткам сохранения привилегий иностранного частного капитала и изыскания рычагов сохранения своего главенствующего положения даже в рамках новых, неакционерных контрактных и институциональных предприятий.

Первая цель достигается в современных условиях путем угрозы «забастовки инвестиций», т. е. отказа вкладывать инвестиции в экономику той или иной страны впредь до создания в ней для этого «благоприятного климата». Этот метод стал особенно широко применяться после того, как в условиях кризиса была сокращена государственная помощь развитию и оказалась на пределе способность развивающихся стран брать кредиты у частных банков. Организации предпринимателей составляют для этих целей и широко афишируют так называемые «индексы надежности» отдельных стран, оформляемые как рекомендации для инвесторов. В их число входят показатели «политической стабильности и инвестиционного климата», «делового климата», «опасности экспроприации», «делового риска» и т. д., причем индексация отдельных

стран осуществляется буржуазными экспертами довольно произвольно.

Постепенно складывается и техника обеспечения доминирующего влияния и в новых (включая и неакционерные) формах взаимоотношений. В основе его чаще всего лежит все та же технологическая и финансовая зависимость, ограничительная деловая практика, а также нехватка в развивающихся странах собственного управленческого опыта. «Смешанные предприятия, — указывает американский исследователь японских ТНК Ф. Вайнштейн, — настолько зависят от поставок сырья, оборудования, запасных частей, финансирования и системы распределения, что местные акционеры не могли бы пренебречь внешними советами под угрозой полного развала работы предприятия» [324, с. 389]. В итоге, по оценке Р. Вернона, ТНК нередко извлекают из предприятий нового типа не меньше прибыли, чем из старых [323, с. 156].

Вся эта система эксплуатации опирается и на деятельность международных финансовых институтов, в первую очередь МБРР и МВФ, которые обуславливают свои займы проведением получателями предписываемой ими экономической политики. «Контролируемые Соединенными Штатами международные финансовые организации, такие, как Межамериканский банк развития, Международный валютный фонд и другие, представляют займы и кредиты на особых условиях, — писала мозамбикская газета „Мовименту“. — Вот некоторые из их дискриминационных требований: освобождение розничных цен из-под государственного контроля, замораживание заработной платы трудящихся, передача предприятий государственного сектора в руки частных предпринимателей» [354, 26.08.1979]. Это также позволяет ТНК сдвигать в свою пользу пропорции товарообмена с развивающимися странами, навязывать монопольные цены подчас даже их независимым и государственным фирмам. Эти попытки особенно усилились в рамках участия МВФ в пересмотре условий погашения задолженности многих молодых государств, где его слово зачастую является решающим.

Выработка и осуществление политики в отношении развивающихся стран являются на Западе делом не только ТНК, но и всего государственно-монополистического комплекса стран их базирования. Буржуазное государство берет на себя в этой области такие функции, как оказание экономической и дипломатической поддержки «своим» ТНК в развивающихся странах, а также отстаивание их интересов на уровне межгосударственных отношений и в международных организациях.

Государственная поддержка экспансии ТНК сводится к гарантированию их экспортных кредитов и инвестиций, передаче им заказов в счет государственной помощи, предоставляемой развивающимся странам, а также к прямому дипломатическому вмешательству в пользу ТНК в их конкурентной борьбе и конфликтах с местными правительствами. Так, американское правительственное ведомство ОПИК застраховало от экспроприации свыше 70%

объема частных инвестиций США в Южной Америке, Восточной Азии и Средиземноморье и 44,6% — в Африке, Южной Азии, Центральной Америке и Карибском бассейне. Сходные системы страхования имеют и 14 других западных стран [194, с. 25]. Значительная часть государственной экономической помощи является «связанной», т. е. лишает соответствующую развивающуюся страну выбора в географии размещения заказов, которые могут быть выданы только фирмам страны-донора. В ценовом выражении такая «связка» нередко ведет к повышению контрактных цен на 15—25%. Наконец, что касается дипломатической поддержки, то «в инструкциях, многократно и периодически повторяемых с начала 60-х годов, госдепартамент обязывал американских послов регулярно встречаться с менеджерами американских филиалов... с тем, чтобы посольства США представляли собой эффективный источник помощи американским инвесторам в этих странах» [193, с. 51]. «Внешняя политика США, — отмечает американский политолог Д. Брукстоун, — прямо направлена на гарантии частной собственности, свободы рынков и прибылей для международно-оперирующих бизнесменов США» [203, с. 11]. Такое же положение в большей или меньшей мере характерно и для других стран. «Говорить о том, что правительство и деловые круги Японии постоянно кооперируются друг с другом, — пишет Ю. Цуруми, — значит практически прибегать к клише», причем такая ситуация «не является монополией одной Японии» [318, с. 153].

В наиболее «невинных» случаях речь идет о лоббировании местных правительств соответствующими посольствами с целью получения фирмами «своих» стран выгодных условий инвестирования и заказов. Так, в Индии посольство США домогалось передачи заказа на строительство завода удобрений фирме «Бетчел», а в Индонезии даже выступило инициатором образования консорциума фирм для участия в торгах на строительство металлургического завода [193, с. 76, 78]. Однако нередко имеет место прямое вмешательство иностранных дипломатов во внутренние дела страны пребывания «от имени и по поручению» монополий. Так, связь между штаб-квартирами нефтяных ТНК США и Англии и их делегациями на переговорах с ОПЕК в Тегеране шла через рации посольства и госдепартамента США. В Эквадоре посол США Р. Блумфилд потребовал «объяснений» от Государственной нефтяной корпорации относительно отказа в выдаче контракта американской «Оушеник», завывшей сумму проекта на 10 млн. долл.

Одновременно на межгосударственном уровне для давления на молодые государства активно используются средства торговой политики, такие, как, например, квоты ввоза сырьевых товаров из отдельных развивающихся стран, ежегодное перераспределение которых (сахарных квот США, банановых — ЕЭС и т. д.) используется в качестве средства политического манипулирования. Применяется для этой цели и специальное «карательное» законодательство вроде американского Закона о торговле 1974 г., лишавшего освободившиеся страны преференциальных льгот и помощи

в случае национализации американской собственности без «немедленной и адекватной компенсации». В последние годы таким орудием стал «новый протекционизм».

Разумеется, путем такой политики западные страны в конечном счете искусственно сокращают не только доходы и фонд накопления развивающихся стран, но и свои собственные рынки в этих районах мира, на что, в частности, прямо указывают документы ЮНКТАД-VI и второй доклад Комиссии Брандта. Однако в кризисных условиях 70-х и 80-х годов на Западе возобладала тенденция не к культивированию этих рынков будущего путем углубления на этом участке международного разделения труда, а, наоборот, близорукая тактика перекалывания на плечи молодых государств всех тягот этого кризиса, что, естественно, сдерживало их развитие.

Позиции Запада в многосторонней дипломатии развития

Характерной особенностью настоящего времени, как уже указывалось выше, является коллективное дипломатическое противостояние империалистических и развивающихся стран по вопросам перестройки международных экономических отношений, ареной которого стали международные экономические организации. Со стороны Запада это связано как с традициями коллективного колониализма, так и с тем фактом, что молодые государства с начала 60-х годов выдвигают на международной арене свои требования в коллективных документах, разрабатываемых в рамках «группы 77». В свою очередь, западные страны координируют свои позиции в рамках ОЭСР.

В центре этого коллективного дипломатического противостояния находится прежде всего выдвинутая развивающимися странами программа установления в мире нового международного экономического порядка. Ее содержание и оценка уже были даны в главе пятой. Здесь же целесообразно остановиться на некоторых особенностях тактики западных стран, направленных на срыв реализации этой программы.

Если самая первая реакция Запада на НМЭП была игнорирующей и негативной, то затем сырьевой кризис и нарастание движения за экономическую деколонизацию заставили его перейти от обструкции к диалогу в этой области. Однако позиция, занятая Западом в диалоге, имеет свои особенности.

Первой и основной из них являются попытки каким-то образом изолировать от этих дискуссий страны социализма или по меньшей мере вбить клин между ними и освободившимися государствами. С этой целью, с одной стороны, делаются попытки вынести обсуждение наиболее острых вопросов за рамки ООН, на отдельные форумы, где социалистические страны либо вообще не представлены, либо их представительство не универсально. Так, разрыванию обсуждения вопросов НМЭП в органах ООН, осо-

бенно после принятия Генеральной Ассамблеей по инициативе социалистических и развивающихся стран Хартии экономических прав и обязанностей государств, Запад пытался противопоставить сепаратную конференцию «Север — Юг» в Париже, которая была создана на организационном базисе ОЭСР и где развивающийся мир представляли всего 19 стран. Заметно активизировалась в последние годы деятельность ГАТТ, где не представлены многие социалистические страны, но которое предпринимает ряд инициатив, явно конкурирующих с ЮНКТАД, например по разработке системы преференций в торговле между развивающимися странами, в чем Запад видит своеобразный «черный ход» для своего воздействия на осуществление выдвинутой этими странами программы «коллективной опоры на собственные силы». Сепаратно, в рамках «группы 20» при МВФ, был разработан и проект реформы международной валютной системы. Такой же характер носила и встреча лидеров некоторых развивающихся и западных стран в Канкуне (Мексика).

Весьма характерно, что во всех этих случаях развивающиеся страны добивались лишь самого минимального учета своих требований. Это лишний раз доказывает бесперспективность надежд на достижение развивающимися странами крупных, кардинальных торгово-политических успехов без непосредственного сотрудничества с мировым социализмом, обреченность «прагматического», реформистского подхода к перестройке экономических отношений между бывшими колониями и бывшими метрополиями.

С другой стороны, именно поэтому в последнее время на Западе резко усилилась активность буржуазной политикеэкономии и политологии по пропаганде эклектической концепции «богатый Север — бедный Юг». Такие усилия имеют триединую цель: вбить клин между социалистическими и освободившимися странами, изолировать эти последние в их антиимпериалистической борьбе; помешать ООН выполнять свои основные уставные задачи по поддержанию мира и безопасности; выдвигать в ООН с помощью политически незрелых и колеблющихся элементов «группы 77» и прямой агентуры Запада в ней такие же экономические и политические требования к социалистическим странам, как и к капиталистическим, ставя их фактически на одну доску.

Для этого выдвигаются положения о необходимости замены классовой, социальной оценки «богатства» и «бедности» на «национально-государственные» критерии их определения, о некоем «объективном сходстве» интересов социалистических стран и Запада перед лицом требований НМЭП. «В будущем, — пишет, например, Р. Портс, — Восток будет иметь интересы, больше совпадающие с интересами Севера, чем Юга, и таким образом окажется союзником Запада в решении основных экономических проблем... В интересах Востока примкнуть к Западу, с тем чтобы уступки, предоставляемые Югу, оказались бы минимальными» [296, с. 64]. Естественно, что подобные концепции немедленно отвергаются дипломатией социализма и на этот случай буржуазная

политология и политэкономия имеет в своем арсенале иную, внешне противоположную позицию.

Буржуазные идеологи утверждают, что основное противоречие нашей эпохи разделяет уже не две системы собственности, а две группы государств с различным душевым доходом и что конфликт глобального значения может вспыхнуть именно здесь, а не в результате антисоциалистических военных приготовлений империализма. «Грядущий вызов человечеству, — утверждает, например, голландский бизнесмен-политолог А. ван Дам, — уже не заключается больше в конфликте между Востоком и Западом; он заложен ныне в конфронтации между Севером и Югом» (цит. по [226, с. 151]). Ему вторит журнал, издаваемый Фондом Д. Хаммершельда в Швеции: «Несмотря на все современные потрясения и впечатления, создаваемые органами массовой информации, конфликт между Севером и Югом гораздо глубже, чем между Востоком и Западом» [182, с. 85]. Соответственно развивающиеся страны приглашаются (и подчас делают это) выдвигать в адрес социализма заведомо неправомерные, аналогичные обращенным к Западу претензии, а главной целью деятельности ООН в соответствии со смещением оси «основного конфликта эпохи» объявляется уже не поддержание мира и безопасности, а удовлетворение требований развивающихся стран, не разрядка, а развитие.

Несложно понять, с учетом диалектики взаимосвязи этих двух глобальных процессов, что подобные аргументы быют одновременно и по разрядке (препятствуя освободившимся странам внести в нее свой достойный вклад), и по развитию (лишая эти страны экономического дивиденда разрядки и противопоставляя их мировому социализму). Тем более странно, что подобные концепции до сих пор имеют хождение в литературе развивающихся стран и в их коллективной дипломатии. И хотя ряды сторонников таких концепций перед лицом фактов реальной жизни в целом редеют, что показала, например, VII Конференция неприсоединившихся стран в Дели, это вносит свои дополнительные осложнения в и без того медленный прогресс во многих сферах деятельности ООН, ослабляет там позиции самих же развивающихся стран.

Наконец, характерной особенностью западной политики является внесение раскола в ряды молодых государств как внутри, так и вне ООН. Вне ООН наиболее показательной является практика «ассоциации» отдельных групп этих стран с империалистическими интеграционными объединениями, примером чего служат Ломейские конвенции между ЕЭС и странами АКТ. Внутри же ООН западная дипломатия усиленно культивирует столкновение интересов, с одной стороны, между нефтедобывающими и нефтепотребляющимися развивающимися странами, а с другой — между наиболее и наименее развитыми из их числа. Самых же нефтеэкспортеров, согласно сообщению западногерманского журнала «Шпигель», западные страны негласно поделили на «голубых» (консервативных) и «розовых», примерно определив долю той и другой группы в энергоснабжении Запада. Путем создания круп-

ных запасов нефти и закупки любых количеств нефти у «голубых» они рассчитывают держать под постоянным давлением страны, проводящие независимый внешнеэкономический курс, сокращая при необходимости свой импорт из них [363, 1980, № 23, с. 55—56]. Усилиями Либерии, Гондураса, Панама и других стран, практикующих «продажу» своего флага в морском судоходстве, в ЮНКТАД была торпедирована невыгодная Западу резолюция об ограничении «свободной регистрации судов» [351, 21—27.05.1979]. Между тем под такую «свободную регистрацию» подпадает ныне 21% тоннажа мирового морского торгового флота, причем владельцами $\frac{2}{3}$ этого тоннажа выступают фактически те же западные страны [90, с. 10, 12].

Тактические комбинации западной экономической дипломатии опираются, с одной стороны, на набор концептуальных доктрин, а с другой — на развернутый аппарат правовой аргументации. Стержневой среди них является все та же доктрина «взаимозависимости», которая фактически отрицает возможность сколько-нибудь серьезной перестройки экономических отношений внутри капиталистического хозяйства, считая это «катастрофичным» для экономики всех втянутых в них стран. При этом, по следам опыта 70-х годов, на первый план выдвигаются те ее аспекты, которые требуют «солидарной» ответственности всех стран за состояние мировой экономики, т. е. часть бремени борьбы с кризисными явлениями, возникающими в центрах империализма, открыто возлагается на его хозяйственную периферию.

Соответственно Запад, со ссылкой на «кризисные затруднения», как это открыто проявилось на ЮНКТАД-VI, во-первых, отказывается от ранее принятых на себя обязательств по увеличению льготной межправительственной помощи, доля которой в общем чистом притоке средств из западных стран в развивающиеся сократилась с 32% в 1970 г. до 23% в 1982 г. В «компенсацию» развивающимся странам предлагаются все те же дорогостоящие банковские займы и допуск частного капитала, доли которых в общем объеме передачи средств возросли с 1970 по 1982 г. с 39 до 51% и с 8 до 14% соответственно [118, с. 210—211; 119, с. 304—305, 112, с. 35]. Во-вторых, он пытается ввести во все международные мероприятия по осуществлению НМЭП «принцип градации», т. е. дифференцированный подход к предоставлению льгот развивающимся странам в зависимости от их уровня развития, предусматривающий отказ от предоставления относительно более развитым среди них односторонних, невзаимных льгот и переход в отношениях с ними на базу «частично сбалансированной взаимности». Такая тактика, например, красной нитью проходила через все переговоры «Токио-раунд» в ГАТТ, где западные страны обусловили предоставление развивающимся странам тарифных и нетарифных уступок их встречным частичным таможенным разоружением, сокращением государственного стимулирования промышленного экспорта и его добровольными ограничениями.

Следующей основополагающей доктриной является селектив-

ность подхода к удовлетворению и даже обсуждению требований развивающихся стран. Западная дипломатия отказывается рассматривать программу нового международного экономического порядка как взаимосвязанный комплекс требований и настаивает на ее дезинтеграции с целью выделения для обсуждения лишь тех разделов, которые имеют шансы на «практический успех». В том же направлении действует тактика непризнания отдельных коллективных документов как базы для переговоров. Например, западная дипломатия считает такой базой решения VII Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, представляющие собой лишь «выборку» из решений VI Специальной сессии, а также итоговые документы Конференции «Север — Юг» в Париже, хотя последние не имеют никакого статуса в ООН и их положения не поддерживаются многими развивающимися странами. И наоборот, на ЮНКТАД-VI и ЮНИДО-III Запад отказался признать как базу для дискуссии Буэнос-Айресскую и Делийскую программы «группы 77», хотя они являлись официальными подготовительными документами развивающихся стран к этим сессиям. Так, из 116 пунктов декларации «группы 77» на ЮНИДО-III западные страны отвергли 60, а на ЮНКТАД-VI вообще отказывались от обсуждения целых разделов «платформы Буэнос-Айреса». При этом наряду с попытками замолчать или убрать из этих документов невыгодные для Запада экономические положения остракизму подвергаются и прогрессивные, антиимпериалистические разделы этих документов, направленные против расизма, апартеида, удержания чужих территорий силой, провозглашающие свободу выбора путей развития, его взаимосвязь с разрядкой и т. д. На ЮНИДО-III таким путем были заблокированы практически все политические положения декларации «группы 77».

Специфической разновидностью этих доктрин являются доклады «независимых экспертов» и их групп, где за фасадом объективности (в форме определенной критики существующего положения и внешне радикальных рекомендаций) проводятся либо реформистские, либо прямо выгодные Западу идеи. Так, реформистской альтернативой НМЭП был доклад Я. Тинбергена. Его авторы правильно указывали на некоторые внешние аспекты энергосырьевого кризиса. Однако выход из него, в полном соответствии с доктриной «взаимозависимости», они видели в создании «системы глобального планирования и управления» ресурсами [315, с. 185], т. е. в их интернационализации под контролем западных стран. В практическом плане эта идея была доведена до логического конца Г. Киссинджером, предложившим на ЮНКТАД-IV в Найроби создание «Всемирного банка ресурсов» по типу МБРР, что вызвало резкую критику развивающихся стран и провал соответствующей американской резолюции при голосовании.

Многие внешние черты кризиса и тупика в диалоге по вопросам НМЭП подчеркивают и два доклада Комиссии Брандта. Однако одной из их функций явно была попытка сбить накал недовольства у развивающихся стран позицией Запада в отношении

НМЭП, «выпустить пар из котла», создав иллюзию готовности Запада пойти навстречу их требованиям. На практике эта иллюзия полностью рассеялась на состоявшейся в соответствии с предложениями первого доклада Комиссии Брандта встрече в Канкуне (Мексика), которая носила сепаратный характер и окончилась безрезультатно для развивающихся стран.

Второй доклад Комиссии Брандта рекомендовал этим странам прежде всего проявить уступчивость в переговорах с Западом, частично вынести эти переговоры за рамки ООН в «узкие группы», отказаться от «жестких требований» и расширить допуск в их экономику иностранного капитала [202, с. 2—4, 16, 142]. В какой-то мере этот доклад повлиял на позиции развивающихся стран на ЮНКТАД-VI. Стараниями консервативно-реформистских кругов этих стран наряду с прогрессивными был внесен ряд соглашательских рекомендаций, смягчены некоторые принципиальные требования. «Платформа Буэнос-Айреса» исходила в целом из признания доктрины «взаимозависимости», необходимости поиска компромиссов по важнейшим требованиям НМЭП. Однако именно этот реформистский подход во многом и определил неуспех ЮНКТАД-VI в Белграде. Расценив готовность «группы 77» к уступкам как слабость, Запад вообще саботировал обсуждение ряда положений платформы (сырье, протекционизм), а резолюции, принятые по многим другим ее положениям, были в лучшем случае повторением ранее принятых решений (финансы, сотрудничество между самими развивающимися странами), или даже ревизовали эти решения не в пользу развивающихся стран.

Далее, ссылаясь на «свободный рыночный характер» своей экономики, правительства стран Запада отрицают возможность эффективного контроля за операциями ТНК, в том числе в рамках разрабатываемой системы международного регулирования их операций. Неубедительность таких заявлений очевидна на фоне развернутого государственно-монополистического вмешательства в экономику и в самих этих странах, равно как и того факта, что «неуправляемые» ТНК прямо участвуют в выработке позиций своих правительств на международных переговорах². Полномочий этих правительств обычно хватает и для того, чтобы затруднить операции своих фирм с социалистическими странами. Однако тезис «неответственности» активно используется в международных переговорах, в частности как основа для придания вырабатываемым таким образом документам, в которых заинтересованы развивающиеся страны, не обязательного, а диспозитивного характера.

Наконец, нередко западная дипломатия использует в собственных целях и саму процедуру многосторонних переговоров. За коллективной позицией бывает легче скрыть негативное отношение к тому или иному вопросу отдельных капиталистических стран. «Работа через многосторонние каналы, — пишет, например, Д. Маккеймар, — США приобретают иммунитет против последствий тех своих акций, которые, если бы их предпринимать в одностороннем порядке, могли бы иметь меньший эффект или породить нежела-

тельные последствия. Иммунистский потенциал таких акций через ООН может быть особенно необходим стране в периоды, когда она пытается освободиться от выполнения тех или иных своих обязательств глобального плана» [192, с. 333]. Между тем эта общая позиция в ходе согласования в ОЭСР обычно превращается в позицию наиболее негативно настроенной страны (стран), и на ЮНКТАД-VI такой страной были США, удерживавшие западную группу от любых уступок «группе 77». Та же процедура дает достаточно возможностей и для существенной затяжки переговоров, и даже «Нью-Йорк таймс» характеризовала тактику западной дипломатии на переговорах «Север — Юг» как стремление «заговорить развивающиеся страны до смерти» [242, с. 283].

Следует учитывать и тот факт, что рекомендации и резолюции ООН и ее органов носят характер моральных обязательств, выполнение которых ожидается лишь от голосовавших за них стран. Поэтому в последнее время основные социально-экономические решения ООН принимаются консенсусом, т. е. без голосования и при отсутствии возражений со стороны стран-членов (которые, однако, могут сделать отдельные индивидуальные или коллективные оговорки к принимаемым документам), что предполагает опять-таки равнение этих решений на пределы уступок со стороны наиболее консервативно настроенных государств.

Все это создает условия для снижения уровня требований молодых государств, выхолащивания их содержания, наглядной иллюстрацией чего служит обсуждение в ЮНКТАД и в ООН программы нового международного экономического порядка. Что же касается отношения развитых капиталистических государств к этим требованиям, то в области сырья они выступают за заключение отдельных товарных соглашений, а не их совокупности («принцип селективности»), отказываются от обсуждения «индексации», а «общий фонд» после нескольких раундов переговоров по нему уменьшен по сравнению с первоначальными требованиями «группы 77» в восемь раз, и до сих пор соглашение по этому вопросу не ратифицировано половиной западных стран. Западу удалось настоять («концепция неответственности») и на придании необязательного характера «кодексам поведения» для ТНК и в области передачи технологии и в области ограничительной деловой практики. В области торговли готовыми изделиями дальнейшее расширение всеобщей системы преференций уперлось в требования ее «градации» и встречных уступок со стороны наиболее развитых среди развивающихся стран.

На итоги переговоров в значительной степени влияет и профессиональная подготовка дипломатов. В то время как западные делегации укомплектованы высококвалифицированными экономистами и юристами, которые оперируют в полемике с представителями развивающихся стран специально подобранной аргументацией, эти последние имеют в своих рядах крайне мало специалистов. По словам лондонского журнала «Экономист», им необходимо работать по 48 часов ежедневно, чтобы «успешно противостоять это-

му профессиональному нажиму» [345, 1979, № 7079, с. 91]. В итоге нередко в кругах ООН пропагандируются явно безосновательные правовые и организационные доктрины, односторонние выгодные западным странам и их монополиям.

Таковы, например, доктрина «юридического тождества» ТНК и суверенных государств и примыкающая к ней доктрина «приоритета международного права». В первом случае, со ссылкой на то, что в ряде контрактов ТНК выступают как партнеры государственного сектора, некоторые буржуазные юристы требуют наделяния их «квазисуверенитетом» и «равными правами» с суверенными государствами. Во втором случае утверждается, что споры, возникающие по этим контрактам, должны разрешаться только на базе «международного права», под которым имеются в виду договорные нормы и обычаи, действующие в отношениях между развитыми капиталистическими странами. Дискуссии вокруг этих притязаний идут уже не один год, хотя совершенно ясно, что ТНК, будучи субъектами частного права, не могут иметь равной правоспособности с суверенными государствами, чьи действия регулирует право публичное, и по той же причине коммерческий контракт не может претендовать на статус международного договора. Наконец, международные обычаи и нормы не являются обязательными для внутреннего правопорядка суверенных государств за пределами их официальных международных обязательств и потому могут использоваться в договорной, судебной и арбитражной практике лишь факультативно, т. е. с обоюдного согласия сторон договора³.

Существенную роль в формировании позиции развитых капиталистических стран по НМЭП сыграли циклические и структурные кризисы 70—80-х годов. Разбудив в этих странах настроения ксенофобии, способствуя приходу к власти в некоторых из них консервативных сил, эти кризисы были использованы западной дипломатией как предлог для свертывания диалога по НМЭП, отказа от многих ранее сделанных уступок развивающимся странам. Климат для такого диалога значительно ухудшился и в результате возрастания в конце 70-х годов международной напряженности, роста агрессивности в политике империализма. Направленная своим острием против мирового социализма, «антиразрядка» имела негативные последствия и для развивающихся стран. Возросли жестокость позиции Запада в отношении НМЭП, силовые элементы в его внешнеэкономической политике. Наиболее ярко этот курс проявляется в политике США. Администрация Рейгана встала на путь одностороннего отказа от переговоров и ранее согласованных обязательств, прямого игнорирования требований молодых государств, введения против них ограничений и санкций. Свидетельством этого является отказ США от присоединения к Международной конвенции по морскому праву, согласование которой заняло 15 лет, отказ продлить действие общей системы преференций для ряда стран, экономические санкции против Ирана, Ливии, Кампучии, Никарагуа.

В итоге с конца 70-х годов, перегруппировав свои силы, Запад перешел в области международных экономических отношений в контрнаступление на развивающиеся страны. Переговоры по НМЭП были дезинтегрированы на ряд не связанных между собой направлений, причем почти на всех этих направлениях не отмечалось никакого прогресса в переговорах. «Международное экономическое сотрудничество со времени VI Специальной сессии Генеральной Ассамблеи, — резюмируют эти процессы эксперты ООН, — оказалось в основном неспособным преодолеть мировой экономический кризис и обеспечить движение в направлении подлинного международного развития. В частности, оказался ограниченным и прогресс в деле достижения нового международного экономического порядка. Хотя в отдельных областях и имело место продвижение вперед, но в важнейших из них, таких, как валюта и финансы, защита покупательной способности экспорта развивающихся стран и доступ к рынкам, перемены к лучшему находятся пока еще в своей наиболее ранней стадии. Большинство развивающихся стран продолжают находиться в неблагоприятном положении на важнейших рынках, где они выступают либо как поставщики (сырье, готовые изделия, труд), либо как потребители (финансы, технология). Участие этих стран в управлении процессами, происходящими в международной экономической системе, остается неадекватным их нуждам» [80, с. 5].

Озабоченные таким развитием событий, развивающиеся страны в конце 1979 г. предприняли новую попытку вывести переговоры по НМЭП из тупика. Они добились принятия на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции 34/138, призывающей к началу «глобальных переговоров» на высоком уровне по сырью, энергии, торговле, развитию, валюте и финансам, с целью вернуть своим требованиям комплексный характер и добиться их осуществления во взаимной связи. Но если социалистические государства еще в 1980 г. заявили о своем принципиальном согласии начать такие переговоры, то западная дипломатия, несмотря на широкоувещательные декларации, принятые на совещаниях в Канкуне и Версале, продолжает саботировать их начало, добиваясь от развивающихся стран в качестве предварительного условия их проведения согласия на ряд своих требований, в частности на неприкосновенность статуса и структуры МБРР и МВФ.

Справедливости ради нужно сказать, что сложившийся тупик во многом обусловлен самим противоречивым характером НМЭП и коллективной дипломатии развивающихся стран. Принятая более 10 лет назад, эта программа уже не учитывает некоторых новых явлений, влияющих на торговлю и развитие, выявившихся в ходе кризисов 70-х и 80-х годов, многие предлагаемые ею механизмы не способны эффективно бороться с этими явлениями, другие способствуют лишь более глубокому втягиванию развивающихся стран в капиталистическое разделение труда без достаточной гарантии защиты их интересов. Вследствие отсутствия связи НМЭП с внутренними демократическими преобразованиями часть выгод

от уже реализованных его положений была присвоена ТНК, оперирующими на территории развивающихся стран. Кроме того, в условиях растущей дифференциации развивающегося мира отдельные группы стран по-разному представляют себе приоритеты в борьбе за НМЭП, среди них идет резкое размежевание на сторонников соглашательского и радикального подхода к переговорам, что чрезвычайно затрудняет выработку общих позиций на переговорах. В условиях кризиса ослабли и такие рычаги давления развивающихся стран на мир империализма, как контроль над источниками сырья и топлива. Из 27 ассоциаций производителей и экспортеров сырья к 1982 г. уцелело лишь 20.

Разумеется, позиция Запада в противостоянии развивающимся странам также не является единой. Если США занимают обычно крайние негативные позиции, то позиции стран Западной Европы и других участников ОЭСР далеко не всегда являются однозначными. Как правило, западный лагерь раскалывается на консервативный блок (США, Англия, ФРГ, Швейцария, иногда Япония), который твердо стоит на позициях защиты свободного предпринимательства и противодействия преобразованиям международной экономической сферы, либеральный скандинавский блок (плюс Голландия и Австрия) и слабо оформленный блок стран Средиземноморья и Тихого океана (Португалия, Испания, Греция, Австралия, Новая Зеландия). Скандинавские страны, в том числе те, где сильны социал-демократические партии, выступают обычно за компромиссное (хотя и реформистское) решение проблемы, за более далеко идущие уступки развивающимся странам. Среди-земноморско-тихоокеанские страны, а также Канада являются в основном производителями сырья, что и объясняет их определенное тяготение к позиции развивающихся стран. Наконец, Франция чаще всего предпочитает выступать по основным вопросам с собственной платформой, если только данный вопрос не подпадает под юрисдикцию ЕЭС (в рамках которого согласовывается общая позиция).

Однако, как и в случае с развивающимися странами, нюансы позиций этих отдельных блоков на конкретных переговорах в ООН бывают обычно скрыты за общей платформой ОЭСР. Последняя же определяется минимумом уступок ее наиболее консервативных стран-членов. Соответственно более жесткая американская политика в этой области с приходом к власти администрации Рейгана, склонность американской дипломатии говорить развивающимся странам «нет», невзирая на политические последствия, существенно ужесточили также и позицию ОЭСР по НМЭП в целом (хотя и усилили разногласия между западными партнерами).

Итак, несмотря на серьезное ослабление своих сил, империализм ищет и пока находит пути для сохранения своего влияния в развивающемся мире даже в условиях экономической деколонизации. На этой базе и параллельно с этим он все более активно противодействует изменению роли освободившихся стран в мировой политике.

ИМПЕРИАЛИЗМ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

«И во внешней политике, и во внутренней, — указывал В. И. Ленин, — одинаково, империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции» [30, с. 93]. Такое его свойство определяет и отношение империалистического центра к политическим изменениям на его хозяйственной периферии. В новых условиях, в союзе с местной реакцией, он стремится сохранить свои политические позиции и влияние, воздействовать на внутри- и внешнеполитическую ориентацию освободившихся стран, чтобы превратить молодые государства в зону, враждебную социализму, удержать национально-освободительное движение на рубеже формальной независимости и буржуазного правопорядка. Наконец, «инвесторы заинтересованы в том, чтобы уменьшить риск, связанный с политическими условиями стран, куда они вкладывают свой капитал» [28, с. 387].

Таковы стремления, формирующие политические параметры стратегии неокOLONиализма. Они остаются как неизменные стратегические цели империализма даже при внешней смене форм политики, причем и сама эта смена идет крайне неравномерно, с рецидивами политики силы.

Эволюция оценки роли освободившихся стран в буржуазной политологии

Становление освободившихся стран и объединяющих их движений в качестве самостоятельной силы в мировой политике, несмотря на его очевидность, не сразу нашло признание в буржуазной политологии. Еще в конце 60-х годов даже такой относительно дальновидный политолог, как Г. Киссинджер, считал их не более чем «фоном» развития мировой политики и рассматривал самостоятельные акции этих государств лишь как стремление использовать в своих интересах противоречия между великими державами [259, с. 80—82]. Впоследствии подобная точка зрения была признана несостоятельной, но и до сих пор внешняя политика освободившихся стран нередко трактуется в западной литературе лишь как своего рода оригинальничание, отказ следовать ранее сложившимся понятиям и образцам ради престижа.

Такой подход, явно несущий на себе налет давно уже скомпрометированной идеи о якобы «мессианской роли» белого человека (а точнее — великодержавно настроенного буржуа), легко объясним, ибо в политике империалистических держав в отношении освободившихся стран традиционно сталкиваются и переплетаются два во многом противоположных фактора. С одной стороны, это курс на поглощение освободившихся стран политической системой капитализма, на привлечение их на свою сторону, причем такие попытки особенно активизируются ходом соревнования двух систем. С другой стороны, это упорное нежелание давать «поглощае-

мым» странам равноправный статус в такой системе, боязнь взрывания в их лице конкурирующих экономических и политических сил, способных бросить вызов политической гегемонии империалистического центра как таковой. Соответственно буржуазная политология и официальная политическая доктрина считают опасными как разрыв освободившихся стран с мировой системой капитализма, так и их борьбу против неравноправия внутри этой системы. По существу, они выступают против национально-освободительного движения во всех его современных проявлениях.

Истоки такой двуединой политики прослеживаются уже с самого начала процесса деколонизации. Это известные действия английских правящих кругов по расчленению Индийского субконтинента, дробление Францией ее африканских территорий, т. е. сознательное программирование трудностей в становлении собственной государственности в освободившихся странах, противоречий между соседними освободившимися странами с расчетом на арбитраж между ними бывшей метрополии в будущем, сохранения основных форм зависимости этих стран.

Аналогично для правящих кругов империалистических держав (прежде всего США) всегда было весьма сложным отделить антикоммунистический компонент их глобальной стратегии от конкретной политики в отношении национально-освободительного движения или хотя бы проводить последовательное различие между ними. Поэтому на первых этапах политической деколонизации, как уже указывалось ранее, сопротивление ей носило характер подлинного антикоммунистического крестового похода, причем правительства западноевропейских стран шли на это еще и потому, что в ином случае США могли бы пренебречь союзническими интересами ради вытеснения западноевропейского капитала из его колоний. И хотя в правящих кругах США имелись лица (например, Дж. Кеннан), считавшие, что Соединенные Штаты не должны переносить интересы борьбы против коммунизма на отношения с национально-освободительным движением, чтобы не распылять своих сил и не оттолкнуть от себя националистические группировки в бывших колониях [256, с. 316—317], в 50-е годы в глобальной стратегии США возобладала иная тенденция.

На основе взглядов Дж. Ф. Даллеса, считавшего как социальные, так и национально-освободительные движения плодом «коммунистического заговора» [247, с. 115], нормой внешнеполитического курса США стало перенесение принципов и методов «холодной войны» на весь мир, в том числе на Азию, Африку и Латинскую Америку. Считалось, что, объединив свои усилия с союзными державами и зависимыми режимами (в том числе в рамках блоковых группировок), Соединенные Штаты сумеют более эффективно обеспечить свои глобальные позиции, и потому расстановка сил между империализмом и национально-освободительным движением в тот период упростилась до предела: совокупная сила империализма противостояла интересам национального освобождения народов.

Провал подобного подхода к ситуации в Индокитае и в Африке заставил западные страны искать ему альтернативы. Одну из них предложили группировки¹, выразителем интересов которых стал президент Кеннеди. Критикуя саму идею «холодной войны» в отношении развивающихся стран, он полагал, что тем самым США и их союзники лишь обрекают себя на бесперспективную позицию защитников колониализма, в то время как поддерживающий национально-освободительные революции социализм «набирает очки» в политическом соревновании с ними. Соответственно Соединенными Штатами была выдвинута концепция «перехвата революций», предусматривавшая оказание помощи развитию, но вместе с тем, чтобы ограничить изменения социальной и политической структуры развивающихся стран рамками буржуазных преобразований.

Практическим воплощением этой концепции был «Союз ради прогресса». Его создатели исходили из веры в способность современного империализма в исторически короткие сроки и посредством серии интенсивных социальных, финансово-экономических и военных мер перестроить традиционные структуры развивающихся стран в структуры относительно развитого, но зависимого капитализма.

Однако США явно недооценили масштабность проблем, стоящих перед молодыми государствами, не получили (на что впоследствии с раздражением сетовали) соответствующей поддержки со стороны других центров империализма. Главное же заключалось в том, что стремление решить проблемы роста технократическим путем, без учета социальных факторов, лишь усилило в освободившихся странах поляризацию доходов и социальную напряженность, показало невозможность «перехитрить историю» путем верхушечных реформ и внешней помощи. Концепция «перехвата революций» потерпела неудачу.

На смену «прагматическому оптимизму» пришел «прагматический пессимизм», усугубленный поражением во Вьетнаме. Это наложило свой отпечаток на новую «многополярную» политику империализма, в которую была встроена как часть и политика в отношении освободившихся стран.

В отличие от концепции «перехвата революций», отдававшей развивающимся странам приоритет как плацдарму той битвы, которая должна была решить конечный исход соревнования двух систем, концепция «многополярности» исходила из снижения роли развивающихся стран в империалистической глобальной стратегии, превращении их во второстепенный участок мировой политики. Главной задачей провозглашалось укрепление прежде всего главных центров капитализма и установление более «зрелых» отношений между ними. Развивающиеся же страны попадали в поле зрения сторонников этого подхода лишь постольку, поскольку в их недрах могли появиться потенциальные «центры силы», способные стать серьезными участниками глобальных политических комбинаций империализма. На практике это означало селек-

тивное внимание к крупным развивающимся державам, идущим по капиталистическому пути и имеющим природные и социально-политические параметры, пригодные для крупномасштабных экономических связей или полицейской, контрреволюционной деятельности «по доверенности». Что же касается остальной массы развивающихся стран, то они вновь оттеснялись доктриной «многополярности» на периферию мировой политики.

Принятие на вооружение подобной доктрины объяснялось еще и коренным изменением соотношения сил в мире, последовательной интернационалистской политикой СССР, что заставило буржуазных политологов сделать вывод о том, что «в обычном конфликте (с освободившейся страной. — Авт.) сверхдержава не может добиться успеха, если другая сверхдержава поддерживает ее противника» [366, 3.08.1970, с. 66]. Отсюда попытки оказывать военный нажим на развивающиеся страны с помощью «чужих рук», развязывая конфликты, в которых империалистическая агента «по доверенности» выступает непосредственным агрессором.

Именно этот курс западных держав создал условия для агрессии против Анголы и Эфиопии, провокаций против Кампучии и Никарагуа, Ливии и Афганистана. Он же вызвал и резкое усиление гонки вооружений в развивающихся странах. Сложился своеобразный стереотип развивающейся страны — регионального жандарма с громадными расходами на вооружение, армией, далеко превышающей национальные потребности и оснащенной современным наступательным вооружением, страны, зависимой от поставок оружия, услуг специалистов и зачастую экономической помощи со стороны стран НАТО.

Доля развивающихся стран в мировых военных расходах за последние 10 лет удвоилась (они составляют ныне около 100 млрд. долл. в год). Львиная доля этих средств тратится на импорт оружия. Разумеется, часть этого оружия приобретается для защиты национального суверенитета. Однако в массе своей эти закупки (и связанное с ними обслуживание систем оружия) обескровливают экономику соответствующих стран, создают, по определению экспертов ООН, «новые нити зависимости», которыми империализм и пытается манипулировать [113, с. 4—5].

Однако, развязав гонку вооружений в развивающихся странах, империализм пожинает горькие плоды подобной политики. Разумеется, его «клиенты» предпринимают провокации и агрессии с целью «дестабилизации» прогрессивных сил и режимов.

Но, во-первых, пока ни одна из акций такого рода не принесла ожидаемых результатов, а во-вторых, «клиенты», оставаясь зависимыми в военно-техническом отношении, все чаще становятся «трудноуправляемыми» в отношении тактико-политическом. Предоставленное им оружие нередко обращается «не по адресу», а попытки прямого диктата дают сбой. В итоге в развивающихся странах создается уровень нестабильности, при которой начинают страдать уже и интересы самих монополий (например, в зоне Персидского залива).

С точки зрения международной безопасности особую угрозу представляет перспектива появления у развивающихся стран ядерного оружия вследствие содействия империалистических монополий его возможному расползанию путем поставок ядерной технологии странам, управляемым безответственными режимами. Распространение гонки ядерных вооружений на развивающийся мир еще больше увеличивает риск ядерной катастрофы.

В какой-то степени опасность такого «дистанционного управления» периферийными реакционными силами осознает и империализм. Однако при этом его внимание сосредоточивается лишь на предотвращении возможных социальных взрывов в странах-клиентах по типу иранского и наведения среди них более строгой дисциплины в тактическом плане. Поэтому, презрев полученные уроки (в первую очередь Индокитая), США и НАТО ныне вновь прилагают усилия для дополнения «репрессий по доверенности» собственным «военным присутствием» во взрывоопасных точках планеты через создание «сил быстрого развертывания» и военных баз. Именно на этом основывается ныне военная доктрина американской администрации, вновь объединяющая борьбу с социализмом и борьбу с национально-освободительным движением, пытающаяся вооружить империализм новыми средствами внеэкономического принуждения в отношении развивающихся стран.

«Империалистические круги, проводящие эту политику, открыто нарушают независимость и суверенитет государств, вмешиваются в их внутренние дела, все чаще применяют в международных отношениях силу или угрожают ее применением, — подчеркивалось в Декларации государств — участников Варшавского Договора по случаю его 25-летия. — Наряду с этим создаются все новые препятствия на пути перестройки международных экономических отношений на равноправной и справедливой основе. В борьбе за энергетические и сырьевые ресурсы все чаще применяется сила или угроза силой против развивающихся стран. Это вызывает нестабильность в межгосударственных отношениях, ведет к возникновению новых очагов напряженности» [337, 16.05.1980].

Совершенно очевидно, что политика господства и принуждения является рецидивом прошлого в международных отношениях. Однако этот излом в их развитии, коль скоро он провозглашен ведущей державой Запада, а с ней в определенной степени и всем Западом в целом, уже не может объясняться только консервативностью или безрассудностью выдвинувших ее кругов. Необходим развернутый анализ всех факторов, способных поддержать или, наоборот, подорвать такой курс, временных и итоговых перспектив его проведения.

Возможности и пределы проведения „силовой“ политики

Курс администрации Рейгана, поддержанный его союзниками в других странах НАТО, не является каким-то обескураживающим или необъяснимым феноменом, заставляющим пересматривать

логику развития современного исторического процесса. Как в отношении мирового социализма, так и в отношении национально-освободительного движения он являет собой одну из разновидностей «контрреволюционных судорог» строя, теряющего контроль над историей, на неизбежность и закономерность которых специально указывал В. И. Ленин [25, с. 57]. Однако в причинах его возникновения есть и общее, и специфическое.

Это общее заключается прежде всего в громадном технико-экономическом перевесе западных стран над развивающимися, который неизбежно влияет на отношения и политические позиции двух групп стран. То же можно сказать и о перевесе военном, хотя эту силу в прямой форме сейчас не так легко пустить в ход. Далее, несмотря на определенные успехи коллективной дипломатии развивающихся стран, их блок крайне разнороден политически и не имеет столь сильных классовых сил сцепления, как блок западных государств, у них нет и лидера, равноценного по мощи и влиянию Соединенным Штатам. Далее, «подрастающая» туземная буржуазия в ее элитарной, опасющейся социальных потрясений части сплошь и рядом ориентируется на империализм, готова терпеть его агрессивные акции в обмен на социально-политическую поддержку.

Внешняя политика Запада проводится объединенными силами буржуазной дипломатии и ТНК, которые имеют прочные экономические и политические позиции во многих развивающихся государствах и создали там «пятую колонну», доходящую до рычагов высшей политической власти, тогда как развивающиеся страны на международной арене представляют лишь правительства, многие из которых не имеют стабильного тыла в своих странах, контролируют лишь надстройку местного общества. Наконец, при внешнем радикализме лозунгов нормой разрешения противоречий между бывшими колониями и бывшими метрополиями остаются в целом компромиссы, реформизм.

На базе этих постоянно действующих факторов империализм неоднократно пытался прибегать в отношении развивающихся стран к диктату. Жертвами его агрессии в разное время становились АРЕ, Лаос, Гренада, Ливан, Ангола, Вьетнам, Доминиканская Республика, экономического бойкота с политическим подтекстом — Чили, Кампучия, Иран, АРЕ, Ангола. Разумеется, этот диктат и шантаж давали какой-то эффект лишь на отдельных участках и в отдельные периоды времени, тогда как в целом развивающиеся страны успешно прошли через этап государственного самоопределения. К тому же даже за эти попытки империализм заплатил немалую политическую цену в виде утери своего престижа и нес существенные экономические потери — например, во время закрытия Суэцкого канала, не говоря уже о прямых военных расходах на заморские авантюры. Серьезным сдерживающим фактором была здесь и политика мирового социализма.

Вместе с тем в 70-х годах сложились и действовали и ряд специфических факторов, которые обусловили относительно круп-

номасштабную материализацию силовых задатков внешней политики империализма.

Прежде всего это имевшая место консолидация всех реакционных слоев перед лицом изменения соотношения мировых классовых сил, их попытка противостоять этому изменению, сдвинув ось политической жизни вправо, начав атаки на процесс разрядки и нагнетание напряженности. И хотя эти акции своим острием были направлены прежде всего против мирового социализма, нагнетание напряженности негативно сказалось на темпах и возможностях продвижения вперед и в деле экономической деколонизации, тогда как ранее климат разрядки способствовал этому делу. Это вновь доказывает взаимосвязь и взаимообусловленность успехов разрядки и успехов национально-освободительного движения, тем более что проводники ужесточившегося политического курса империализма прямо называют в качестве причины такого ужесточения ряд серьезных поражений, которые в условиях разрядки империализм потерпел на своей периферии (в Анголе, Эфиопии, Никарагуа, Иране, Кампучии).

Не менее озлобленную реакцию империалистических кругов вызвало и само национально-освободительное движение, начавшее ломку механизма эксплуатации бывших колоний. Уже первые шаги этой ломки вызвали структурный кризис старой системы снабжения западного мира сырьем и топливом, породили настроения ксенофобии в отношении развивающихся стран, обвинения в их адрес в «экономической агрессии», долженствующую оправдать со стороны Запада «контрагрессию» политическую, силовую.

Не исключено, что и здесь империалистические и развивающиеся страны сумели бы найти какой-то частичный компромисс. Однако разразившийся на Западе экономический кризис резко сократил его возможности идти на уступки партнерам по переговорам, привел к возникновению в этих переговорах тупика. Более того, убедившись в отсутствии возможности сколько-нибудь скорого решения проблем сырья и топлива на внутриимпериалистической базе, на основе «нового поколения» энерготехнологии, создание которой затягивалось, западные страны с тем большим рвением стали искать решения своих проблем на путях обеспечения бесперебойного импорта ресурсов внешнеполитическими методами. Это сразу же политизировало мировую торговлю рядом важнейших товаров, в первую очередь нефтью, привело к активному вмешательству в нее буржуазного государства со всем его аппаратом насилия.

Можно также предположить наличие у буржуазных идеологов мнения о том, что обуржуазивание многих развивающихся стран уже зашло достаточно далеко, антиимпериалистические тенденции этой новой буржуазии близки к исчерпанию и для нее ныне важнее уже не конфронтация, а альянс с Западом с целью сохранить за собой политическую власть и примкнуть к «великодержавному империализму» развитых стран [28, с. 511]. На такие размышления, в частности, наталкивают поведение правящих кругов неф-

теэкспортирующих стран с консервативными режимами, которые использовали значительную часть своих доходов от нефти для вооружения, угрожающего собственным народам и прогрессивным режимам соседних государств, сращивание этих кругов с финансовым капиталом Запада, а также усиливающаяся к концу 70-х годов терпимость многих развивающихся стран к иностранным инвестициям, определенное затухание в них критики ТНК. Соответственно империализм мог рассчитывать на большую терпимость этой элитарной буржуазии к его военному присутствию и военным авантюрам, прямо или косвенно могущим пойти ей на пользу своей направленностью прежде всего против прогрессивных сил.

Сыграла свою негативную роль и милитаризация развивающихся стран, которая в ряде регионов привела к возрождению роли военной силы как орудия региональной политики, в общем контексте которой и империализм мог вновь приступить к демонстрации силы.

Силовой поддержки из империалистических центров все настойчивее требовали и страны-клиенты типа ЮАР, Израиля, ряда террористических диктатур, вокруг которых все плотнее сжималось кольцо международной изоляции.

Ставкой в игре на ужесточение было и манипулирование сознанием в развивающихся странах через контролируемые Западом средства массовой информации, где еще в полную силу процветает «информационный колониализм». Действительно, около 75% международной информации (печатной, радио и телевизионной) поставляют сюда всего четыре западных агентства: Юнайтед Пресс Интернешнл, Ассошиэйтед Пресс, Рейтер и Франс Пресс. Еще К. Маркс отмечал, что «класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу» [11, с. 46]. Нечто подобное происходит в развивающихся странах, в результате чего их подчас достаточно легко можно дезинформировать, предложить удобное Западу освещение и интерпретацию событий, включая и «оправдание» вмешательства во внутренние дела и агрессии.

Другими словами, после целой полосы отступления и поражений на колониальном фронте, теряя контроль над ходом событий в развивающемся мире, правые силы на Западе, планируя реванш в борьбе двух систем, решили использовать специфическую ситуацию кануна 80-х годов для того, чтобы взять реванш также и в борьбе с национально-освободительным движением. Однако насколько реальны эти надежды?

Разумеется, как и во всяком историческом процессе, соотношение противоборствующих сил в сфере экономической деколонизации и взаимоотношений империализма со своей хозяйственной и политической периферией в целом может испытывать определенные краткосрочные колебания, в том числе и в силу приведенных

выше специфических факторов. Но эти колебания не могут выходить за пределы совершенно определенных и векторально однозначных исторических трендов.

В этом смысле рецидив силовой дипломатии Запада направлен против таких трендов и потому может влиять на международную обстановку лишь в ограниченном и временном плане. Во-первых, он не в состоянии преодолеть глубинный и глобальный процесс усиления влияния социализма на мировое развитие, а этот процесс является одним из ключевых детерминантов также и обстановки в развивающемся мире. Во-вторых, сами формы наращивания и демонстрации силы граничат с опасным безумием и уже вызывают растущий протест внутри самого буржуазного лагеря. В. И. Ленин не случайно подчеркивал неправомочность оценки его как сплошного болота милитаризма, указывал на наличие в нем также и реалистически мыслящих кругов [48, с. 70], в чью сторону ныне уже начинает отклоняться политический маятник. Оставаясь убежденными классовыми противниками социализма, эти круги отдают себе отчет в опасности ядерной катастрофы, которую могут вызвать и локальные конфликты, и потому предпочитают защищать свои позиции на путях экономического соревнования с социализмом, при наличии необходимых мер доверия и гарантий безопасности. Наконец, все эти демонстрации силы не открывают никакой альтернативы решению ключевых проблем развивающихся стран, а лишь препятствуют их решению, что не может не создавать вокруг подобных демонстраций и их сторонников в конечном счете атмосферу неприятия и изоляции, а такая атмосфера уже складывается, по крайней мере в значительной части движения неприсоединения.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что разговор на международной арене языком силы даже с менее сильными оппонентами возможен в принципе лишь при высокой степени координации политики всех главных империалистических центров и входящих в них стран, а также, коль скоро речь идет о конфронтации с развивающимся миром, при наличии адекватной и собственной ресурсной базы производства и внешней политики.

Разумеется, США ныне не одиноки в своих силовых амбициях. Вынашиваются планы расширения «зоны ответственности» НАТО, подключения Японии к «военному присутствию» в западной части Тихого океана. Вместе с ВМС США нефтяные коммуникации патрулируют военные корабли Англии, Франции и ФРГ. Англия все еще имеет свои военные подразделения во многих районах мира, а Франция — в Африке. На отдельных региональных направлениях проводниками империалистической внешней политики выступают ЕЭС (Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, Африка), Япония (Восточная и Юго-Восточная Азия), ЮАР (юг Африки), Израиль (Средний Восток).

Однако в целом, как и в области экономики, политика Запада в отношении развивающегося мира имеет свои оттенки, а то и прямые внутренние противоречия. Причина этого и трезвый учет

соотношения сил в мире, и больший, чем у американской администрации, политический опыт Западной Европы, и, наконец, межимпериалистические противоречия. В итоге даже в условиях усиленного давления США на своих союзников общая империалистическая стратегия в этой области складывается на основе не только американского доминирования, но и элементов инициатив других стран, причем это особенно заметно при ее проведении в жизнь.

Так, политика западноевропейских государств в отношении развивающихся стран не носит пока что ярко выраженного глобального характера. Этому препятствуют как наличие собственных внутриевропейских противоречий, так и большая, чем у США, зависимость от импорта ресурсов и относительная ограниченность инструментов силового воздействия на молодые государства. Поэтому, если Соединенные Штаты охватывают своей экспансионистской деятельностью все основные районы Азии, Африки и Латинской Америки, интересы и амбиции западноевропейских капиталистических держав, как правило, регионально лимитированы. Равным образом, участвуя в отдельных акциях традиционно-империалистического плана, западноевропейские государства опасаются крупномасштабных заморских авантур, втягивания в локальные конфликты, затрагивающие интересы СССР и США, не упускают из виду возможности решения спорных вопросов путем переговоров. Здесь родилась, хотя и не была реализована, собственная инициатива урегулирования арабо-израильского конфликта, проявлен интерес к советским предложениям по нормализации обстановки в Персидском заливе и укреплению безопасности в Средиземноморье. Наконец, в плане большой международной политики абсолютное большинство западноевропейских стран не видит альтернативы разрядке.

Япония, со своей стороны, пребывает, как известно, в состоянии наибольшей энергосырьевой зависимости и обладает наименьшими военно-стратегическими возможностями по отношению к развивающимся странам. Ограничены и инструменты японского идейно-пропагандистского влияния в молодых развивающихся государствах вследствие тяжелого наследия, оставленного ее военной экспансией в Азии в годы второй мировой войны. Правда, особая заинтересованность в прочном и долговременном обеспечении доступа к источникам сырья в сочетании с неспособностью гарантировать такой доступ собственными силами является одним из важнейших факторов продолжающейся заинтересованности японских правящих кругов в военно-политическом союзе с США. Однако исторический опыт подсказывает японским деловым и правящим кругам, что той же цели можно достичь и на базе прямо противоположной политики (примером может служить политика Японии в зоне АСЕАН).

Очевидно, что в перспективе объективные условия для существования подобных различий будут лишь усиливаться.

Что же касается ресурсного обеспечения, то на протяжении 70-х годов в США, Западной Европе и Японии было немало сде-

лано для развития местной энергосырьевой базы и экономии на импорте. Освоены месторождения нефти и газа на Аляске и в Северном море, удалось добиться существенных результатов в экономии энергии, интенсифицируется добыча сырья в Австралии и Канаде. Однако при существующих масштабах производства импорт сырья и энергоносителей (в том числе из развивающихся стран) остается для империалистического центра безальтернативным, и потому Запад применяет здесь не только хозяйственные, но и идейные маневры, в центре которых стоят политические аспекты все той же доктрины «взаимозависимости».

Действительно, сформировавшаяся как теоретическая основа государственной политики развитых капиталистических держав, эта доктрина фактически стремится локализовать изменения, происходящие в современном мире, как в пространстве, так и по их сути. В политическом плане она ставит во главу угла укрепление «трехсторонних» отношений в империалистическом центре, усиление координации политики через регулярные встречи «большой семерки» и сохранение западного контроля над такими международными институтами, как МБРР, МВФ, ГАТТ и др. Далее в доктрине проводится идея о необходимости «особых отношений» с консервативными странами — производителями нефти, за которыми, как писал З. Бжезинский, «следует признать соответствующую конструктивную роль в глобальной системе», и с наиболее развитыми «новыми индустриальными государствами» Азии, Африки и Латинской Америки. Что же касается остального массива развивающихся стран, то его следует «стабилизировать» как путем борьбы против революционных перемен, так и путем поддержки зависимых режимов, оказания им помощи в консолидации власти. Другими словами, речь опять идет о затормаживании национально-освободительного движения, о направлении изменений в развивающемся мире в русло капиталистической эволюции при сохранении хозяйственной зависимости от империалистических государств.

Именно так формулировали основные положения доктрины «взаимозависимости» эксперты Трехсторонней комиссии. Развивающиеся страны, писали они, нуждаются в помощи, технологии, управленческом опыте и в рынках Запада; США, Западная Европа и Япония нуждаются в сырьевых материалах, экспортных рынках и «конструктивных партнерах для создания стабильного мирового порядка» [216, с. 1]. Отсюда авторы доктрины выводили необходимость сохранения исторически сложившихся связей между этими двумя группировками государств, существующего международного разделения труда, потоков капиталов и товаров, а следовательно, и имеющихся политических отношений. И хотя идея «взаимозависимости» не отрицала возможности внесения каких-то коррективов в сложившийся политический и экономический механизм, они не должны были нарушать равновесие в «мировом социальном комплексе», т. е. в системе мирового капиталистического хозяйства.

Следует отметить, что, несмотря на очевидный эгоцентризм этой доктрины, она все же нашла определенных сторонников среди буржуазии ряда развивающихся стран. Они увидели в самом термине «взаимозависимость» определенное признание собственной значимости, свидетельство классовой солидарности с ними буржуазии бывших метрополий, надежду на сложение сил двух форм современного капитализма — монополистического и развивающегося — перед лицом социалистической альтернативы в их собственных странах. В этой связи в некоторых своих конкретных вариантах доктрина подразумевала также и создание механизма политических консультаций с целью урегулирования наиболее острых проблем, разделяющих Запад и развивающиеся страны, нацеливала на совместную борьбу за «выживание» в них капитализма как общественной формации².

Первые результаты применения положений доктрины на практике вызвали разноречивые оценки. Однако их равнодействующая позволяла предполагать, что эта попытка укрепить старый, разрушающийся механизм хозяйственных связей империализма с его хозяйственной и политической периферией терпит неудачу. В первую очередь уже сам Запад не позволил достичь каких-то ощутимых результатов в процессе практического применения доктрины, заведя в тупик конкретные переговоры с развивающимися странами по программе НМЭП. Памятуя, видимо, о том, что «формальный принцип является одновременно и материальным принципом» [1, с. 252], т. е. несет с собой перераспределение доходов, западные страны решительно воспротивились на этих переговорах ломке организационно-правовой структуры их доминирования в бывших колониях. И хотя в этом особо сказались специфические факторы кризисного состояния современной капиталистической экономики, налицо и совершенно определенная и долгосрочная политическая философия Запада, исходящая из возможности переломить и повернуть вспять (включая использование силы) необратимый процесс перестройки международных экономических отношений вообще. Таким образом, современный рецидив применения силы в политике империализма, по сути дела, отвергает даже эту эволюционную и реформистскую доктрину. В итоге даже представители тех развивающихся государств, которые выступают за активное сотрудничество с Западом, чувствуют себя ныне, на новом зигзаге его политики, обманутыми, видят в подходе к ним западной дипломатии не какой-то тактический промах, а дополнительное свидетельство своей «второсортности», «чужеродности» для традиционного «клуба богатых», его нежелание действительно принять их в свои ряды [321, с. 87].

Впрочем, для этого есть своя причина. Дело в том, что даже в сферах, где идеи «взаимозависимости» начали реализовываться в соответствии со схемами западных политологов, в частности в «рециклировании» нефтедолларов, империализм не смог добиться запланированного успеха ввиду обострения внутренних социальных противоречий в ряде стран-клиентов, что поставило под вопрос

прочность их «союзнического» статуса. Революция в Иране, изъявшая около 20 млрд. долл. из «рециклирования», поставившая под угрозу интересы ТНК в Персидском заливе, подчеркнувшая внутреннюю слабость других монархических и антинародных режимов, вынудила Запад усомниться в надежности «взаимозависимых» отношений с такими странами, чье политическое и социальное будущее столь взрывоопасно. В Латинской Америке непрочность проимпериалистических диктатур показали события в Никарагуа и Сальвадоре.

Наконец, доктрина «взаимозависимости» враждебна развивающимся странам социалистической ориентации. Экономические связи между ними и Западом увеличиваются, несмотря на все противоречия в области политики и идеологии. Особенно характерно это для государств социалистической ориентации, которые обладают значительными природными ресурсами (например, Ангола и Алжир). Однако даже в этих условиях империализм не приемлет идеи мирного сосуществования со странами социалистической ориентации, продолжает возлагать надежды на их «дестабилизацию», перерождение правящих режимов, отход от провозглашенной идеи развития. Это создает дополнительную линию напряженности в отношениях Запада с Азией, Африкой, Латинской Америкой, особенно если учесть ту авангардную роль, которую государства социалистической ориентации играют в движении неприсоединения, в укреплении солидарности развивающегося мира в борьбе за его коренные интересы.

Таким образом, попытки использовать процесс интернационализации хозяйственной жизни для укрепления позиций империализма на его хозяйственной и политической периферии терпят неудачу, ибо эта интернационализация как объективный историко-экономический процесс работает в основе своей не на отживающие социальные структуры, в том числе рыночные, а на их перестройку. Немалую роль в неудаче доктрины сыграла и позиция прогрессивных сил развивающихся стран, которые справедливо рассматривали ее в контексте неокOLONиализма. Обстановка, которую они во многих странах создали своими выступлениями против «взаимозависимости» как формы сохранения зависимости развивающихся стран от империализма, оказывает во многом сдерживающее влияние на акции местных правящих кругов, готовых на компромисс с Западом, все чаще не позволяющий достичь его за счет национальных интересов.

Все эти факторы лишний раз показывают бесперспективность сохранения политики силы как магистральной линии отношения империализма к развивающимся странам на длительную перспективу. Кроме современного соотношения мировых классовых сил в пользу этой бесперспективности говорит и обострение проблем развития, которые она не решает, а лишь усложняет. В частности, сбывается предсказание К. Маркса, что при капитализме даже рост национального богатства, а он, хотя и в ограниченных размерах, имеет место в развивающихся странах, может быть «по самой

своей природе тождественным с народной нищетой» [7, с. 781]. Уже сейчас нет недостатка в мрачных прогнозах будущего развивающихся стран, причем реалистически мыслящие круги западной буржуазии воспринимают их, особенно на фоне социальных потрясений в этих странах, все более серьезно.

Это, конечно, не означает, что империализм, его ведущие государства уже пересмотрели свои приоритеты и интересы в этой области, которые остаются консервативными и эгоистичными. Однако эти круги отдают себе отчет в том, что продолжение курса на игнорирование нужд развивающихся стран, а тем более легализация возврата к «дипломатии канонеров» в критически опасных зонах этого мира могут побудить отчаявшуюся периферию устроить своему империалистическому центру очередную экономическую, а то и политическую «встряску», которая будет особенно опасной при современном неустойчивом экономическом положении Запада. Контуры такой опасности начинают постепенно вырисовываться, и в перспективе это также окажет сдерживающее влияние на неоколониалистские поползновения опираться на силу и принуждение в ситуациях, когда усилится угроза планам Запада в развивающихся странах.

Поэтому в перспективе, очевидно, можно ожидать перенесения акцента в империалистической политике на использование такой объективной особенности эволюции развивающегося мира, как усиление его дифференциации и связанных с ней центробежных сил в его коллективной политике и дипломатии. Может получить дальнейшее развитие тактика селективного расширения отношений с отдельными странами и группами освободившихся стран, попытки их дальнейшей «иерархизации» с целью максимального переноса направлений существующей конфронтации с оси «Запад — Юг» вовнутрь развивающегося блока.

В целом же проблемы отношений империализма с развивающимися странами имеют явную тенденцию к наращиванию своего удельного веса в мировой политике и экономике. То, что прежде безоговорочно считалось «периферией» мировой политики, рассматривалось как нечто производное от ее главных направлений и конфликтов, сейчас во все большей степени становится генератором собственных политических импульсов и дополнительным фактором неустойчивости системы капитализма.

В современном мире налицо два подхода, две политики в отношении развивающихся стран, столь же различные, как две противоположные системы, которые их проводят. Действуя в параллелограмме сложения сил с национально-освободительным движением, мировой социализм способствует его успехам, прогрессу человеческой цивилизации. Наоборот, империализм пытается задержать этот прогресс на рубежах буржуазного общества, пытается компенсировать утрату своего контроля над ходом истории силовой дипломатией. В этом смысле он обладает достаточно серьезными возможностями влияния, которые нельзя сбрасывать со счетов и которые могут вносить текущие коррективы в темп и направление

преобразований. Однако в целом процесс возрастания роли освободившихся стран в мировых делах является необратимым, как и тенденция к демократизации всей системы международных отношений под влиянием прогрессивных сил истории.

Глава одиннадцатая

ИМПЕРИАЛИЗМ: ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ОСВОБОДИВШИЕСЯ СТРАНЫ

Глубокие сдвиги в жизни освободившихся стран, вступающих в ряде случаев в конфронтацию с империализмом, все более четкая поляризация их внутренних общественных сил со своей неизбежностью ставят в повестку дня также и борьбу идей вокруг проблем развития. «Для народов развивающегося мира, — отмечает алжирский экономист А. Бенашну, — теоретическая и идеологическая борьба ныне столь же необходима, как и борьба экономическая» [189, с. 7]. Действительно, в этих государствах уже набирает силу собственная новая общественная мысль, рождение которой, как указывал К. Маркс, сопровождает каждый крупный исторический переворот [4, с. 7].

Разбор ее становления и эволюции представляет специальную проблему и заслуживает отдельного исследования. Здесь же отметим, что возникновение такой самостоятельной, локализованной ветви экономической и социальной науки, ее значение для обоснования борьбы и требований развивающихся стран уже повлекло за собой соответствующую реакцию со стороны империализма. Он развернул крупномасштабное идейно-теоретическое наступление на освободившиеся страны, стал на путь обновления своего арсенала концепций развития, при помощи которых буржуазные идеологи рассчитывают воздействовать на его ход, держать молодые государства в идейном плену. И хотя прогрессивные ученые освободившихся стран неизменно разоблачают, а реальная жизнь показывает несостоятельность подобных концепций, для полноты характеристики империалистической политики в этом районе мира необходим подробный анализ современной буржуазной политэкономии развития.

Кризис традиционных буржуазных доктрин: причины и проявления

Будучи одним из сравнительно молодых направлений в западном обществоведении, возникшим вследствие распада колониальной системы, совокупность теорий развития освободившихся стран (и соответствующих рецептов этим странам) пережила тем не менее достаточно серьезную эволюцию и ныне стоит перед очевидным кризисом старых доктрин и необходимостью обновления идейного арсенала.

Об этом свидетельствуют как все более широкое отречение буржуазных идеологов от традиционного теоретического наследства в этой области, дискредитировавшего себя в реальной жизни развивающегося мира, так и итоги специальных теоретических конференций на Западе и в развивающемся мире, имевших место в 70-х и начале 80-х годов, где состояние традиционной буржуазной политэкономии развития характеризовалось понятием «кризис» [223, с. 13; 245, с. 15; 104, с. 4; 174, с. 317].

Конкретно речь идет прежде всего о европоцентристских теориях (Х. Лейбенштейна, Дж. Винера, Н. Льюкенена, Г. Эллиса и др.), отдававших приоритет экономическому росту как таковому и отождествлявших его с развитием без учета внутренней социально-исторической специфики развивающихся стран и их зависимого положения в капиталистической системе хозяйства (см. [266; 323а; 206]), а также вытекающих из них рекомендаций плановым органам и правительствам освободившихся стран.

Эти теории, уходящие своими историческими корнями в ортодоксальную теорию «экономикс» и воспроизводящие ее категории, понятия и логику, совершенно искусственно проводили параллели между двумя различными типами обществ, не учитывая дуалистической социально-экономической структуры развивающихся стран, т. е. были порочными уже в своей методологической основе, ибо не охватывали «массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства» [22, с. 67].

Эти теории подверглись развернутой критике в марксистской литературе. Как подчеркивал венгерский экономист Т. Сентэш, агрегированная динамика ВВП (общего или душевого) «не отражает условий производства, распределения и использования национального дохода, т. е. именно тех факторов, которые имеют решающее значение с точки зрения внутренних возможностей развития и ограничивающих его моментов. Он не отвечает на вопрос, при каких производственных отношениях, в каких социально-экономических секторах и отраслях производится национальный доход, кто его получает и в каких целях он используется» [161, с. 60; см. также 125].

В оппозиции к этим теориям находились латиноамериканская школа Р. Пребиша, а также ученые тех стран, где получило развитие планирование. Индийские экономисты уже в работах 60-х годов подчеркивали, что развитие экономики освободившихся стран можно измерять с помощью агрегатных показателей роста лишь ориентировочно, но не исключительно, ибо они игнорируют социологические факторы, распределение собственности и дохода [219, с. 37]. Известный пакистанский экономист Махбуб уль Хак признавал в одной из своих книг, что, возвратившись в 1957 г. в Пакистан после завершения учебы в Кембридже и Йеле, он погрузился в сферу планирования, твердо убежденный в том, что накопление капитала представляет основную, если не единственную проблему развития, но очень скоро ему пришлось отказаться от этих иллюзий, посеянных западными теориями [181, с. 11].

Соответственно в 60-е годы в западной науке была сделана попытка преодолеть узкоэкономический подход и дать целям развития освободившихся стран также и социологическую интерпретацию. На это, в числе прочего, была нацелена теория стадий У. Ростоу [302], в которой, по существу, и было заложено положение о так называемом «догоняющем развитии». Согласно взглядам У. Ростоу, мировая история представляет собой «линейный» стадийный процесс, что фатально предопределяет судьбы освободившихся государств: им предстоит лишь возможно быстрее повторить путь, пройденный странами капитализма.

Однако все составные части этой теории — критерии разграничения стадий, типология стран современного мира, модель «идеальной» страны (а таким демонстрационным образцом У. Ростоу называл США) — уже в конце 60-х — начале 70-х годов подверглись острой критике. Социологическая целевая установка, предложенная У. Ростоу, была воспринята в развивающихся странах как упрощенная теоретическая конструкция, игнорирующая своеобразие их социально-экономической структуры и генетических особенностей развития. В публикациях Института развития и экономического планирования в Дакаре она была охарактеризована как карикатура на мировой исторический процесс [114, с. 10; 291, с. 37].

Такое восприятие объяснялось тем, что в развивающихся странах быстро накапливалось неудовлетворение итогами развития, ведь даже ускорившийся рост принес с собой в первую очередь углубление имущественной поляризации. «Теперь уже очевидно, — признавал эксперт МБРР Х. Ченери, — что более десятка лет быстрого роста в слаборазвитых странах не принесли пользы почти трети их населения, во всяком случае эта польза очень мала. Хотя доход на душу населения в этом мире в среднем возрос на 50% по сравнению с 1960 г., рост был очень неравномерным между странами и регионами, внутри самих стран, а также между социально-экономическими группами населения» [209, с. XIII]. Соответственно и вся совокупность старых европоцентристских теорий получила даже в западной литературе оценку «теории роста без развития, но с бедностью» [245, с. 13].

На рубеже 70-х годов стало ясно, что в развивающихся странах уже не только копится стихийное недовольство отсталостью, но и вызревают (а кое-где и реализуются) тенденции перерастания национально-освободительной борьбы в борьбу социальную, революционно-демократическую. Поэтому была предпринята (в частности, по инициативе тогдашнего президента МБРР Р. Макнамары) еще одна попытка удержать науку и практику развивающихся стран в идеологическом плену. Им были предложены уже не «скомпрометировавшие себя чисто европоцентристские модели, а их подкорректированные варианты, отражающие в какой-то мере специфику развивающихся стран, однако по-прежнему в ее буржуазном мировоззренческом понимании. Одним из таких вариантов была теория «распределения с ростом», получившая свое во-

площение прежде всего в работах Т. Зингера, И. Адельмана, Р. Джоли, М. Морриса и особенно Х. Чепери [305; 175; 209; 250].

Действительно, эта концепция несколько расширила круг анализа, вовлекла в поле зрения проблемы развития, которые игнорировались в западных теориях «первого поколения». В работах ее последователей стала фигурировать «группа бедности» (крестьянство, безземельные рабочие, городские маргинальные слои), давались рекомендации по поддержанию их доходов. Однако и эта теория не пошла дальше самоочевидных социологических констатаций, перераспределительных паллиативов, тогда как сами корни бедности, как и меры по ее ликвидации как явления, не затрагивались. «Можно включить социальные цели в модели роста — это во власти теории, — иронично замечал Б. Хеттне, — однако как атаковать массовую бедность в ее многочисленных проявлениях? Это уже политическая проблема» [245, с. 13].

В итоге призывы взвалить на неокрепший государственный сектор развивающихся стран бремя содержания маргинальных слоев без перспективы устранить саму маргинализацию также были встречены отрицательно в освободившихся государствах. Позднее один из авторов этой теории, Р. Джоли, сам расценил ее не более как «скромную и запоздалую попытку держать в поле зрения количественные связи между производством, структурой доходов, инвестициями и ростом», при отказе от самого процесса трансформации экономики [250, с. 50]. Кроме того, в этой теории содержался какой-то аспект опыта ГМК, т. е. все того же европоцентризма.

При анализе причин кризиса вышеупомянутых западных теорий выявляется целая совокупность факторов самого разного свойства: экономических и социальных, методологических и гносеологических, классовых и политических. Так, капиталистическая трансформация развивающегося общества неотвратимо влечет за собой такие катастрофические социальные последствия, перед которыми бессильны любые пробуржуазные теории. Поэтому буржуазный характер этих теорий является главной причиной их кризиса. Обращает на себя внимание и неадекватность теорий реальному процессу, их европоцентризм. Теперь уже очевидно, что развитие освободившихся стран, включая страны, совершающие капиталистическую эволюцию, отмечено такими особенностями, которые исключают возможность повторения «западного пути». Желание организовать их развитие по западному образцу отвергается абсолютным большинством населения освободившихся стран.

Наконец, не последней причиной кризиса этого целого важнейшего направления западного обществоведения явилось отсутствие в буржуазной науке какой-либо общеметодологической основы. Пока западные ученые акцентировали свое внимание на анализе экономической сферы, этот порок был скрыт, поскольку остальные дисциплины, исследующие другие стороны процесса развития, — социология и история, социальная культурология и антропология — формировались изолированно от нее. Однако, когда междисциплинарность исследований, вытекающая из многомерно-

сти процесса развития, стала велением времени, западное обществоведение оказалось на этом участке не более чем механической совокупностью множества дисциплин (см. [225]).

Другую большую группу теорий, которая также стала объектом критики в развивающихся странах, составляют предложения конкретных методов и средств обеспечения развития, формирующие уже не только апологетическую, но и практическую функцию буржуазной политэкономии. Этот курс на «связь с практикой» активно поддерживают исследовательские центры таких международных институтов, как МБРР, ОЭСР, Трехсторонняя комиссия, а также национальные исследовательские центры стран Запада (США, Англии, Швеции и др.). И если, например, в 40-х годах МБРР, по мнению его бывшего вице-президента Д. Адлера, «занимал в этой области наблюдательную позицию, то вскоре последовали советы политическим деятелям в области технической помощи, предложения странам о проведении институциональных реформ, опиравшиеся на значительное расширение операций по предоставлению займов» [176, с. 31].

В основу подхода к предлагаемым методам и средствам западные ученые положили принцип так называемого «отсутствующего компонента», который опять-таки соответствовал европоцентризму (в частности, стратегии «догоняющего развития»). Реализация этого принципа означала, что освободившиеся страны для получения устойчивого импульса к росту должны были «встроить» в свою экономику такие компоненты, которые необходимы для развития по «образу и подобию» западных стран, причем носителем их должен был стать рынок, в том числе мировой. По существу, это означало бы полностью подчинить отраслевую специализацию, структуру экономики, пропорции воспроизводства, экспорт и импорт развивающихся стран стихии капиталистической системы хозяйства с господствующими в ней ТНК, отдать развитие на волю изменчивой (а в 70-х годах и кризисной) конъюнктуры. Короче, это был стратегический курс на обратную, на этот раз экономическую, «привязку» этих стран к империалистическим центрам, на закрепление их в капиталистической системе хозяйства.

Вместе с тем в рамках этого единого стратегического курса, в среде западных экспертов возникли определенные разногласия и сформировалось два направления: неоклассическое (либеральное) и структуралистское.

Сторонники неоклассического (либерального) направления (А. Хиршман, К. Кларк, Б. Баласса, Х. Мьинт и др.) утверждали, что главные импульсы развития освободившихся стран могут и должны дать мировой капиталистический рынок и приток внешних ресурсов. Соответственно их рекомендации до последнего времени сводились к требованиям устранить помехи на пути конкуренции, открыть каналы для доступа иностранного капитала в освободившиеся страны, что, по их мнению, позволило бы этим странам полнее использовать свои «сравнительные преимущества» как путь к развитию и росту [173, с. 7].

Так, Б. Баласса, ссылаясь на пример Норвегии, утверждал, что эта малая по размерам страна развила экономику только благодаря тому, что проводила политику низких таможенных тарифов и тем обеспечивала действие механизма «сравнительных преимуществ». Х. Мьинт рекомендовал развивающимся странам ослабить контроль за внешней торговлей. «Предоставьте внешним силам сделать то, что необходимо, — заявлял он, — и они вас разовьют» [282, с. 5].

Лидеры структуралистского направления (Х. Ченери, А. Люис) считали главным пороком экономики освободившихся стран ее дуализм, наличие двух различных технических уровней производства и разобщенность «традиционных» и «современных» структур. Для преодоления этого они, особенно А. Люис, рекомендовали, в отличие от неоклассиков, в основном «эндогенный», внутренний путь форсирования развития местного частного предпринимательства, приведение в соответствие темпов роста промышленности с высвобождением трудовых ресурсов из сельского хозяйства, ускорение «зеленой революции» и т. п. Предполагалось также, что эти процессы в развивающихся странах возьмет под свой патронаж государство [267].

В исследованиях советских ученых уже указывалось, что насаждение местного частного предпринимательства в развивающейся экономике наталкивается на объективные ограничения, организм этой экономики отторгает его. Однако структуралисты пренебрегли этими объективными явлениями, восприняв их лишь как повод для наступления на национальное государство, обвиняя его в «неспособности адаптировать производственную структуру и торговые связи страны к факторам, которые обуславливают ее перспективное развитие» [210, с. 2], в «некомпетентности» его хозяйственной политики. В частности, Х. Ченери утверждал, что «некомпетентные государственные решения» лишь усиливают структурные неравновесия, и предлагал некую «идеальную модель государства», осуществляющего «позитивное вмешательство в экономику». При этом в качестве средства для достижения такого идеала структуралисты требуют ни больше ни меньше как установить контроль над действиями правительств освободившихся стран со стороны «компетентных органов» западных держав, имеющих опыт в хозяйственном регулировании. Таковыми являются прежде всего МБРР, который в 60-х годах ужесточил процедуру отбора проектов финансирования, и МВФ, который в обмен на финансовую помощь претендует на контроль над всей хозяйственной политикой и использованием внешних ресурсов получателей помощи. Таким образом, в конечном пункте своих рекомендаций структуралисты как бы смыкаются с неолибералами в попытках ограничения суверенитета молодых государств над их экономической деятельностью.

Неудивительно, что в развивающихся странах началась острая критика рекомендаций как неоклассиков, так и структуралистов. Не оспаривая наличия в освободившихся странах структур-

ных диспропорций (на что еще раньше этих двух школ буржуазной политэкономии указывали сами ученые развивающихся стран, в том числе латиноамериканские марксисты Р. Гиольди и Ф. Моретти и последователи теории периферийной экономики) (см. [211; 280; 297]), многие ученые решительно восставали против указанных рецептов и рекомендаций. Достаточно емкое резюме этой критики содержится в одном из документов ЭКА: «Африканские страны унаследовали теории развития и экономического роста, многие из которых связывали темпы и направления внутренних социально-экономических преобразований с экспортными рынками, импортом технологии, средств производства и услуг, а также импортом современных потребительских товаров. Дискуссии в этих теориях шли главным образом вокруг дефицита торгового баланса, дефицита инвестиций, сбережений и т. д., без должного внимания к имеющимся природным ресурсам, местному хозяйствованию, квалифицированной рабочей силе, развитию местной технологии, возможностям внутренних рынков. Большинство правительств пытались применить теории развития на практике с целью ускорить экономический рост и диверсифицировать экономику, но это только усугубило имеющиеся трудности, привело к кризису их социально-экономической политики» [64, с. 3]. Сходные оценки содержатся в документах III встречи факультетов и школ экономики Латинской Америки, а также Конференции по социальной науке в Азии в 1974 г. [309, с. 28—29].

Вместе с тем чрезвычайно знаменательно, что наряду с критикой западных теорий экономисты и социологи освободившихся стран с самого начала искали свои собственные подходы к проблемам развития с учетом специфики Африки, Азии и Латинской Америки. Результаты исследований многих возникших здесь научных центров, а также отдельных ученых используются в коллективных экономических документах развивающихся стран и в практической хозяйственной деятельности их правительств. Хотя направления этих работ крайне разнообразны и во многом противоречивы, их (правда, с большой степенью условности) можно сгруппировать по следующим трем основным направлениям: концепция «человек в центре развития»; концепция интегративного и эндогенного развития; концепция «коллективной опоры на собственные силы».

Концепция «человек в центре развития» подчеркивает, что главным двигателем прогресса является народ, на потребности которого и необходимо ориентировать цели развития. Концепции интегративного и эндогенного развития отвергают придание ему «догоняющего» характера, подчеркивают важность учета условий и особенностей каждой страны, ее исторических традиций и культурных ценностей, резко критикуют слепое подражание западному «потребительскому обществу». Интегративность же в данном случае заключается в том, что процесс развития берется во всех его составляющих (экономических, социальных, культурных), в их единстве и во взаимодействии с окружающей природной средой.

Характерно, что эти концепции, как правило, не отделяют развивающиеся страны какой-либо стеной от общемирового процесса развития. Все они указывают на необходимость преодоления зависимости, рассматривают ее как существенную помеху на пути достижения поставленных целей. В этом как раз и заключается антиимпериалистическая суть рассматриваемых концепций, восприимчивость к ним национально-освободительного движения. В значительной степени именно эти концепции были положены в основу коллективных экономических программ развивающихся стран, включая НМЭП.

Что касается методов достижения поставленных целей, то в среде как экономистов, так и политиков развивающихся стран существуют разногласия, предопределяемые происходящими здесь процессами дифференциации. Сложилось радикальное и реформистское течение, водораздел между которыми проходит как внутри этих стран, так и между ними. Радикалы (типичным среди которых является С. Амин) призывают к обострению конфронтации с развитыми странами как с единым «богатым Севером», опираясь на дефицит сырья и энергии [184, с. 35—36]. Сторонники же реформизма (например, Л. Сенгор) предлагают ограничиться лишь некоторым улучшением уже сложившихся торгово-экономических и интеграционных связей. В последнее время в условиях зашедших в тупик переговоров по НМЭП, начатых «группой 77» с позиций, близких к радикальным, начинает преобладать второе течение. Одновременно с накоплением политического опыта дифференцируется и сам лагерь радикалов, многие из которых начинают отдавать себе отчет в надуманности теории «богатого Севера» и вреде, который она наносит сотрудничеству развивающихся и социалистических стран в области экономической дипломатии.

В последнее время значительные усилия ученых развивающихся стран направляются на разработку концепции «коллективной опоры на собственные силы». Суть конкретной программы ее реализации уже была рассмотрена выше (см. главу шестую). Концептуально же речь идет о том, чтобы посредством мобилизации ресурсов самих развивающихся стран и на путях развития их сотрудничества добиться ускорения экономического и социального прогресса на независимой от империализма основе, а заодно подвести материальную базу под коллективную экономическую дипломатию этих стран и движение неприсоединения. При этом, в отличие от технократического НМЭП, концепция предполагает проведение в развивающихся странах внутренних преобразований, а в своих наиболее прогрессивных вариантах — мобилизации на цели развития энергии широких народных масс. «Коллективная опора — это прежде всего мобилизация энергии народа, — подчеркивает египетский экономист И. С. Абдалла, — народ является главным генератором развития и по праву должен быть потребителем его плодов» [172, с. 15]. Наконец, в своих внутренних аспектах концепция «коллективной опоры на собственные силы» смыкается с двумя разобранными ранее концепциями, приобретая патриотическую,

гуманистическую, а подчас и антикапиталистическую окраску. Значительную роль отводит эта концепция и национальному государству (более подробный анализ этой концепции см. [168]).

Вместе с тем взгляды ученых развивающихся стран подчас недостаточно определены, аморфны, изменчивы, некоторые ученые примыкают то к одной школе, то к другой. Переходность социального состояния самих этих стран находит свое выражение в том, что прогрессивные идеи в рассмотренных концепциях уживаются с элементами традиционалистской или буржуазной идеологии. Например, акцент в теориях самобытности в ряде случаев ставится на защиту патриархальных и религиозных традиций. Так, на симпозиуме «Цели развития и социально-культурные ценности в Азии» прозвучали призывы к ренессансу буддизма и самоотречению как «лучшему из возможных стилей жизни» [188, с. 99]. Присутствуют здесь и элементы мелкобуржуазного социализма, утопические иллюзии. Вместе взятое, все это нередко подается как какой-то «средний», «промежуточный», «третий» путь развития, отличный и от капитализма, и от социализма.

В контексте производительных сил указанные концепции подчас делают упор на консервацию мелких и средних предприятий с трудоинтенсивной технологией, хотя мелкая собственность, как неоднократно отмечали классики марксизма-ленинизма, «по самой своей природе исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, животноводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки» [8, с. 372], а «мелкое производство совместимо только с узкими примитивными рамками производства и общества» [22, с. 71]. В некоторых вариантах концепции «коллективной опоры на собственные силы» содержатся утопические призывы вообще отмежеваться от системы международного разделения труда. Одновременно с этим ряд идей заимствуется из буржуазной и реформистской идеологии, в чем, в частности, сказывается тот факт, что многие специалисты из развивающихся стран получили высшее образование в странах Запада.

Вместе с тем при всей своей социальной неопределенности общественная мысль развивающихся стран все в большей степени испытывает на себе влияние научного марксизма, воздействие «совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света» [27, с. 11]. Это предопределяется успехами стран социализма и социалистической ориентации, способностью марксистской теории наглядно объяснять явления общественной жизни и прогнозировать их, ростом сознания трудящихся и их роли в общественной жизни. Разумеется, этот процесс идет не без издержек. Нередко люди, относящие себя к марксистам, первоначально усваивают лишь отдельные его положения, другие зачисляя его в европоцентристские теории, третьи узнают не из первоисточника, а из чужих, не всегда добросовестных рук. Нередки и искаженные трактовки марксизма, коренящиеся в западной «марк-

сологии», которая особенно оживилась в связи с юбилеем этого великого мыслителя, который мир отмечал в 1983 г.

Однако и в таком виде набирающее силу обществоведение развивающихся стран видится западным идеологам как очевидная и серьезная угроза. Их тревожит его боевой дух, лучшее понимание проблем развивающихся стран, позволяющее отвергать западные рецепты (см. [183]). «В беспокойные 70-е годы, с очевидным повсюду давлением некоммунистических индустриализирующихся стран, — сетует американский социолог Т. Смит, — трудно даже вспомнить 60-е годы, когда социальный научный истеблишмент США явно доминировал в мировой литературе по проблемам политической и экономической модернизации Африки и Латинской Америки» [308, с. 247].

Соответственно буржуазная политическая экономия и политология ныне вновь ищет обновления своего идейного арсенала (как в его апологической, так и в практической функции, которые здесь особенно тесно смыкаются), пытается выдвигать модернизированные и новые теории, способные, по их замыслу, приглушить голос развивающегося мира в сфере общественных наук.

Новейшие неоколониалистские концепции

Возросшая активность освободившихся стран на международной арене в 70-х годах, выдвижение программы нового мирового экономического порядка, острая критика западных концепций развития и становление собственной общественной мысли в освободившихся странах привели к определенному пересмотру прежних концепций Запада, размежеванию среди его теоретиков. Такая модернизация концепций происходит по нескольким направлениям.

Во-первых, расширяется сфера охвата этими концепциями самого процесса развития, возрастает спектр социальных слоев, которым они адресуются. В числе прочего они вбирают в себя социальную проблематику, становятся более многоплановыми и гибкими, строятся из расчета на охват не только национальной буржуазии и бюрократии, но и широких слоев народа. Наряду с реакционно-консервативными течениями в системе неоколониализма усиливаются течения либерально-реформистские и социал-демократические.

Во-вторых, в обстановке развернувшейся борьбы за новый международный экономический порядок и кризиса мирового капиталистического разделения труда, когда особое значение приобретают концепции экономических отношений развивающихся и капиталистических стран, на первый план выдвигаются идеи «взаимозависимости» и «партнерства» (что уже породило буквально поток статей и книг на эту тему).

В-третьих, в системе идей неоколониализма появляются новые формы апологетики капитализма, искажается сущность социализма и его политики в отношении развивающихся стран в расчете

на то, чтобы помешать усилившемуся стремлению освободившихся стран решить проблемы отсталости и экономической самостоятельности на пути социалистической ориентации.

Концепции «взаимозависимости» и «партнерства», отражающие одновременно и первое и второе направление рассматриваемой модификации, берут свое начало еще в 60-х годах, когда эти идеи, хотя и не в подробно разработанном виде, а скорее в форме призывов, были выдвинуты в докладе Комиссии Пирсона, озаглавленном «Партнеры в развитии». Их более подробная разработка была предложена затем Р. Купером и Л. Брауном в работах, подготовленных по заказу Совета по развитию внешних связей США, а также бывшим председателем Комитета содействия развитию ОЭСР М. Вильямсом, и переведенных на язык практической дипломатии Г. Киссинджером, О. Ламбсдорфом, Р. Янгом и др. [215; 204; 248; 328].

Теоретическим ядром концепций (в которых «взаимозависимость» персонифицирует апологетическую, а «партнерство» — практическую функцию буржуазной политэкономии) являются все те же идеи о свободном движении капиталов и товаров на мировом рынке как условии взаимовыгодности экономических связей между странами. Соответственно иностранный капитал трактуется как переносчик прогресса в развивающиеся страны, которые должны создать благоприятные условия для его приложения.

«Партнерство» интерпретируется «как нечто большее, чем простой переход капитальных и финансовых фондов из одних стран в другие». Оно означает установление новых отношений, но таких, при которых «старший партнер» влияет на хозяйственную политику развивающихся стран, в том числе путем усиления «смычки» иностранного и частного национального капитала [292, с. 5—6].

Вместе с тем в этих общих рамках существуют две интерпретации таких концепций: консервативная (более ранняя) и либерально-реформистская (более поздняя). Первая изложена в работах, подготовленных под эгидой Трехсторонней комиссии [320; 216]; и в ежегодных докладах Комитета содействия развитию ОЭСР [121]. Либерально-реформистские интерпретации даны в ряде докладов Римского клуба [274; 276; 315; 238] и в докладах Комиссии Брандта.

Принципиальное родство между этими интерпретациями состоит в том, что обе они ориентируют развивающиеся страны на капитализм и «привязку» к мировому капиталистическому хозяйству на подчиненных условиях. «Развивающимся странам, — утверждает в одном из докладов Комитета содействия развитию ОЭСР, — практически надежнее ориентироваться на рыночные процессы, так как „импульсы“ международного рынка совпадают с тенденциями структурных изменений в самих развивающихся странах. Рынок предоставит этим странам то, что они хотят получить от общественного разделения труда, особенно странам со средним уровнем развития, но предоставит при условии, если бу-

дет обеспечено свободное функционирование его механизма, поскольку эффективны лишь поддерживаемые рыночные регуляторы» [121, с. 28].

Либерализация же концепций идет в трех направлениях: во-первых, либерал-реформисты склонны признать асимметричность взаимозависимости, к невыгоде развивающихся стран, и необходимость каких-то изменений в международном разделении труда; во-вторых, они уже не считают рыночный механизм безоговорочно эффективным и вводят идею его регулирования [317]; в-третьих, право на такое регулирование признается и за развивающимися государствами.

Некоторые различия среди теоретиков «взаимозависимости» проявляются и на уровне практических политических рекомендаций по «партнерству».

Консерваторы (например, председатель Комитета содействия развитию ОЭСР Д. Льюис) призывают «не поддаваться преувеличениям в оценках асимметричности связей», как это имеет место «в центрo-периферийных концепциях Пребиша — Мюрдаля», и быть селективными в выборе «партнеров в развитии» вплоть до дискриминационного подхода к этому выбору. Так, Д. Льюис считает, что странам ОЭСР выгодно иметь экономические связи в основном со среднеразвитыми странами, и то лишь только в области энергетики, торговли продовольствием и сырьем. Около 40 наименее развитых стран с населением более миллиарда человек, которые Д. Льюис именует «дном третьего мира», при такой трактовке вообще исключаются из сферы «партнерства» [121, с. 14, 23].

Однако даже для этих среднеразвитых стран консервативный вариант концепции не предусматривает каких-либо льгот в развитии. В частности, указывается, что их промышленный экспорт на рынки развитых капиталистических стран должен пробиваться туда самостоятельно через преграды протекционизма. Более того, эти страны «должны отнестись с пониманием» к такому протекционизму как выражению трудностей стран-импортеров, каковое отношение и свидетельствовало бы об их признании «принципов взаимозависимости» [121, с. 27]. Поэтому консерваторы не предусматривают никаких изменений в структуре международного капиталистического разделения труда, несмотря на сдвиги в развитии производительных сил освободившихся стран, и рассматривают многие требования НМЭП как «риторику».

Либерал-реформисты стремятся придать концепции одновременно и теоретическую фундаментальность, и практическую гибкость. Претендуя на дальнейшее развитие учения А. Смита об общественном разделении труда и Д. Рикардо о сравнительных издержках, они делают особый акцент на связи «взаимозависимости» с теориями роста и развития, расценивая ее как дополнение и углубление последних [201, с. 3—4].

Признавая зависимость развивающихся стран, они тем не менее утверждают, что она автоматически ослабевает с углублением

разделения труда, а следовательно, создастся и база для единения целей и интересов всех стран в процессе развития.

Особо следует остановиться на пропаганде данной интерпретации концепции социал-демократами и Социнтерном, отраженной в докладах Комиссии Брандта и Я. Тинбергера [315]. Авторы этих докладов склонны признать несовершенство рыночного механизма и необходимость государственного регулирования. Но замену рынку они видят во введении нормативных элементов в отношения между государствами (торговые преференции, международный контроль над потреблением природных ресурсов, вплоть до передачи их в распоряжение наднациональных органов и т. д.). Соответственно как буржуазные либералы, так и социал-демократы обвиняют в чрезмерном национализме те развивающиеся государства, которые стремятся самостоятельно распоряжаться природными ресурсами и поставить под контроль деятельность ТНК на их территориях. Кроме того, высказываясь на словах за НМЭП, они проводят явно устаревшую идею о примате внешних ресурсов в развитии, тогда как «социальные и экономические реформы внутри стран должны лишь дополнять эту решающую роль», а условия приложения иностранного капитала в этих странах должны быть такими, которые гарантировали бы «массированный перевод ресурсов» [287, с. 194, 241].

Что касается «партнерства», то социал-демократы выдвигают в этой области лозунги «равенства», «солидарности» и «социальной справедливости», тогда как конфронтация трактуется как «аморальное» нарушение его принципов [287, с. 194, 241]. Отсюда признание необходимости изменений в международном разделении труда (рост импорта развитыми странами промышленных изделий молодых государств, увеличение помощи, передача трудоинтенсивной технологии). Однако все это обещается развивающимся странам лишь в ответ на снятие ограничений для операций иностранного капитала, «стабилизацию» доступа к природным ресурсам и т. д.

Явно рассчитанная на ослабление напряженности в отношениях между развивающимися и западными странами, такая интерпретация рассматриваемых концепций, по сути дела, означает уступки развивающимся странам в сфере международного разделения труда, но без изменения их подчиненного положения в нем. Однако конкретная торгово-политическая практика последних лет показала утопичность подобных рекомендаций, что привело к падению кредита этих концепций в глазах развивающихся стран, включая даже часть их прозападных кругов, страдающих от «нового протекционизма». Доклады Пирсона, Тинбергера и Брандта, отмечает французский марксист М. Верле, «вписываются в шеренгу документов и программ, имеющих целью интегрировать развивающиеся страны в международную капиталистическую систему» [339, 1981, № 22, с. 30].

Если концепции «взаимозависимости» и «партнерства» касаются внешних экономических связей освободившихся стран, то в от-

ношении их внутреннего развития модернизация идейного арсенала буржуазной политэкономии нашла свое выражение в выдвижении концепции «альтернативного», или «отличающегося», развития.

Претендуя на «переосмысление» попавших под острую критику развивающихся стран прежних концепций развития, эти новые варианты отличаются определенной внешней демократичностью, равно как признанием ряда острых проблем и специфики освободившихся стран. Так, они признают факт массовой нищеты, противоречивые и социально опасные последствия становления капитализма в развивающейся экономике, заимствуют многие элементы построений теоретиков самих развивающихся стран (в частности, их «эндогенный» подход к развитию, место в нем индивида и т. д.). Вводя слово «альтернатива», эти концепции как бы сознательно подчеркивают свой разрыв с западными рецептами 50-х и 60-х годов. Более того, они на словах вообще не предлагают строить в освободившихся странах капитализм, а избрать для их развития некий третий, промежуточный путь, лежащий в стороне от двух существующих систем собственности, что перебрасывает от этих социально-экономических доктрин мосты уже и в политику, в том числе к теории «равноудаленности» в движении неприсоединения. Претендуют эти концепции и на своеобразное теоретическое обоснование «коллективной опоры на собственные силы».

В наиболее общем и связном виде концепция «альтернативного развития» изложена в документах Международной организации труда, работах Фонда Дага Хаммаршельда и бюллетене Международной федерации ассоциаций развития (ИФДА), издаваемом в Нионе (Швейцария). Работают в этом направлении также Римский клуб и Аспеновский институт гуманитарных исследований. Особо следует выделить такие работы, как «Что дальше? Иное развитие» (Фонд Д. Хаммаршельда), «Катастрофа, или Новое общество. Латиноамериканская модель мира» (Аргентинский институт Варилоче), «Планетарный диалог» (Аспенский институт), ряд докладов Римского клуба [326; 208; 295].

В этих исследованиях содержится также и определенная критика социальных последствий научно-технической революции, загрязнения окружающей среды, деятельности ТНК, консьюмеризма и «общества потребления». Такой либерально-критический, а в некоторых деталях и интерпретациях леворадикальный характер концепции привлекает к ней внимание и сторонников в развивающихся странах. Однако открытое неприятие авторами концепции социалистических идей, ориентация в «сопротивлении» капитализму не на общественный прогресс, а на общественный регресс, ностальгия по докапиталистическим формам организации общества делает эту концепцию не более чем утопией, по существу вредной. Нетрудно видеть, что на «альтернативном» пути развивающиеся страны ни при каких условиях не смогут преодолеть своей слаборазвитости и зависимости. Подобный путь угрожает увлечь переловленные элементы этих стран в погоню за идеалом, который не су-

ществует как формационно-системообразующая модель, особенно в условиях дифференциации развивающихся стран в направлении социальных полюсов, представляющих для них не надуманные, а реальные альтернативы.

Своеобразным концептуальным (и практическим) ответвлением стратегии «альтернативного развития» является и концепция «основных нужд», или «основных потребностей».

Справедливо акцентируя внимание на сохранении в развивающихся странах устойчивых зон крайней нищеты, на социальной несправедливости в распределении доходов и многочисленных ошибках в планировании (явившихся следствием преувеличенного представления о значении экономического роста как такового), концепция «основных нужд» выступает за радикальную переориентацию целей и планов развития в сторону преодоления нищеты беднейшего населения путем обеспечения какого-то гарантированного минимума товаров и услуг (пища, одежда, жилище, питьевая вода, элементарное здравоохранение и образование). Родившись первоначально в умах экспертов МОТ и МБРР, эта концепция была рассчитана на приглушение социального протеста со стороны пауперизованных маргинальных слоев населения развивающихся стран. Получив «большую прессу», она была с интересом воспринята в ряде развивающихся стран, хотя и по диаметрально противоположным причинам. Одни страны видели в ней возможный вариант действительной борьбы с нищетой и демократизации общественной жизни, правительства других стран — лишь еще одно возможное орудие для социального маневрирования [199; 275; 243; 228].

О своей заинтересованности в участии в реализации концепции «основных нужд» заявил ряд финансовых институтов Запада (МБРР, Комитет содействия развитию ОЭСР, фонды ЕЭС), дебаты по ней имели место также и в ООН, в частности в связи с выработкой стратегии и Программы развития на 80-е годы. Эта концепция фигурирует и в ряде коллективных документов развивающихся стран. Так, Кокойская декларация (1974 г.) провозглашала необходимость переориентации развития освободившихся стран «на человека», подчеркивала, что она «должна направлять развитие не только на создание материальных ценностей, но и на совершенствование человека. Основные нужды человека — это продукты питания, жилище, одежда, здравоохранение, образование». Данная концепция нуждается в более подробном разборе и марксистской оценке, тем более что в нашей литературе ей посвящены пока лишь отдельные работы¹.

Сторонников этой концепции объединяет признание необходимости удовлетворения «основных нужд» как средства решения проблем развивающихся стран (а впоследствии, возможно, и глобальных проблем человечества). Однако при переводе этого абстрактного лозунга в практику между ними идет острая борьба.

Западные идеологи, выдвигающие ее в качестве политического громоотвода в период обострения социальной обстановки в разви-

вающихся странах (Р. Макнамара, М. Вильямс, Д. Льюис), предлагают свой, консервативный вариант концепции, в котором «основные нужды» сводятся до уровня физиологического минимума, необходимого для поддержания жизни человека, а причина необеспеченности беднейших масс объясняется лишь неравенством в распределении доходов. Поэтому в качестве рецепта преодоления нищеты авторы этого варианта предлагают «рост с перераспределением» на основе рыночного механизма, при косвенном правительственном вмешательстве (цены и налоги). Особое место в этой концепции отведено западной «помощи», борьбе с голодом и организации производств, нацеленных на удовлетворение «основных потребностей».

Однако имеется в виду отнюдь не индустриализация в обычном понимании. Наоборот, правительства развивающихся государств критикуются за их «стремление быстро индустриализировать экономику в ущерб интересам бедных» [120, с. 10], и инвестиции рекомендуются направлять преимущественно в аграрный и мануфактурный секторы.

Неудивительно, что в такой интерпретации стратегия «основных потребностей» получила отпор со стороны развивающихся стран, в частности на Всемирной конференции по занятости 1976 г. В противовес «физиологическому варианту» в нее было предложено включить обеспечение каждой семьи также и жилищем, нормальными санитарными условиями, транспортом, системой здравоохранения, образования и возможностями для культурного развития [67, с. 24]. Более того, некоторые делегаты из развивающихся стран прямо высказали на конференции точку зрения о том, что причины необеспеченности связаны прежде всего с социальными язвами общества, зависят от характера производства и собственности и потому проблемы «основных потребностей» требуют глубоких социальных преобразований.

В ответ был предложен либерально-радикальный вариант концепции, сторонники которого (Д. Робинсон, И. Галтунг, Ф. Бланшар) утверждают, что проблему «основных потребностей» в развивающихся странах можно решить на пути «улучшения» местного капитализма, его частичных реформ [66; 301]. Однако конкретные направления (и возможности) проведения этих реформ у авторов столь же противоречивы, сколь и утопичны. Так, Генеральный директор МОТ Ф. Бланшар полагает (и не без оснований), что добиться удовлетворения «основных потребностей» можно, если обеспечить все население работой, но именно эта проблема в условиях капиталистического развития остается непреодолимой, на что справедливо указывает другой сторонник этого направления — К. Норман [286, с. 213]. Д. Робинсон возлагает свои надежды на мелкое производство и парцеллизацию земель. «Единственная возможность фронтально атаковать массовую бедность и безработицу, — пишет она, — это увеличить производство продовольствия и сделать более равномерным распределение, для чего необходимо вернуться к мелкому трудоемкому производству в сель-

ском хозяйстве». Однако тут же автор признает, что в реальной жизни на этом пути «невозможно найти совершенное решение», «мало шансов изменить существующую тенденцию» [301, с. 134, 137].

Популярна концепция «основных потребностей» и среди социал-демократов. Как и радикалы, они (В. Брандт, Я. Пронк) критикуют ситуацию, сложившуюся в развивающихся странах, считают причиной бедности зависимое положение этих стран и в известной степени политику транснациональных корпораций. Но при этом они не предлагают какого-либо собственного решения проблемы, по существу разделяя позицию радикалов о «модернизации» капитализма в этих странах с помощью государственного регулирования.

Нетрудно видеть, что главным пороком всех этих воззрений является универсализация понятия «основные потребности» в отрыве от конкретных социально-исторических условий, на недопустимость чего неоднократно указывали марксисты, отрыв меры труда от меры потребления, который отбрасывает авторов этих теорий назад, к эгалитаризму и экономическому романтизму XVIII—XIX вв. На несостоятельность таких воззрений указывают и ряд экспертов из самого же буржуазного лагеря. «Взятый в своем абсолютном значении подход с точки зрения „основных потребностей“ может вызвать только поддержку, — пишут, например, эксперты ЮНЕСКО. — Но эта поддержка не имеет никакого значения, если она не увязана с конкретной стратегией развития, методами и средствами, направленными на достижение цели — удовлетворение „основных потребностей“ [99, с. 76]. Между тем западные теоретики встают именно на путь противопоставления «основных потребностей» всем другим стратегиям развития освободившихся стран — индустриализации экономики, преодолению зависимости и обеспечению самостоятельности, что вызывает в этих странах резкий протест (хотя сама по себе подобная идея имеет там и своих сторонников). «Очевидно, — пишет английский экономист К. Гриффин, — что цели большинства правительств развивающихся стран несопоставимы с интерпретацией, которую вкладывают в стратегию „основных нужд“ на Западе» [237, с. 268].

В совокупности теорий альтернативного развития особое место занимают и концепции технико-экономической трансформации освободившихся стран, хотя они пока наименее разработаны. В основе своей эти концепции пытаются дать решение оптимизации научно-технической политики освободившихся стран в условиях ускоренного морального износа их производительных сил под влиянием НТР и при наличии огромной армии незанятой рабочей силы. Здесь опять-таки имеют место свои ортодоксальные, реформистские и радикальные концепции. Различие между ними коренится прежде всего в трактовке характера технологии, которая должна передаваться развивающимся странам, и способов и условий такой передачи.

Ортодоксальный (консервативный) подход, представляющий

позицию ТНК и правительств стран их базирования, нашел свое отражение на Международной конференции по передаче технологии, состоявшейся в 1977 г. в Вашингтоне [273]. Сущность этого подхода состоит в том, что все отношения между развивающимися странами и собственниками технологии должны строиться исключительно на коммерческой основе и определяться условиями мирового рынка при минимальном вмешательстве правительств развивающихся стран в область технического развития и гарантий сохранения собственности ТНК на передаваемую технологию. Подобные требования означают, по сути, технологический диктат со стороны монополий, тем более что базу науки при этом предполагается оставить в капиталистических странах, а в развивающихся странах осуществлять лишь адаптацию технических решений к местным условиям.

Сторонники ортодоксальных взглядов разделяют и понятие «промежуточной технологии», т. е. морально устаревшей в развитых странах, но еще пригодной для применения в развивающихся, и этот ее вид они предлагают сделать основным в общем потоке передачи. Как вариант при этом предлагается предоставить решение вопроса о характере внедряемой технологии самим ТНК, не связывая их какими бы то ни было ограничениями.

Прямолинейность и откровенная беззастенчивость подобного подхода шокирует реформистов. Они полагают, что условия передачи технологии развивающимся странам должны быть либерализованы, при предоставлении этим странам права самим выбирать ее характер, который вовсе не всегда и не обязательно должен быть «промежуточным» или трудоинтенсивным. «Исключительное использование трудоинтенсивной техники никогда не решит проблем развивающихся стран, — указывалось в одной из резолюций МОТ, — не сократит их зависимость от индустриализированных стран, равно как использование исключительно капиталоемкой техники поставит развивающиеся страны перед серьезными финансовыми проблемами. Отсутствие соответствующего управленческого аппарата отсрочит решение проблемы неиспользованных трудовых резервов. Поэтому развивающиеся страны должны осуществлять рациональный баланс между трудоинтенсивной и капиталоемкой техникой, имея в виду необходимость максимизации роста, занятости и удовлетворение основных потребностей. Эта стратегия равновесия между различными типами технологий должна принимать во внимание желание использовать передовую технику для того, чтобы сократить существующий технологический разрыв между странами» [68, с. 36]. Однако все эти, в основе своей бесспорные положения завершаются общереформистским выводом о том, что один лишь сбалансированный технико-экономический прогресс автоматически обеспечит развивающимся странам преодоление отсталости и зависимости.

В последнее время реформисты активно поддерживают понятие «соответствующая» (appropriate) технология, выдвинутое в ООН как альтернатива понятию «промежуточная» [222]. Ее подбор

предполагает системность при разработке технической и экономической политики, учет всех существенных факторов развития в каждой стране и регионе в целом, в первую очередь требований потребителей в развивающихся странах и спроса на мировых рынках, куда направляется произведенная продукция. В качестве критериев выбора техники предлагаются экономия капитала и энергии, адаптируемость техники к местным традициям и обычаям.

Идея «соответствующей» технологии в своей теоретической постановке может встретить понимание, но и она отмечена печатью ограниченности, а именно абсолютизирует возможности такой технологии в преодолении зависимости. Конечно, техническая политика — важный аспект в этой области, но она продуктивна лишь как часть общей национальной стратегии развития, а не как противовес этой последней, коль скоро речь идет о преодолении отсталости и обеспечении занятости населения.

В западной литературе получили распространение и радикальные концепции технико-экономического развития освободившихся стран (Д. Робинсон, Н. Кларк, К. Норман, Ф. Стюарт). Авторы этих концепций критикуют деятельность ТНК, отмечают подчиненное положение развивающихся стран, их зависимость, бедность населения, безработицу. Однако их рецепты сводятся к тому, чтобы порвать с импортом технологии и создать свою технику, соответствующую в основном «промежуточной» технологии, которая ориентировалась бы на максимальное использование трудовых ресурсов и производство товаров, удовлетворяющих «основные потребности». Соответственно и инвестиции должны распределяться между максимальным числом людей и направляться преимущественно в мелкое производство [286; 300].

Нетрудно видеть, что данная позиция может рассматриваться как утопия, разновидность реанимации все того же экономического романтизма, в данном случае сисмондизма XIX в., в применении к современным развивающимся странам. Неудивительно, что и эта «стратегия» не получила здесь поддержки. Развивающиеся страны резонно ставят вопрос о возможности использования в них наряду с трудоинтенсивной также и передовой трудосберегающей техники, создания хозяйственных комплексов на основе интенсификации интеграционных процессов (см. [299]).

Из всего вышесказанного с достаточной очевидностью вытекает, что концепции «альтернативного развития», которые предлагает молодым государствам буржуазная политэкономия, не являются альтернативными по существу. «Новые» теории, по сути дела, представляют собой противоречивую «подгонку» действительно важных проблем под все ту же философию «догоняющего развития». Империализм предпринял попытки модернизировать свои идейно-теоретические концепции, не поступаясь неокOLONиалистскими интересами. В этих концепциях нет позитивных решений многочисленных сложных и острых проблем, возникших перед развивающимися странами в наши дни. Опираясь на экономическую силу в своем желании удержать эти страны в состоянии зависимо-

сти, он оттачивает методы апологетики, стремится в своих практических рецептах еще больше завуалировать их эгоистичную, эксплуататорскую сущность. Все это свидетельствует о том, что развивающимся странам в идеологической области, так же как и в других сферах, предстоит еще очень трудная и острая борьба за свои подлинные интересы. При этом реальной основой противодействия идейно-теоретическим атакам неокOLONиализма может служить прежде всего союз с мировым социализмом, продолжение антимпериалистической борьбы и перерастание ее в борьбу социальную.

В свое время К. Маркс отмечал, что «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [4, с. 7]. Именно такими задачами, разрешимыми в условиях современной эпохи, являются как экономическая деколонизация, так и перестройка международных отношений во всех их аспектах.

Залогом этого, как было показано в книге, являются возрастающая роль освободившихся стран в мировых делах, новое соотношение сил в мире, поддержка справедливых требований этих стран социалистическим сообществом, международным коммунистическим движением, всеми прогрессивными кругами. В межгосударственных отношениях встречаются растущее неприятие и сопротивление попытки наиболее агрессивных кругов империализма, прежде всего США, вернуться в отношении этих стран к политике диктата и силы. Несмотря на процессы дифференциации, в обозримой исторической перспективе сохраняются совместные формы выступлений развивающихся стран за их интересы, их коллективная экономическая дипломатия.

Все более глобальный характер приобретает и борьба за предотвращение ядерной войны, разрядку и разоружение, тесно связанная с обеспечением необходимых политических и экономических условий для развития. В пользу перестройки международных экономических отношений, в том числе по итогам кризисов 70—80-х годов, говорят и основные направления прогресса современных производительных сил, сдвиги во всемирном разделении труда. Поэтому, при условии единства коренных целей и действий мирового социализма и национально-освободительного движения наших дней эта перестройка может носить и справедливый, и демократический характер.

Однако следует совершенно отчетливо представлять себе и то, что эти *«объективно общенациональные задачи, именно задачи демократические, задачи свержения чужденационального гнета»* [30, с. 111] будут чем далее, тем более трансформироваться в задачи социальные, классовые, различные по своим конечным целям и понятиям завершенности для местных эксплуататорских слоев и, наоборот, трудящихся освободившихся стран. Сопротивление империализма показывает, что даже для закрепления уже имею-

щихся завоеваний, их необратимости необходимы переход через водораздел, разделяющий реформистское и последовательно антиимпериалистическое крыло в национально-освободительном движении, перерастание его в революционно-демократическое, решительный отказ от иллюзий возможности «равенства наций при капитализме» [44, с. 163]. Еще большие усилия потребуются этому движению для того, чтобы довести результаты этой деколонизации и перестройки до всей массы населения.

Короче, процессы, происходящие на периферии империализма, в полном соответствии с законами истории, все более будут превращаться из процессов, происходящих внутри частнособственнической макроформации, в межмакроформационные, из антиколониальных в антикапиталистические. Это, очевидно, потребует смены социальных лидеров и лозунгов дальнейшей борьбы, перехода в ее идейной базе от концепций, укладывающихся в домарксовый социализм, к научному социализму, политической организации трудящихся во главе с их авангардом. Конечно, такие преобразования будут «состоять из долголетних битв, из нескольких периодов натиска с промежутками контрреволюционных судорог буржуазного строя» [25, с. 57]. Однако эти процессы уже происходят и их анализу посвящена третья, заключительная книга данной серии.

Глава первая

¹ Яркий пример того — аргументация сторонников апартеида против национального самоопределения черного большинства населения ЮАР. Ссылаясь на практическую незаселенность районов, лежавших на пути «великого переселения» первых белых поселенцев из Капской провинции в Наталь и Трансвааль, они пытаются выдать их за «коренное население» ЮАР, тогда как негритянские народы — за «более поздних пришельцев с Севера». При этом, однако, сознательно игнорируется факт истребления ряда местных племен в процессе этого переселения, равно как и то, что северо-восток ЮАР был присоединен к колонии Сесилем Родсом путем обмана местного короля Лобенгулы и последующей агрессии против государства Матабеле, существовавшего здесь задолго до образования Капской колонии (см. [319, с. 19]).

Глава вторая

¹ Авторы разделяют точку зрения, высказанную ранее в коллективной работе специалистов-международников ИМЭМО, в соответствии с которой при всей специфике и важности роли освободившихся стран они не создают «особого третьего полюса в системе международных отношений и не размыкают принципиально социально-классовой основы этой системы» (см. [162, с. 214]).

² Подробнее о политической деятельности ТНК в развивающихся странах см. [136].

Глава четвертая

¹ Всего в той или иной форме с движением неприсоединения связано около 120 стран, и на его VII Конференции в Дели кроме полноправных участников присутствовали также Бразилия, Венесуэла, Мексика, Сальвадор, Филиппины, Уругвай и Папуа — Новая Гвинея в качестве наблюдателей, Австрия, Испания, Португалия, Румыния, Сан-Марино, Финляндия, Швеция, Швейцария, Доминиканская Республика и Ватикан — в качестве гостей.

² Группа развивающихся стран под таким названием впервые оформилась в ходе подготовки и проведения I сессии Конференции ООН по торговле и развитию (1963—1964). Ее успех в отстаивании своих интересов на этой сессии побудил развивающиеся страны начать применение аналогичных методов коллективной дипломатии также и в других социально-экономических органах ООН и обусловил рост числа участников группы (в 1983 г. в ее состав входило около 130 государств).

³ Мусульмане (часть боснийских и герцеговинских сербов, албанцы, турки) составляют примерно 10% населения страны.

Глава пятая

¹ В число 18 товаров программы входили кофе, какао, сахар, каучук, олово, чай, сизаль, джут, хлопок, медь, бананы, бокситы, железная руда, мясо, фосфаты, лес, растительные масла, марганец, причем первые 10 из перечисленных формировали «буферные запасы».

² В настоящее время можно говорить о персальности этой задачи, ибо, по самым оптимистичным оценкам, эта доля увеличится к 2000 г. максимум до 19%.

³ Буквенная индексация этих групп родилась на базе разделения стран — членов ООН на отдельные континентальные группы с целью обеспечения справедливого географического распределения выборных мест в ее органах («А» — Азия и Африка, «Б» — страны ОЭСР, «С» — Латинская Америка и «Д» — социалистические страны Восточной Европы, включая СССР), но затем стала для них нарицательной как сторон в переговорах.

Глава шестая

¹ Тем более впечатляющий пример добрососедских отношений дают страны социалистической ориентации. Так, отношения между Эфиопией и НДРИ, Анголой и Мозамбиком в некоторых важнейших аспектах имеют тенденцию приближаться по своему характеру к типу дружественных и братских взаимоотношений между социалистическими государствами.

² Все большие размеры принимает в развивающемся мире и миграция рабочих, особенно в нефтедобывающие страны Ближнего и Среднего Востока. Так, в 1973—1979 гг. в Иран и Саудовскую Аравию прибыло более 1 млн. иммигрантов, в Ливию, Кувейт и ОАЭ — 350 тыс. [102, с. 7]. В итоге доля рабочих-мигрантов в общей численности занятых составляет в Саудовской Аравии 43%, Кувейте — 69, Катаре — 81, ОАЭ — 69% [168, с. 13]. Однако причины этого типа миграции иные и связаны прежде всего с нищетой и безработицей в странах эмиграции. Ныне обсуждаются методы учета и координации таких потоков, однако каких-либо механизмов, которые обеспечивали бы сотрудничество и взаимодополняемость в развивающихся странах в этой сфере, пока не создано.

Глава седьмая

¹ Советская доктрина безопасности для района Персидского залива, выдвинутая в декабре 1980 г., предусматривает отказ от создания в этом районе военных баз и размещения там оружия массового уничтожения, — применения силы и угрозы ею против расположенных там стран, от вмешательства в их внутренние дела; уважение статуса неприсоединения и суверенитета этих стран над их природными ресурсами; отказ от создания препятствий или угроз торговому обмену и морским транспортным связям данных стран с остальным миром. Доктрина для Средиземноморья, выдвинутая в июне 1981 г., призывает: к распространению на этот район оправдавших себя в международной практике мер доверия в военной области; к согласованному сокращению здесь вооруженных сил; к отказу от размещения ядерного оружия на территории средиземноморских неядерных стран и выводу отсюда кораблей с ядерным оружием; к принятию на себя ядерными державами обязательств не применять это оружие против средиземноморских стран, отказавшихся от его размещения на своих территориях (см. [337, 11.12.1980; 337, 10.06.1981]).

Глава девятая

¹ Подробнее об ограничительной деловой практике ТНК, направленной против развивающихся стран, см. [137, с. 160—172; 126].

² ТНК активно участвуют в выработке позиций своих стран в международных организациях вплоть до оперативного контроля работы их делегаций в ООН. Например, в определении позиций США на «Токио-раунд» прямо и постоянно участвовало 980 бизнесменов, заседавших в 24 отраслевых комитетах [347, 31.07.1979].

³ Аргументацию сторон и подробную критику этих концепций см. [260а, с. 8—10].

Глава десятая

¹ Один из ведущих теоретиков этой группировки, Г. Моргентхау, писал по этому поводу: «Что уже совершенно неприемлемо для нас, так это признать, что в значительной части мира сегодня существует революционная ситуация. Эта ситуация существовала бы, даже если бы мы никогда не слышали упоминания о коммунизме, и в значительной степени она является ответом на западную мысль, наши образцы национального самоопределения и радикальных реформ. То, что у нас часто объединяют национальные и социальные революции с коммунизмом, в первую очередь следует объяснить неспособностью Запада оказать им моральную и материальную поддержку» [281, с. 149].

² Примером практической реализации этой идеи была Конференция по международному экономическому сотрудничеству в Париже (1975—1977), на которой «большая семерка» Запада вела переговоры с избранными представителями Юга. Идея глобальных консультаций была предложена экспертами Трехсторонней комиссии и затем развита в докладе Комиссии Брандта. .

Глава одиннадцатая

¹ Наиболее подробной из таких работ является пока кандидатская диссертация М. В. Козыревой «Стратегия „основных нужд“: критический анализ», защищенная в ИМЭМО в ноябре 1982 г.

*Произведения основоположников марксизма-ленинизма**

1. Маркс К. К критике гегелевской философии права.— Т. 1.
2. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии.— Т. 9.
3. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857—1858 гг.).— Т. 12.
4. Маркс К. К критике политической экономии.— Т. 13.
5. Маркс К. Обращение к национальному рабочему союзу США.— Т. 16.
6. Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок».— Т. 19.
7. Маркс К. Капитал. Т. I.— Т. 23.
8. Маркс К. Капитал. Т. III.— Т. 25. Ч. II.
9. Маркс К. Критика политической экономии.— Т. 46. Ч. II.
10. Маркс К. Фрагмент первоначального текста второй главы первого выпуска «К критике политической экономии» и начало третьей главы.— Т. 46. Ч. 2.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Т. 3.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Т. 4.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Гражданская война в Америке.— Т. 15.
14. Энгельс Ф. Эмигрантская литература. Польская прокламация.— Т. 18.
15. Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России».— Т. 22.
16. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества.— Т. 1.
17. Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Т. 3.
18. Ленин В. И. Что делать?— Т. 6.
19. Ленин В. И. Ответ на критику нашего проекта программы.— Т. 7.
20. Ленин В. И. Социальное значение сербско-болгарских побед.— Т. 22.
21. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу.— Т. 24.
22. Ленин В. И. Карл Маркс.— Т. 26.
23. Ленин В. И. Социализм и война (*Отношение РСДРП к войне*).— Т. 26.
24. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27.
25. Ленин В. И. Истинные интернационалисты: Каутский, Аксельрод, Мартов.— Т. 27.
26. Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение.— Т. 27.
27. Ленин В. И. Честный голос французского социалиста.— Т. 27.
28. Ленин В. И. Тетради по империализму.— Т. 28.
29. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики».— Т. 29.
30. Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».— Т. 30.
31. Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции.— Т. 31.
32. Ленин В. И. К пересмотру партийной программы.— Т. 34.
33. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти.— Т. 36.
34. Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП(б). Черновой набросок проекта программы.— Т. 36.
35. Ленин В. И. Письмо к американским рабочим.— Т. 37.
36. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский.— Т. 37.
37. Ленин В. И. VIII съезд РКП(б). Доклад о партийной программе 19 марта.— Т. 38.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даются по 2-му изданию Сочинений, произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

38. Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.—Т. 39.
39. Ленин В. И. IX съезд РКП(б). Доклад Центрального Комитета 29 марта.—Т. 40.
40. Ленин В. И. Письма к рабочим и крестьянам Украины.—Т. 40.
41. Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала.—Т. 41.
42. Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам.—Т. 41.
43. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.—Т. 41.
44. Ленин В. И. Тезисы ко II конгрессу коммунистического Интернационала. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам.—Т. 41.
45. Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов. Доклад о концессиях на фракции РКП(б).—Т. 42.
46. Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина.—Т. 42.
47. Ленин В. И. III конгресс Коммунистического Интернационала. Тезисы доклада о тактике РКП.—Т. 44.
48. Ленин В. И. XI съезд РКП(б). Политический отчет Центрального Комитета РКП(б).—Т. 45.
49. Ленин В. И. К десятилетнему юбилею «Правды».—Т. 45.
50. Ленин В. И. О значении воинствующего материализма.—Т. 45.
51. Ленин В. И. О нашей революции.—Т. 45.

Документы КПСС, коммунистических и рабочих партий

52. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. II, IV. М., 1970.
53. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
54. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
55. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. М., 1969.
56. Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982.
57. Громыко А. А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978.

Публикация документов. Справочно-статистические материалы

58. Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1979.
59. Документы внешней политики СССР. Т. I, М., 1957.
60. Документы встреч неприсоединившихся стран 1961—1973 гг. Белград, 1973.
61. Организация африканского единства (Сборник документов). Вып. 2 (1966—1969). М., 1973.
62. СССР и арабские страны, 1917—1960. Документы и материалы. М., 1961.
63. СССР и страны Африки. Документы и материалы. Т. I. М., 1963.

Издания ООН, ее специализированных организаций и региональных комиссий

64. ECA. Revised Framework of Principles for the Implementation of the New International Economic Order in Africa. Addis Ababa, 1976.
65. ECE. Doc. TRADE/R. 443.
66. ILO. A Basic Needs Strategy for Africa. Report of the Director-General. Geneva, 1977.
67. ILO. Programme of Action. Meeting Basic Needs. Strategies for Eradicating Mass Poverty and Unemployment. Geneva, 1977.

68. ILO. Programme of Action. Meeting Basic Needs. Technologies for Productive Employment Creation in Developing Countries. Geneva, 1977.
69. UN. Doc. A/34/152.
70. UN. Doc. A/34/542.
71. UN. Doc. A/37/24.
72. UN. Doc. A/37/211.
73. UN. Doc. A/AC/55/Add. 1.
74. UN. Doc. A/Conf./79/NR/1-Add. 1.
75. UN. Doc. ST/CTC/34.
76. UN. Demographic Yearbook 1980. N. Y., 1982.
77. UN. Direction of International Trade, 1948 and 1953—1956. N. Y., 1957.
78. UN. Monthly Bulletin of Statistics. N. Y., 1982, May.
79. UN. Multinational Corporations in World Development. N. Y., 1973.
80. UN Towards New International Economic Order. N. Y., 1982.
81. UN. Transnational Corporations and World Development. Third Review. N. Y., 1983.
- 81a. UN. World Economic Survey. N. Y., 1983.
82. UNCTAD. Doc. TD/195.
83. UNCTAD. Doc. TD/238.
84. UNCTAD. Doc. TD/B/628, part I.
85. UNCTAD. Doc. TD/B/863, Part IV.
86. UNCTAD. Doc. TD/B/888.
87. UNCTAD. Doc. TD/B/914.
88. UNCTAD. Doc. TD/B/C. 1/207, Add. 2.
89. UNCTAD. Doc. TD/B/C. 4/188.
90. UNCTAD. Doc. TD/B/C. 4/222.
91. UNCTAD. Doc. TD/B/C. 7/19.
92. UNCTAD. Doc. TD/B/C. 7/29/Add. 1.
93. UNCTAD. Doc. TD/B/C. 6/Ac. 4/8.
94. UNCTAD. Doc. TD/RBP/Conf/10.
95. UNCTAD. Handbook of International Trade and Development Statistics, 1976. N. Y., 1976.
96. UNCTAD. Handbook of International Trade and Development Statistics, 1979. N. Y., 1979.
97. UNCTAD. Handbook of International Trade and Development Statistics. Supplement 1981, N. Y., 1982.
98. UNCTAD. Trade and Development Report, 1982. N. Y., 1982.
99. UNESCO. Study in Depth on the Concept of Basic Human Needs in Relation to Various Ways of Life. P., 1978.
100. UNIDO. Doc. TD/B/209.
101. UNIDO. Industry and Development. 1979, № 3.
102. UNIDO. Industry 2000. New Perspectives. Vienna, 1979.
103. UNIDO. Industry 2000 — New Perspectives. Collected Background Papers. Vol. II. Vienna, 1980.
104. UN University. Socio-Cultural Development Alternatives in a Changing World. Project Meeting Report. Tokyo, 1974.

Издания других международных организаций

105. СЭВ. Сотрудничество стран — членов СЭВ и Совета Экономической Взаимопомощи с развивающимися государствами. М., 1981.
106. Association des economistes du Tiers-monde. Economies du Tiers-Monde. Algier, 1978.
107. GATT. Doc. COM.TD/W/328.
108. GATT. Doc. COM.TD/W/329.
109. GATT. International Trade, 1957—1958. Geneva, 1959.
110. GATT. International Trade, 1981/1982. Geneva, 1982.
111. GATT. Trends in International Trade. Geneva, 1958.
112. IBRD. World Development Report. 1982.
113. ICDA News. 1982. February.

114. IDEP. Achievements and Prospects, 1964-1976. Dakar. 1977.
115. IEA. World Energy Outlook. P., 1982.
116. Doc. NAC/CONF. 7/Doc. 1/Rev. 2.
117. Doc. NAC/CONF. 7/Doc. 6/Rev. 3.
118. OCDE. Aide de développement. Examen 1967. P., 1968.
119. OCDE. Aide de développement. Examen 1968. P., 1969.
120. OECD. Development Co-operation. 1977. Review. P., 1977.
121. OECD. Development Co-operation. 1979. Review. P., 1979.
122. OECD. Development Co-operation. 1981. Review. P., 1981.
123. OECD. Development Co-operation. 1982. Review. P., 1982.
124. World Armaments and Disarmaments. SIPRY Yearbook 1983. L.—N.Y., 1981.

Монографии, статьи, материалы конференций

125. Авсенов М. М. Теории экономического роста развивающихся стран. М., 1974.
126. Березной А. В. Ограничительная деловая практика в арсенале неоколониализма (автореф. канд. дис.). М., 1982.
127. Богомолов О. Т. Страны социализма в международном разделении труда. М., 1980.
128. Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1980.
129. Будущее мировой экономики. Доклад группы экспертов ООН во главе с В. Леонтьевым. М., 1980.
130. Владимиров В. и Костин В. Куба: 20 лет новой внешней политики. М., 1980.
131. Внешнеэкономические связи развивающихся стран Азии. М., 1978.
132. Глобальные проблемы современности и мировое развитие. М., 1981.
133. Дармштеттер П. История раздела Африки (1870—1919). М.—Л., 1925.
134. Дзасохов А. Единство — залог победы. — «Коммунист». 1981, № 8.
135. Зевин Л. З. Новые тенденции в экономическом сотрудничестве социалистических и развивающихся стран. М., 1970.
136. Иванов И. Д. Международные монополии во внешней политике империализма. М., 1981.
137. Иванов И. Д. Современные монополии и конкуренция. М., 1980.
138. Иванов И., Олегвасов Х. ООН и проблемы «третьего мира». — «Мировая экономика и международные отношения». 1974, № 7.
139. Институт востоковедения. Стратегия социально-экономического развития освободившихся стран на 80-е годы. М., 1982.
140. Ким Г. Ф., Кауфман А. С. Ленинизм и национально-освободительное движение. М., 1969.
141. Козырева М. В. Стратегия «основных нужд»: критический анализ (автореф. канд. дис.). М., 1982.
142. Кольменарес Х. С. Подлинные хозяева страны: олигархия и монополии в Колумбии. М., 1981.
143. Кременюк В. А. Политика США в развивающихся странах. Проблемы конфликтных ситуаций. 1945—1976 гг. М., 1977.
144. Крупный капитал и монополии стран Азии. М., 1970.
145. Кулев И. Равноправное и взаимовыгодное сотрудничество. — «Международная жизнь». 1983, № 1.
146. Куньшиков М. Н. Развивающиеся страны Азии: национальные монополии и политика. М., 1981.
147. Максимова М. М. СССР и международное экономическое сотрудничество. М., 1977.
148. Международные конфликты. М., 1972.
149. Международные экономические отношения развивающихся стран. Внешнеэкономические связи развивающихся государств с капиталистическими странами. М., 1980.
150. Насер Г. А. Проблемы египетской революции. М., 1979.
151. Неру Д. Внешняя политика Индии. М., 1965.
152. Обминский Э. Е. «Группа 77». Многосторонняя экономическая дипломатия развивающихся стран. М., 1981.

153. Обминский Э. Е. Концепции международного экономического порядка. М., 1977.
154. Перестройка международных экономических отношений и антиимпериалистический фронт народов. — «Проблемы мира и социализма». 1979, № 5.
155. Петкович Р. Вооруженный конфликт между Ираком и Ираном. — «Международная политика». 1980, № 733.
156. Построено при экономическом и техническом содействии Советского Союза. М., 1982.
157. Примаков Е. М. Восток после краха колониальной системы. М., 1982.
158. Рао Н. Верность принципам и целям неприсоединения. — «Международная политика». 1980, № 724.
159. Резников А. Б. Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. Проблемы теории и истории. М., 1978.
160. Рейснер Л. И., Широков Г. К. Современная индийская буржуазия. М., 1966.
161. Сентэш Т. Третий мир: проблемы развития. М., 1974.
162. Современные буржуазные теории международных отношений. М., 1976.
163. Сотрудничество социалистических и развивающихся стран: новый тип международных отношений. М., 1979.
164. Страны СЭВ в мирохозяйственных связях. М., 1978.
165. Сукарно А. Индонезия обвиняет. М., 1956.
166. Тягуненко В. Л. Международное разделение труда и развивающиеся страны. М., 1976.
167. Ульяновский Р. А. Политические портреты. М., 1980.
168. Христич Э. В. Программа коллективной опоры на собственные силы: критический анализ. — «Мировая экономика и международные отношения». 1982, № 6.
169. Чуфрин Г. Интеграция и внешнеэкономические связи развивающихся стран Азии. — «Азия и Африка сегодня». 1980, № 3.
170. Шаститко П. М. Ленинская теория национально-колониального вопроса (История формирования). М., 1979.
171. Шмелев Н. П. Социализм и международные экономические отношения. М., 1979.
172. Abdalla I. S. What Development? A Third World Viewpoint. — «IFDA. Dossier № 13». Geneva, 1979, November.
173. Accelerated Development in Subsaharan Africa an Agenda for Action. World Bank. Wash., 1982.
174. Adelman I. Development Economics. A Reassessment of Goals. — «The American Review». 1975, vol. LXV, № 2.
175. Adelman I., Morris S. Growth and Social Equity in Developing Countries. Stanford, 1973.
176. Adler D. Etude sur les théories du développement et sur les strategies de la Banque dans le domaine. — «Finance et développement». 1977, № 4.
177. Africa South of the Sahara, 1982—1983. L., 1982.
178. African Boundary Problems. Uppsala, 1969.
179. After Referendum in French Somaliland. Part III. Evolution of the Dispute. — «Africa Report». 1967, vol. 12, № 4.
180. Akkache A. Capitaux étrangers et libération économique. Maspero, 1971.
181. ul Haq M. The Power Curtain. Choices for the Third World. N. Y., 1976.
182. Alternatives for Survivors: Report from the Third System Project. — «Development Dialogue». 1981, № 1.
183. Amin S. A Critique of the Theory of Underdevelopment. L., 1974.
184. Amin S. Per un nuovo ordine economico internazionale. — «Terzo Mondo». Anno XI, dic. 1977 — marzo 1978.
185. Amin S. Self-reliance and the New International Economic Order. — «Monthly Review». 1977, vol. 29, № 3.
186. Aron R. Republique imperiale. Les Etats-Unies dans le monde 1945—1972. P., 1973.
187. Arusha Programme for Collective Self-Reliance and Framowork for Negotiations. Manila, May 1979.

188. Asian Rethinking on Development. New Delhi, 1977.
189. Association des économistes du Tiers-Monde. *Economies du Tiers-Monde*. Algier, 1978.
190. Athkins J. *Latin America in the International Political System*. N. Y., 1977.
191. The Autobiography of Kwame Nkruma. Edinburg, 1957.
192. Baldwin D. (Ed.). *America in an Interdependent World. Problems of United States Foreign Policy*. New Hampshire, 1976.
193. Behrman J., Boddewin T., Kapoor A. *International Business — Government Communications*. Lexington (Mass.), 1976.
194. Bergsten F., Horst T., Morgan T. *American Multinationals and American Interests*. Wash., 1978.
195. Bertram C. (Ed.). *Third-World Conflicts and International Security*. L., 1982.
196. Bhagwati J. (Ed.). *New International Economic Order: the North-South Debate*. L., 1977.
197. Bhattacharya D. *Development: The State of the World at the Beginning of the Third Development Decade*. — «The Developing Economies». 1982, vol. XX, № 1.
198. Blaziet C., Mesa-Lago C. (Ed.). *Cuba in the World*. Pittsbourg, 1979.
199. Biron A., Henry P., Schlegel J. *Towards a Redefinition of Development*. N. Y., 1977.
200. Bishof G. *Relations Between Communist and Third World Countries — «Intereconomics»*. 1976, № 12.
201. Blackhurs R., Marian N., Tumliir I. *Trade Liberalization. Protectionism and Interdependence*. Geneva, 1977.
202. The Brandt Commission. *Common Crisis*. L., 1983.
203. Brookstone J. *The Multinational Businessman and Foreign Policy*. Wash., 1976.
204. Brown L. *World without Borders*. N. Y., 1972.
205. Brzezinski Z. *The International System: Crisis and Change*. — «Polish Review», 1979, № 4.
206. Buchanan N., Ellis H. S. *Approaches to Economic Development*. N. Y., 1955.
207. Castro F. *The World Economic and Social Crisis*. Havana, 1982.
208. *Catastrophe of New Society? A Latin America World Model*. Ottawa, 1976.
209. Chenery H. *Redistribution with Growth*. L., 1974.
210. Chenery H. *Structural Imbalance and Future Development in Latin America*. Memorandum № 19. Harvard, 1966, April.
212. Cline R. *World Inflation and the Developing Countries*. Wash., 1981.
213. *Conflicts and Intervention in the Third World*. L., 1980.
214. *Contemporary Venezuela and its Role in International Affairs*. N. Y., 1977.
215. Cooper R. *The Economics of Interdependence. Economic Policy in the Atlantic Community*. N. Y., 1972.
216. Cooper R., Keiser K., Kosaka M. *Towards a Renovated International System*. New York — Brussels — Tokyo, 1977.
217. Corea G. *UNCTAD and the New International Economic Order*. — «International Affairs». 1977, vol. 53, № 2.
218. Coulombis T., Wolfe J. *Introduction to International Relations*. Englewood Cliffs (New Jersey), 1978.
219. Dasgupta A., Sen A., Sengupta J. *Planning and Plans*. Calcutta, 1961.
220. Datta K. *Third World Countries: Struggle for New Economic Order*. New Delhi, 1979.
221. Dosumu-Johnson T. *Reflection upor African Nationalism*. N. Y., 1980.
222. Dunn P. *Appropriate Technology. Technology with Human Face*. L., 1978.
223. *Emerging Trends in Development Theory*. SAREC Report. R:3. Uppsala, 1978.
224. Emerson R. *Africa and United States Policy*. N. Y., 1967.
225. Etzioni-Halevy E. *Social Change. The Advent and Maturation of Modern Society*. L., 1981.
226. Farmer D., Taylor B. (Ed.). *Corporate Planning and Procurement*. L., 1975.

227. Feld W. Multinational Corporations and UN Policy. The Quest for Codes of Conduct. N. Y., 1980.
228. Fishlow A. Rich and Poor Nations in the World Economy. N. Y., 1978.
229. Franco L. European Multinationals. L., 1980.
230. Frank A. Crisis: in the Third World. N. Y., 1981.
231. Furtado C. Le nouvel ordre économique mondial. Un point de vue du Tiers Monde. — «Revue Tiers Monde», 1976, t. XVII, № 67.
232. Gabriel P. Adaptation: The Name of the MNCs' Game. — «Columbia Journal of World Business», 1972, vol. VII, № 6.
233. Galtung J. Conflicts of Global Scale: Social Imperialism and Subimperialism. — «World Development», 1976, March.
234. Giersch H. Problems of Adjustment to Imports from Less-developed Countries. Tübingen, 1981.
235. Giersch H. (Ed.). Reshaping the World Economic Order. Kiel, 1977.
236. Grayson G. Mexican Foreign Policy. — «Current History», 1977, vol. 72, № 425.
237. Griffin H. Increasing Poverty and Changing Ideas about Development Strategies. — «Development and Change», 1977, vol. 8, № 2.
238. Guernier M. Tiers-Monde: trois quarts du Monde. P., 1980.
239. Hailey W. Native Administration in the British African Territories. P. 3. West Africa. L., 1951.
240. Hakovirta H. Neutral States and Block — Based Integration. Tampere, 1979.
241. Halliday F. Iran: Dictatorship and Development. Harmondsworth, 1979.
242. Hansen R. Beyond the North-South Stalemate. N. Y., 1980.
243. Hansen R. The Political Economy of North-South Relations: An Overview and an Alternative Approach. N. Y., 1978.
244. The Havana Summit. — «Third World Quarterly», 1980, vol. II, № 2.
245. Hettne B. Current Issues in Development Theory. SAREC Report. R:5. Uppsala, 1978.
246. Hoffman S. Gulliver's Troubles or the Setting of American Foreign Policy. N. Y., 1968.
247. Hoopes T. The Devil and J. F. Dulles. Boston, 1973.
248. The Interdependence of Nations. Wash., 1972.
249. Jacoby N. Multinational Oil. L., 1974.
250. Jolly R. Redistribution with Growth. L., 1976.
251. Jukes G. The Soviet Union in Asia. Berkeley, 1973.
252. Kappeler D. Territorialkonflikte in Afrika und die Grundsätze der Organisation der Afrikanischen Einheit. — «Europa Archiv», 1978, Folge 17.
253. Karter G. Independence for Africa. N. Y., 1962.
254. Kaunda R. Towards «Non Alignment». L., 1966.
255. Kemps M. The Management of Interdependence. A Preliminary View. N. Y., 1974.
256. Kennan G. Memoirs, 1925—1950. N. Y., 1969.
257. Kilson M. Social Forces in West African Political Development. — «Journal of Human Relations», 1960, vol. 8, № 314.
258. Kirkwood K. Britain and Africa. L., 1965.
259. Kissinger H. American Foreign Policy. Three Essays. N. Y., 1969.
260. Kissinger H. Central Issue of American Foreign Policy. — «Agenda for the Nation», Wash., 1968.
- 260a. Kuusi J. The Host State and the Transnational Corporation. Northamptonshire, 1980.
261. Lamb A. Asian Frontiers. L., 1968.
262. Lanza E. El subimperialismo venezolano. Caracas, 1981.
263. Laquer W. The Soviet Union and the Middle East. N. Y., 1959.
264. Lefever E. Nuclear Arms and the Third World. Wash., 1979.
265. Legum C. (Ed.). Africa. Contemporary Record. Annual Survey of Documents. N. Y. — L., 1978.
266. Leibenstein H. Economic Backwardness and Economic Growth. Studies in the Theory of Economic Development. Ox., 1957.
267. Lewis W. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. Manchester, 1964.

268. Lord Carrington. Interdependence and Revolution: the West and World Today. Annual Memorial Lecture, 11 February, 1980. L., 1980.
269. Mack A. Why Big Nations Lose Small Wars. — «World Politics», 1975, № 2.
270. Masini J., Ikonicoff M., Tedlicki C., Lanzarotti M. Multinationals and Development in Black Africa. Northamptonshire, 1979.
271. Mattéiart A. Multinationales et systèmes de communication. P., 1976.
272. Marini A. M. Subdesarrollo y revolution. Mexico, 1969.
273. Measures Strengthening the Negotiation Capacity of Governments in their Relations with Transnational Corporations: Technology Transfer through Transnational Corporations. N. Y., 1979.
274. Meadows J. Limits to Growth. N. Y., 1972.
275. Mellor J. The New Economics of Growth. Ithaca, N. Y., 1976.
276. Mesarovich M., Pestel E. Mankind at the Turning Point. N. Y., 1977.
277. Meyns P. Die Bewegung der blockfreien Länder nach der Gipfelkonferenz von Havanna. — «Europa Archiv», 1980, № 3.
278. The Middle East and North Africa, 1980—1981. L., 1981.
279. More than a Slogan. An Interview with Ambassador Sahlool. — «Development Forum», 1976, vol. IV, № 19.
280. Los campesinos trabajadores luchan por la tierra. Buenos-Aires, 1953.
281. Morgenthau H. A New Foreign Policy for the United States, N. Y., 1971.
282. Myint H. Trade Education and Economic Development. — «Economic Development and Structural Change». Edinburg, 1969.
283. Neru J. Before and After Independence. New Delhi, 1949.
284. Nielsen W. The Great Power and Africa. N. Y., 1969.
285. Non-Alignment: Peace and Independence. Helsinki, 1977.
286. Norman C. The God that Limp: Science and Technology in the Eighties. N. T., 1981.
287. North-South: A Programme for Survival. The Report of the Independent Commission on International Development Issues under the Chairmanship of Willy Brandt. London and Sydney, 1980.
288. Ohlin B., Hesselborn P.-O., Wijkman P. M. (Ed.). The International Allocation of Economic Activity. Stockholm, 1977.
289. Public Enterprises in Nigeria. Ibadan, 1974.
290. Parmar S. Human Development. — «Bulletin of Peace Proposals». 1976, vol. 7, № 3.
291. Partners in Tomorrow. N. Y., 1978.
292. Pearson L. The Crisis of Development. N. Y., 1970.
293. Perham M. Native Administration in Nigeria. L., 1937.
294. Petroux F. A la recherche d'un nouvel ordre économique international. — «Défense nationale». 1977, № 5, s. 30.
295. The Planetary Bargain. N. Y., 1976.
296. Portes R. Est, Ouest et Sud: le rôle des économies centralement planifiées dans l'économie internationale. — «Revue d'études comparatives». 1979, vol. 10, № 3, c. 64.
297. Prebisch R. The Economic Development of America Latina and its Principal Problems. N. Y., 1950.
298. Proceedings of the United Nations Conference on Trade and Development. Annex B. Geneva, 1964.
299. Reddy A. Technology, Development and the Environment. A Re-appraisal. Nairobi, 1979.
300. Robinson J. (Ed.). Appropriate Technology for the Third World Development. L., 1978.
301. Robinson J. Aspects of Development and Underdevelopment. L., 1979.
302. Rostow W. The Stage of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
303. Sauvank K., Lavipour F. (Ed.). Controlling Multinational Enterprises. Problems, Strategies, Counterstrategies. Boulder (Colorado), 1979.
304. Shihata I. The OPEC Fund for International Development. — «Third-World Quarterly». 1981, vol. III, N. 1.

305. Singer H. W. Employment Mission to Kenya. Report for the ILO. Geneva, 1972.
306. Singham A. Non-Alignment from Summit to Summit. — «Man and Development», 1979, vol. 3, October.
307. Sklar R. Corporate Power in an African State. Berkeley, 1975.
308. Smith T. The Underdevelopment of Development Literature: The Case of Dependency Theory. — «World Politics», 1979, vol. XXXI, № 2.
309. Social Sciences in Asia. New Delhi, 1974.
310. Solomon L. Multinational Corporations and the Emerging World Order. N. Y., 1978.
311. Sparring O. Den Afro-Asiatiska Neutraliteten. Stockholm, 1962.
312. Strauss F. Analyse der Weltpolitischen Situationen Wartburg, 1979.
313. Taborsky E. Communist Penetration of the Third World. N. Y., 1973.
314. Tinbergen J. Reshaping the International Order. A Report of the Club of Rome. L., 1976.
315. Tinbergen J. Reshaping the International Order. N. Y., 1977.
316. Toure S. The International Policy of the Democratic Party of Guinea. Edinburg, 1969.
317. Trade Liberalization, Protectionism and Interdependence. N. Y., 1980.
318. Tsurumi Y. Multinational Management, Business Strategy and Government Policy. Cambridge (Mass.), 1977.
319. Turner L. Multinational Companies and the Third World. L., 1973.
320. Uri P. Développement sans dépendance. P., 1974.
321. The US and World Development. Agenda 1979. N. Y., 1979.
322. Velasco A. E. Argentina: Un Nuevo estilo diplomático. — «Revista de Política Internacional», 1977, № 52.
323. Vernon R. Storm over Multinationals. The Real Issues. Cambridge (Mass.), 1977.
- 323a. Viner J. International Trade and Economic Development. Ox., 1953.
324. Weinstein F. Multinational Corporations and the Third World: the Case of Japan and Southeast Asia. — «International Organization», 1973, vol. 30, № 3.
325. Wester Economy in Transition. Boulder (Colorado), 1980.
326. What Now? Another Development. Uppsala, 1975.
327. Wilkins M. The Maturing of Multinational Enterprise: American Business Abroad from 1914 to 1970. Cambridge (Mass.), 1974.
328. Williams M. Development Co-operation Effort and Policies of the Member of the Development Assistance Committee. P., 1973.
329. World Military Expenditures and Arms Transfers. U.S. Government Printary Office. Dec. 1980.
330. Younes H. Obstacles to Processing in Developing Countries. Geneva, 1978. —

Газеты и журналы

331. БИКИ (Бюллетень иностранной коммерческой информации).
332. «Внешняя торговля».
333. «За рубежом».
334. «Известия».
335. «Международная политика».
336. «Новое время».
337. «Правда».
338. «Afrique - Asie».
339. «Aujourd'hui l'Afrique».
340. «Canadian Journal of African Studies».
341. «Christian Science Monitor».
342. «Daily News».
343. «Demain d'Afrique».
344. «Eastern Economist».
345. «The Economist».
346. «Ethiopian Herald».

- 347. «Financial Times».
- 348. «India Quaterly».
- 349. «International Herald Tribune».
- 350. «International Organization».
- 350a. «Libra».
- 351. «Manila Journal».
- 352. «Marchés tropicaux».
- 353. «Le Monde».
- 354. «Movimento».
- 355. «Neue Zürcher Zeitung».
- 356. «The New York Times».
- 357. «The New York Times Magazine».
- 358. «Notes et Etudes documentaires».
- 359. «Philippine Daily Express».
- 360. «Prisma Latinoamericana».
- 361. «Revolution Africaine».
- 362. «Saturday Review».
- 363. «Der Spiegel».
- 364. «Time».
- 365. «The Times».
- 366. «US News and World Report».
- 367. «Vorwärts».
- 368. «Washington Post».

Введение	3
Раздел первый	
Становление самостоятельной роли освободившихся государств в международных отношениях	8
Глава первая. Крах колониализма: закономерность и уроки	8
Внутренние причины краха колониальных империй	9
Мировой социализм и распад колониальной системы	12
Глава вторая. Развивающиеся страны в политической структуре современного мира	18
Завершение политической деколонизации	19
Факторы, специфика и пределы политической общности	23
Социально-экономическая ориентация и внешняя политика молодых государств	27
Глава третья. Эволюция роли и места развивающихся стран в капиталистической системе хозяйства	38
Слагаемые и показатели повышения роли освободившихся стран в капиталистической экономике	39
Национальный суверенитет и иностранный капитал: модификация отношений собственности и контроля	47
Раздел второй	
Методы, программы и противоречия борьбы освободившихся стран за политическую и экономическую независимость	56
Глава четвертая. Движение неприсоединения	57
Сущность движения, история, эволюция целей	57
Позиции движения неприсоединения по основным международным проблемам	63
Расстановка сил и внутренние проблемы движения	67
Глава пятая. Борьба за Новый международный экономический порядок	81
Историческая обусловленность процесса	81
Основные черты программы НМЭП	85
НМЭП и «группа 77» как зеркало общности и различий развивающегося мира	95
Глава шестая. Политические и экономические взаимоотношения между развивающимися странами	104
Специфика межгосударственных отношений	105
Солидарность и конфликты на региональном уровне	115
Торгово-экономическое сотрудничество	128
Раздел третий	
Социализм, империализм и развивающиеся страны	142
Глава седьмая. Мировой социализм: концептуальный и политический вклад в дело экономической деколонизации и развития	142
Социалистическая альтернатива преодоления отсталости и ее значение	143
Политическая и дипломатическая поддержка молодых государств	147
Глава восьмая. Мировой социализм: экономическое и техническое содействие освободившимся странам	154
Принципы и характер сотрудничества	154

Основные направления и сферы оказания содействия	158
Развитие форм сотрудничества и его проблемы	162
<i>Глава девятая. Империализм: курс на сохранение зависимости</i> . .	167
Слагаемые экономического и социального влияния империализма в молодых государствах	168
Позиции Запада в многосторонней дипломатии развития	185
<i>Глава десятая. Империализм: политические параметры неоколониализма</i>	195
Эволюция оценки роли освободившихся стран в буржуазной политоло- гии	195
Возможности и пределы проведения «силовой» политики	199
<i>Глава одиннадцатая. Империализм: идейно-теоретическое наступление на освободившиеся страны</i>	209
Кризис традиционных буржуазных доктрин: причины и проявление .	209
Новейшие неоколониалистские концепции	218
Заключение	229
Примечания	231
Библиография	234

**РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ:
новая сила в мировой политике
и экономике**

*Утверждено к печати Институтом мировой
экономики и международных отношений
Академии наук СССР*

Редактор *Б. Е. Косолапов*
Младший редактор *Н. В. Беришвили*
Художник *Б. Г. Дударев*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *К. Н. Драгунова*

ИБ № 14621

Сдано в набор 10.10.83. Подписано к печати
29.02.84. А-09621. Формат 60×90^{1/16}. Бумага
типографская № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 15,5. Усл. кр.-отт. 15,5.
Уч.-изд. л. 18,13. Тираж 6 400 экз. Изд. № 5582.
Заказ № 987. Цена 1 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

1-я типография Профиздата. Москва. 109044,
Крутицкий вал, 18.

Исправление

**В выпускных сведениях вместо
"Тираж 6 400 экз." следует чи-
тать "Тираж 5 750 экз."**

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

Развивающиеся страны в современном мире: Пути революционного процесса. 25 л.

В книге рассматриваются проблемы национально-освободительного движения, понимаемого как специфическое направление развития мирового революционного процесса на периферии капиталистической системы. Эти проблемы анализируются как под углом зрения общих закономерностей развития национально-освободительного движения, так и в рамках его современного этапа; как в масштабе развивающегося мира в целом, так и отдельно по главным группам. В отдельных главах работы исследуется специфика социально-политического и идеологического развития этих обществ.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГА И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, № 2, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

Развивающиеся страны в современном мире: Единство и многообразие. 20 л.

В книге проводится комплексное теоретико-методологическое исследование экономических и социальных проблем освободившихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Анализируется общее и особенное в формационном развитии этих стран, раскрывается специфика их социально-исторической общности, характеризуются их социально-экономические и классовые структуры, а также социальный организм в целом. Рассматривается дифференциация развивающегося мира, углубление различий между группами составляющих его стран, являющееся как следствием внутренних процессов в этих странах, так и результатом воздействия на них противоположных мировых социальных систем.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГА И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, № 2, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».